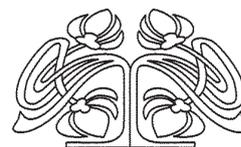

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Научный журнал
2019 Том 19

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

Издается с 2007 года

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

- Федоляк В. С.** Плотность экономического пространства как показатель эффективного использования потенциала территории 122
- Землянухина Н. С., Кузнецов П. С., Фурсов А. Л.** Изменение парадигмы профориентации в условиях постмодерна 128
- Волкодавова Е. В., Горячева Т. В., Жабин А. П., Хансеев Р. И.** Компетентностный подход как основа развития предпринимательских вузов в национальной инновационной системе 134
- Рудь Е. М., Рудь А. Е.** Конкурентоспособность организации как объект институционального регулирования 142

Управление

- Гусаков А. А.** Формирование навыков дизайн-мышления у менеджеров в условиях четвертой промышленной революции 147
- Мингалева Ж. А., Старков Ю. В., Тарасов А. В.** Повышение конкурентоспособности предприятий на основе выбора стратегических альтернатив развития 155
- Евсеева М. В.** Управление портфелем проектов и программ: современные требования 165
- Алексеев А. О., Алексеева И. Е., Носкова А. Р., Кылосова В. В., Князева А. И.** Математические методы и инструментальные средства отраслевой идентификации предприятий и организаций по видам экономической деятельности 172
- Чернышова Г. Ю., Самаркина Е. А.** Методы интеллектуального анализа данных для прогнозирования финансовых временных рядов 181
- Харламов А. В.** О статистическом методе построения прогноза цены недвижимости по неоднородным данным 189

Право

- Кокурина О. Ю.** Заслуга как социально-правовое явление и понятие: определение, материальные и юридические признаки (Часть 1) 194
- Амелин Р. В., Чаннов С. Е.** Трансформация права под воздействием цифровых технологий: новые требования к подготовке юристов 200
- Касаева Т. Г.** Анализ некоторых учений о праве в свете современности 205
- Подмарев А. А.** Конституционное регулирование ограничения избирательных прав граждан Российской Федерации 210
- Якимова Е. М.** Конституционное регулирование экономических отношений в зарубежных странах: история и современность 216
- Овсянников С. А.** Правовое регулирование установления административной ответственности субъектами Российской Федерации 224
- Кондращенко Д. А.** К вопросу о закреплении принципов избирательного права в Конституции Российской Федерации 229

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 08.00.01; 08.00.05; 08.00.10; 08.00.12; 08.00.13; 08.00.14; 12.00.01; 12.00.02; 12.00.06; 12.00.12)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56133 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36012, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 20.05.19.
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 13,48 (14,5).
Тираж 500 экз. Заказ 69-Т.

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2019

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах на русском и английском языках, ORCID автора, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований; 3) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора (лично в деканате экономического факультета или почтовым отправлением). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <http://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Эмпирический анализ, Результаты, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статьи подвергаются анонимному рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на большой срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую, корректорскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Статьи и документы следует присылать в редколлегию Серии по электронной почте: sgu-eup@gambler.ru, документы – простыми (не заказными) письмами по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, экономический факультет, деканат. Справки по тел.: деканат экономического факультета: (8452) 22-51-38. Сайт журнала: <http://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

- Fedolyak V. S.** Economic Space Density as a Measure of Territory Potential's Effective Use 122
- Zemlyanukhina N. S., Kuznetsov P. S., Fursov A. L.** Changing the Paradigm of Career Guidance in Postmodern Environment 128
- Volkodavova E. V., Goryacheva T. V., Zhabin A. P., Khansevyarov R. I.** Competence Approach as the Basis for Entrepreneurial Universities Development in the National Innovation System 134
- Rud E. M., Rud A. E.** Organization Competitiveness as an Institutional Regulation Object 142

Management

- Gusakov A. A.** The Formation of Design Thinking Skills Among Managers in the Fourth Industrial Revolution 147
- Mingaleva Zh. A., Starkov Yu. V., Tarasov A. V.** Enterprises Competitiveness Improvement Based on the Choice of Strategic Development Alternatives 155
- Evseeva M. V.** Projects and Programs Portfolio Management: Modern Requirements 165
- Alekseev A. O., Alekseeva I. E., Noskova A. R., Kylosova V. V., Knyazeva A. I.** Mathematical Methods and Instrumental Means of Industrial Identification of Enterprises and Organizations by Economic Activities 172
- Chernyshova G. Yu., Samarkina E. A.** Data Mining Methods for Financial Time Series Forecasting 181
- Harlamov A. V.** The Statistical Method of Constructing a Forecast for the Real Estate Price Using Heterogeneous Data 189

Law

- Kokurina O. Yu.** Merit as a Social and Legal Phenomena and Concept: Definition, Material and Legal Attributes (Part 1) 194
- Amelin R. V., Channov S. E.** Transformation of Law under the Influence of Digital Technologies: New Requirements to Training of Lawyers 200
- Kasaeva T. G.** The Analysis of Some Doctrines of Law in the Light of the Present 205
- Podmarev A. A.** Constitutional Regulation of Restriction of Electoral Rights of Citizens of the Russian Federation 210
- Yakimova E. M.** Constitutional Regulation of Economic Relations in Foreign Countries: History and Modernity 216
- Ovsyannikov S. A.** Legal Regulation of Establishment of Administrative Responsibility by Territorial Subjects of the Russian Federation 224
- Kondraschenko D. A.** Consolidation of the Principles of Electoral Law in the Constitution of the Russian Federation 229

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: Экономика. Управление. Право»**

Главный редактор

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Солодкая Татьяна Ивановна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Александр Анна, PhD, профессор (Вайоминг, США)
Анисимов Алексей Павлович, доктор юрид. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Бенюйт Уильям, PhD, профессор (Огайо, США)
Ермасова Наталия Борисовна, PhD, доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)
Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)
Козин Михаил Николаевич, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)
Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Лхагвадори Ариунаа, PhD, профессор (Уланбатор, Монголия)
Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экон. наук, профессор (Пермь, Россия)
Муравьев Николай Васильевич, PhD, MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)
Носов Владимир Владимирович, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)
Орехова Елена Анатольевна, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)
Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)
Синюкова Татьяна Витальевна, кандидат юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стойлова Десислава, PhD, профессор (Благоевград, Болгария)
Трубицына Тамара Ивановна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)
Хрусталев Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Черемисинов Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)
Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)
Эретин Сефика Шуле, PhD, профессор (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA of SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: Economics. Management. Law»**

Editor-in-Chief – Olga S. Balash (Saratov, Russia)

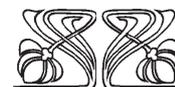
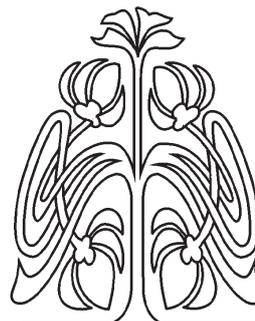
Deputy Editor-in-Chief – Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Tatyana I. Solodkaya (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anne Alexander (Wyoming, USA)
Alexey P. Anisimov (Volgograd, Russia)
Vladimir A. Balash (Saratov, Russia)
William Benoit (Ohio, USA)
Natalia B. Ermasova (Illinois, USA)
Alexander I. Zemlyanukhin (Saratov, Russia)
Mikhail N. Kozin (Moscow, Russia)
Oleg U. Krasilnikov (Saratov, Russia)
Ariunaa Lkhagvadorj (Ulaanbaatar, Mongolia)
Zhanna A. Mingaleva (Perm, Russia)
Nikolai V. Mouraviev (Dundee, United Kingdom)
Vladimir V. Nosov (Moscow, Russia)

Elena A. Orekhova (Volgskii, Russia)
Nazir T. Razgeldeev (Saratov, Russia)
Sergey P. Sidorov (Saratov, Russia)
Tatyana V. Sinyukova (Saratov, Russia)
Desislava Stoilova (Blagoevgrad, Bulgaria)
Tamara I. Trubitsina (Saratov, Russia)
Anna A. Firsova (Saratov, Russia)
Vitali N. Khrustaliov (Saratov, Russia)
Olga I. Tsibulevskaya (Saratov, Russia)
Georgy A. Cheremisinov (Saratov, Russia)
Ekaterina S. Shugrina (Moscow, Russia)
Şefika Ş. Erçetin (Ankara, Turkey)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

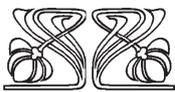
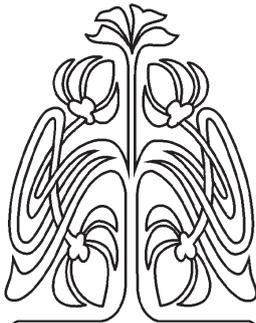
ЭКОНОМИКА

УДК 332.135

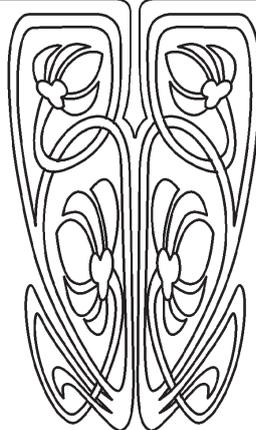
Плотность экономического пространства как показатель эффективного использования потенциала территории

В. С. Федоляк

Федоляк Василий Степанович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, fvs01@rambler.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Введение. На территории современной России происходит сжатие экономического пространства до мест концентрации, что свидетельствует о снижении потенциальных возможностей развития отдельных территорий, степени их включения в хозяйственную деятельность, эффективности использования ресурсов территории. **Теоретический анализ.** В основе понимания существующей тенденции в современной России лежит концепция Дж. Фридмана «центр – периферия» – модель взаимодействия центральных и периферийных районов в процессе их развития. Плотность экономического пространства – это одна из его качественных характеристик, показывающая концентрацию экономической деятельности, степень насыщенности территории хозяйственными объектами. Основными показателями экономической плотности региона являются количество населения и объем ВРП на единицу площади. Все остальные показатели коррелируют с ними и являются производными от них. **Эмпирический анализ.** Высокая плотность экономического пространства характерна для крупных городов и высокоурбанизированных территорий. Именно эти формы расселения способны сконцентрировать различные сферы хозяйственной деятельности и трудовые ресурсы, что способствует инновационной активности и экономическому росту. Неоднородность экономического пространства и неравномерность экономического роста и развития неизбежно порождают диспропорции между центром, периферией и провинцией. Поэтому можно предположить существование прямой связи между плотностью экономического пространства той или иной территории и качеством протекающих на ней экономических процессов, влияющее на уровень и качество жизни населения, проживающего на конкретной территории. **Результаты.** На данном историческом этапе экономически нецелесообразно развивать неосвоенные территории, а в силу ряда факторов, прежде всего климатического, природного, географического положения, вся территория России не может развиваться качественно одинаково или не может развиваться вообще. Для таких территорий наиболее приемлемым вариантом было бы сжатие или концентрация их экономического пространства, что будет способствовать повышению качества пространства и лучшему использованию ресурсов территории.

Ключевые слова: экономическое пространство, экономическая плотность, регион, население, валовой региональный продукт.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-122-127>

Введение

Современная экономика России характеризуется формированием условий моноцентричного развития регионов России: сосредоточение экономической активности в одном или нескольких крупных городах и замедление экономической динамики периферийных районов, их опустение и упадок, т.е. происходит сжатие экономического пространства до мест концентрации. «На данный момент мы имеем совершенно другую конфигурацию простран-

ственной организации хозяйства и расселения в современной России, чем это было несколько десятилетий назад, как в масштабе всей страны, так и отдельных регионов» [1, с. 539]. Такая тенденция определяется как объективными, так и субъективными факторами – инфраструктурным обустройством, размещением природных, трудовых, финансовых и других ресурсов, производительных сил, геополитическими и оборонно-стратегическими рамками и т.п. Формирование неоднородного экономического пространства с разными показателями экономической плотности внутри регионов свидетельствует о снижении потенциальных возможностей развития отдельных территорий, степени их включения в хозяйственную деятельность, эффективности использования ресурсов территории.

Теоретический анализ

Экономическое пространство, его качественные характеристики выступают как объектом экономических исследований, так и объектом приложения управленческих усилий. Большой вклад в его исследования внесли такие западно-европейские ученые, как Дж. Фридман, Ф. Перру, А. Вебер, И. Тюнен и др. Среди отечественных исследователей данной проблематикой в разных аспектах занимались Н. Т. Аврамчикова, А. Г. Гранберг, О. А. Бияков, Р. С. Беков, О. В. Иншаков, П. А. Минакир и др.

В основе понимания существующей тенденции в современной России лежит концепция Дж. Фридмана «центр – периферия» – модель взаимодействия центральных и периферийных районов в процессе их развития. Согласно этой концепции неравномерность экономического роста и развития, процесс пространственной поляризации неизбежно порождают диспропорции

между центром и периферией. Это обусловлено тем, что каждая территория имеет свои особые закономерности существования, что проявляется в концентрации эффективной хозяйственной деятельности в относительно небольших ареалах. Именно в центрах, каковыми являются крупные города, происходит концентрация экономического пространства и капиталов крупных корпораций, способствующая экономическому росту в регионе. Центры выступают фокусами финансовых потоков, полюсами технологических инноваций, местами принятия коммерческих и административных решений, влияющих на ход экономической жизни в тяготеющей к ним периферии [2]. Следовательно, центр и периферия отличаются разными условиями хозяйствования и разной экономической плотностью.

Как пишет А. Г. Гранберг, «экономическое пространство – это насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т.д.» [3, с. 26]. Плотность экономического пространства – это одна из его качественных характеристик, показывающая концентрацию экономической деятельности, степень насыщенности территории хозяйственными объектами. По определению, которое приводится в отчете Всемирного банка, плотность, как правило, означает интенсивность экономической деятельности на единице территории, например на одном квадратном километре [4]. Обычно плотность экономического пространства региона может измеряться такими показателями, как количество населения и предприятий, природно-ресурсный потенциал, объем ВРП и другие на единицу площади пространства (таблица).

Основные показатели плотности экономического пространства и их содержание
The Main Indicators of the Density of Economic Space and Their Content

Показатели плотности экономического пространства	Содержание показателей плотности экономического пространства
Показатели плотности природно-ресурсного потенциала	Земельные, минерально-сырьевые, лесные, водные и иные природные ресурсы
Показатели урбанизации и экономической плотности населения	Количество систем поселений (сел, городов, мегалополисов в регионе). Численность общего и экономически активного населения
Показатели экономической плотности предприятий	Количество предприятий разных сфер деятельности, объектов производственной и непроизводственной инфраструктуры
Показатели плотности путей сообщения	Количество всех видов транспорта, протяженность железнодорожных и автомобильных дорог и др.
Показатели плотности объема ВРП	Объем валового регионального продукта
Показатели бюджетного потенциала	Налоговый потенциал территории, объем дотаций, субвенций, субсидий, трансфертных платежей и др.

Чем плотнее экономическое пространство, тем прочнее его структура и тем быстрее имеющийся потенциал может быть задействован для хозяйственной деятельности. Большое число экономических объектов, сосредоточенных на единицу плотности, дает большую экономическую мощь данной площади [5, с. 30]. Чем дальше производственный объект от мест с высокой экономической плотностью, тем ниже производительность: «...увеличение этого расстояния вдвое означает снижение производительности на 15, а прибыли – на 6 процентов» [4, с. 15].

Эмпирический анализ

Плотность экономического пространства неодинакова на территории любого региона: наибольшей она является в городах, немного меньшей – на периферии и еще меньшей – в провинции. Более того, даже внутри каждой из этих форм отмечается неравномерность в плотности экономического пространства из-за виртуализации экономической жизни. При этом для центра (разновидностями которого являются моноцентризм и полицентризм) характерна чрезмерная концентрация всех видов ресурсов (непропорционально площади и населению), в то время как периферия функционирует в условиях жесткого дефицита ресурсов и полностью зависима от центра. В отличие от нее, провинция характеризуется самодостаточностью и наличием внутренних ресурсов для уверенного устойчивого развития.

В отчете Всемирного банка говорится: «Ограничения данных по некоторым показателям может вызвать компромисс: поскольку плотность производства и населения тесно соотносятся, а информация по производству менее доступна, то плотность населения иногда используется как заменитель экономической плотности. Высокая плотность требует географической концентрации труда и капитала, и она тесно коррелирует как с занятостью, так и с плотностью населения» [4, с. 37]. Поэтому можно предположить, что основными показателями экономической плотности региона выступают количество населения и объем ВРП на единицу площади. Все остальные показатели коррелируют с ними и являются производными от них.

Однако следует согласиться с С. А. Романюк, который считает, что существуют определенные предостережения относительно корреляции показателей экономической плотности и плотности населения, ссылаясь на пример, приведенный в том же отчете: «Лондон, возможно, является городом с самой высокой экономической плотностью в мире, но Мумбай

(Индия) с плотностью 30 000 на км² имеет наибольшую плотность населения» [6, с. 9].

Показатель плотности населения – основной в формировании качества экономического пространства: чем больше людей проживает на территории, тем большее количество ресурсов они потребляют, тем больше рабочих мест, платных услуг, товаров и продуктов требуется для удовлетворения их потребностей. Важно учитывать общую и экономическую плотность населения. Общая плотность населения – это все люди, населяющие данную территорию, а экономическая плотность населения показывает численность трудоспособного населения на конкретной территории. К примеру, общая плотность населения Саратовской области – 25 чел./км², а экономическая – около 14 чел./км².

Н. Т. Аврамчикова пишет, что «исходя из фактического значения показателя, ему можно присвоить качественное либо некачественное состояние. При этом для каждого показателя должны существовать свои критерии оценки качества, связанные с выбранным ориентиром оценки. При определении плотности населения за основу анализа региональной плотности нужно брать плотность, характерную для региона с качественным экономическим пространством. Если же за качественный ориентир брать развитые европейские страны, то значение оптимальной плотности населения будет равно, по экспертным оценкам, 100–200 чел./км². Общероссийский показатель в 8,3 чел./км² можно принять за минимальный уровень, а промежуток от 10 до 100 чел./км² за среднее значение. Пространство с плотностью населения ниже 10 чел./км² можно считать некачественным» [5, с. 32]. По данному способу определения качества плотности населения Саратовская область имеет значение ниже среднего в России.

Плотность экономического пространства в Саратовской области в части количества населения на единицу площади за последние 20 лет сократилось на 223,5 тыс. чел. (в 1989 г. оно составляло 2 686 483 чел., а в 2018 г. – 2 462 950 чел.) [7]. Городское население области составляет 75,7% (1864,5 тыс. чел.), а общая площадь городов занимает примерно 1% (1 тыс./км²) от общей площади области. Следовательно, плотность городского населения на 1 км² составляет 1864,5 чел. Сельское население области составляет 30% (598,5 тыс. чел.), проживает на территории 100 тыс./км², т. е. 5,98 чел. на 1 км². Поскольку в области городское население в соотношении к сельскому имеет стабильную тенденцию к увеличению, то можно заключить, что происходит сжатие экономического пространства

до городских поселений. В отличие от городского населения, сельское является недопустимо малой величиной на большой территории, для того чтобы эффективно проводить модернизацию производства, прежде всего сельскохозяйственного, и более полно использовать природно-ресурсный потенциал региона.

Следующим важным показателем, характеризующим экономическую плотность региона, является объем ВРП на единицу площади. Данный показатель определяет, насколько значение ВРП соответствует размеру территории, на которой этот продукт производится. «Производство концентрируется в больших городах, наиболее развитых районах и богатых странах. Половина объема мирового производства сосредоточена на полутора процентах территории планеты. Занимая всего 0,5% территории Египта, Большой Каир производит более половины ВВП страны. На долю трех юго-восточных штатов Бразилии приходится 15% площади страны – и свыше половины объема производства. А в Северной Америке, Европейском Союзе и Японии, где проживает менее одного миллиарда человек, сосредоточено три четверти мирового богатства» [4, с. 5].

В 2016 г. ВРП Саратовской области составлял 655 млрд руб. В расчете на один километр площади – около 6,5 млн руб., а на одного жителя области приходилось 263,7 тыс. руб. Для сравнения, ВРП Самарской области в 2016 г. составлял 1275,1 млрд руб. В расчете на один км площади – около 23,8 млн руб, а на одного жителя области приходилось 398,9 тыс. руб. [8]. Следовательно, экономическое пространство Самарской области более плотное и качественное, а это свидетельствует о лучшем использовании экономического потенциала территории, чем в Саратовской области.

Однако, сравнивая территории регионов по степени плотности ВРП, необходимо учитывать их природно-климатические условия. Например, Саратовская область входит в число самых засушливых и вододефицитных регионов России, а значит, многие территории не пригодны для проживания и ведения хозяйственной деятельности. Следует согласиться с Н. Т. Аврамчиковой, что «регионы, обладающие огромными неосвоенными пространствами, на данном историческом этапе нецелесообразно экономически развивать в целом. Логично предположить, что наиболее приемлемым является сжатие или концентрация их экономического пространства, что будет способствовать повышению качества пространства и даст возможность сравнивать его параметры с другими регионами [5, с. 33].

Всемирный банк предлагает «использование индекса агломерации, который рассчитывается ... как измеритель плотности... этот индекс позволяет более последовательное сравнение уровня урбанизации – или равнозначно – агломерации, плотности или географической концентрации экономической деятельности – среди стран» [4, с. 54]. Индексом в таком случае предлагается идентифицировать территорию площадью в один квадратный километр как урбанизированную, агломерированную или плотную, если она удовлетворяет трем условиям [4, с. 54]:

- плотность ее населения выше определенного порога (150 жителей на квадратный километр);
- доступ к большому поселению в течение приемлемого времени (60 мин автомобильным сообщением);
- население этого крупного поселения должно составлять более 50 тыс. чел.

В Саратовской области территориями, отвечающими требованиям Мирowego банка, являются города Саратов, Энгельс, Балаково, Балашов и Вольск – центры производства знаний и инноваций, финансовые, управленческие и логистические центры, транспортные узлы и крупные потребительские рынки. Для Саратовской области, имеющей площадь 101 тыс./км², таких территорий с высокой плотностью экономического пространства недостаточно, чтобы более полно использовать экономический потенциал региона.

Результаты

Таким образом, высокая плотность экономического пространства характерна для крупных городов, мегаполисов и высокоурбанизированных территорий. Именно эти формы расселения способны сконцентрировать различные сферы хозяйственной деятельности и трудовые ресурсы, что способствует инновационной активности и экономическому росту. Высокая плотность населения, производства, транспортной инфраструктуры и экономических ресурсов формирует «полюс роста» как региона, так и страны.

Неоднородность экономического пространства и неравномерность экономического роста и развития неизбежно порождают диспропорции между центром и периферией. Поэтому можно предположить существование прямой связи между плотностью экономического пространства той или иной территории и качеством протекающих на ней экономических процессов, влияющее на социальное развитие, уровень и качество жизни населения, проживающего на данной территории.

Следует иметь в виду, что «сосредоточение хозяйства и населения в одной географической точке и отсутствие экономически сильной периферии и провинции имеет и негативные последствия для нашей экономики в глобальном мире, поскольку хозяйственные связи налаживаются с субъектами, находящимися на значительной удаленности, а следовательно, в стоимости товара содержится высокая не только транспортная составляющая, но и трансакционные издержки. Такие товары не выдерживают ценовой конкуренции с теми, которые произведены в экономическом пространстве совершенно другого качества: иная плотность, иные показатели равномерности, дифференциации, концентрации, распределения населения и экономической деятельности, другие интенсивность экономических связей между частями и элементами пространства, условия мобильности товаров, услуг, капитала и людей, определяемые развитием транспортных и коммуникационных сетей» [1, с. 539].

Многие регионы России обладают неосвоенными территориями, которые на данном историческом этапе нецелесообразно экономически развивать в целом. Кроме того, в силу ряда факторов, прежде всего климатического, природного, географического положения, вся территория России не может развиваться качественно одинаково, а часть территории не способна развиваться вообще. Наиболее приемлемым вариантом было бы сжатие или концентрация их экономического

пространства, что будет способствовать повышению качества пространства и лучшему использованию ресурсов территории.

Список литературы

1. Федоляк В. С. Трансформация пространственной организации хозяйства и расселения в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13, вып. 4, ч. 1. С. 538–543.
2. Friedmann J. Regional Development Policy: a Case Study of Venezuela. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1966. 279 p.
3. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 495 с.
4. Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию. М.: Весь мир, 2009. 408 с.
5. Аврамчикова Н. Т., Лукиных В. Ф. Проблемы пространственного развития регионов сырьевой направленности и пути их решения // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 19. С. 25–34.
6. Романюк С. А. Економічна щільність як індикатор територіальної концентрації економіки // Регіональна економіка. 2013. № 2. С. 7–14.
7. За 20 лет население Саратовской области уменьшилось на 223,5 тысяч // СарБК: [сайт]. URL: <https://news.sarbc.ru/main/2018/06/15/218343.html> (дата обращения: 22.02.2019).
8. Мировой Атлас Данных. Российская Федерация. URL.: <https://knoema.ru/atlas/> (дата обращения: 20.02.2019).

Образец для цитирования:

Федоляк В. С. Плотность экономического пространства как показатель эффективного использования потенциала территории // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 122–127. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-122-127>

Economic Space Density as a Measure of Territory Potential's Effective Use

V. S. Fedolyak

Vasily S. Fedolyak, <https://orcid.org/0000-0002-9061-0827>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, fvs01@rambler.ru

Introduction. In the territory of modern Russia there is a compression of economic space to places of concentration that testifies the decrease of potential development opportunities of separate territories, the degree of their inclusion in economic activity, the efficiency of the territory resources use. **Theoretical analysis.** The understanding of the current trend in modern Russia is based on the concept of J. Friedmann's "center-periphery", which is a model of interaction between the central and the peripheral regions in the process of their development. Economic space density is one of its qualitative characteristics, which shows the concentra-

tion of economic activity, the degree of the territory's saturation with economic objects. The main indicators of the regional economic density are the number of population and the volume of GRP per unit of area. All other indicators correlate with them and are derived from them. **Empirical analysis.** High density of economic space is typical for big cities, megacities and highly urbanized territories. It is these forms of settlement that are able to concentrate various spheres of economic activity and labor resources, which contributes to innovation activity and economic growth. The heterogeneity of economic space and the unevenness of economic growth and development create inevitable disparities between the center, the periphery and the province. Therefore, we can assume the existence of a direct relationship between the density of the economic space of a territory and the quality of economic processes occurring on it, which affects the level and quality of life of the population living in the territory. **Results.** Almost all regions of Russia have undeveloped territories, which at this historical stage it is impractical to develop economically as a whole. The most appropriate option would be to compress or

concentrate their economic space, which would improve the quality of the space and make it possible to compare its parameters with other regions.

Keywords: economic space, economic density, region, population, gross regional product.

References

1. Fedolyak V. S. Spatial Organization Management and Settlement of Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2013, vol. 13, iss. 4, pt. 1, pp. 538–543 (in Russian).
2. Friedmann J. *Regional Development Policy: a Case Study of Venezuela*. Cambridge, Mass., M.I.T. Press, 1966. 279 p.
3. Granberg A. G. *Osnovy regional'noi ekonomiki* [Fundamentals of regional Economy]. Moscow, HSE Publ., 2003. 495 p. (in Russian).
4. World Bank. 2009. World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography. World Bank. © World Bank. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5991> License: CC BY 3.0 IGO. (Russ. ed.: *Doklad o mirovom razvitiu 2009. Novyi vzgliad na ekonomicheskuiu geografiju*. Moscow, Ves' mir Publ., 408 p.).
5. Avramchikova N. T., Lukinykh V. F. Problemy prostranstvennogo razvitiya regionov syr'yevoj napravlenosti i puti ikh resheniya [Problems of Spatial Development of Raw Materials Regions and Ways to Solve Them]. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2008, no. 19, pp. 25–34 (in Russian).
6. Romanyuk S. A. Economic Density as an Indicator of Territorial Concentration of the Economy. *Regional economy*, 2013, no. 2, pp. 7–14 (in Ukrainian).
7. Za 20 let naselenie Saratovskoi oblasti umenshilos' na 223,5 tysyach (For 20 years the population of Saratov region decreased by 223.5 thousand). *SarBC*. Site. Available at: <https://news.sarbc.ru/main/2018/06/15/218343.html> (accessed 22 February 2019).
8. *Mirovoy Atlas Danykh. Rossiiskaia Federatsiia* (World Data Atlas. Russian Federation). Available at: <https://knoema.ru/atlas/> (accessed 20 February 2019).

Cite this article as:

Fedolyak V. S. Economic Space Density as a Measure of Territory Potential's Effective Use. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 122–127 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-122-127>

УДК 331.54

Изменение парадигмы профориентации в условиях постмодерна

Н. С. Землянухина, П. С. Кузнецов, А. Л. Фурсов

Землянухина Надежда Сергеевна, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nadezhda_zeml@mail.ru

Кузнецов Павел Сергеевич, доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, pavel-kuznetsov@yandex.ru

Фурсов Андрей Львович, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления персоналом, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, andrew@fursov.ru

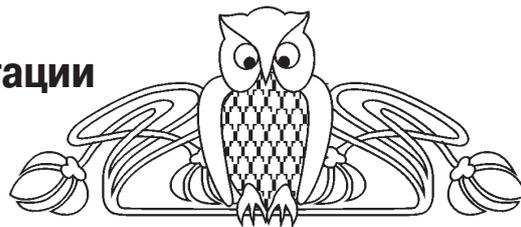
Введение. Показаны противоречия между парадигмой профориентации в индустриальном обществе и современными тенденциями использования человеческого капитала. **Теоретический анализ.** Выдвинута и обоснована гипотеза о том, что постмодерн изменил саму суть профессионализации и профориентации: в условиях постмодерна выбор профессии должен быть заменен на описание возможных образовательных и профессиональных траекторий и «примерку» человеком этих траекторий на себя. Показано, что постмодернизм изменил роль персонала, значение системы образования. В частности, парадигма профориентации эпохи постмодерна предполагает готовность работника самостоятельно жить и выживать в условиях постоянно обновляющейся реальности, находясь в процессе, не имеющем рамок и конечных результатов. **Результаты.** Новая парадигма профориентации заключается в постановке перед работниками как на этапе социального старта, так и в течение всей трудовой жизни задачи познакомиться, в том числе на практике, с возможно более широким кругом профессий, специализаций, рабочих мест. Профориентация постмодерна предполагает уход от жесткой рамочной профессии к фокусу на получении и совершенствовании набора компетенций, которые востребованы во многих сферах профессиональной деятельности, исходя из личностных особенностей, склонности и мотивации работника. В результате работник находится в перманентном состоянии «открытия себя» и своих возможностей в новых профессиях для постоянного повышения своей конкурентоспособности на рынке труда.

Ключевые слова: экономика труда, рынок труда, профессиональная ориентация, постмодерн, постиндустриальное общество, парадигма профориентации.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-128-133>

Введение

Причины того, что современная система профориентации населения не дает прежнего эффекта, публицисты и ученые видят как в несовершенстве правового регулирования и право-

применения в этой сфере в условиях рыночной экономики, информационной разобщенности субъектов профориентации, так и в глобальном изменении ценностных ориентиров населения, в первую очередь молодежи. При этом исследователи не отрицают, что теория и практика профессионального информирования, ориентирования, отбора разработана в условиях индустриального общества, и пытаются придумать способы использования старых методов в новых экономических условиях, которые, к слову, наступили еще четверть века назад и к которым методы советской системы профориентации все никак не адаптируются [1].

Парадигма профориентации индустриального периода исходила из наличия у общества постоянного спроса на представителей определенной профессии. Спрос удовлетворялся через профдиагностику ориентацией подрастающего поколения на освоение знаний, умений, навыков в конкретной профессиональной сфере. Концепция «профессия одна и на всю жизнь» обеспечивала видимую гарантию эффективности вложенных в обучение человека ресурсов. Однако и во времена СССР люди нередко сталкивались с необходимостью менять профессию либо из-за неправильного ее выбора на этапе первичной профориентации, либо в результате изменений спроса на труд и предложения труда. Уже к концу 80-х гг. XX в. научно-технический прогресс привел к тому, что конструкция «образование и профессия на всю жизнь» перестала работать, изменились правила игры и сами игроки. Человечество вступило в постиндустриальное общество, что вызвало необходимость разработки новой парадигмы профессиональной ориентации, учитывающей тенденции и реалии «экономики знаний».

Теоретический анализ

Парадигма профессиональной ориентации индустриальной экономики исходила из нескольких постулатов.

Во-первых, как уже отмечалось, это был принцип «профессия одна и на всю жизнь». И в рыночной, и тем более в плановой экономике группы влияния на экономическую политику государства полагались на существование фиксированного перечня профессий, содержание

каждой из которых, безусловно, совершенствуется с развитием производительных сил и производственных отношений, но подчиняется одним и тем же правилам.

Ярким примером такого подхода был разработанный еще в 60-е гг. XX в. «дифференциально-диагностический опросник (ДДО) Е. А. Климова», предназначенный для выявления предрасположенности человека к определенным типам профессий. Нельзя не согласиться с предложенным Климовым принципом деления профессий на группы «человек-техника», «человек-природа», «человек-человек», «человек-художественный образ» и «человек-знаковая система (информация)», однако уже в 80-е гг. стало очевидным, что отнесение различных профессий к отдельным группам весьма условно, а порой и сомнительно.

К примеру, группа профессий, связанных с юриспруденцией, в ДДО отнесена к категории «человек-человек». Если рассматривать профессию адвоката или юрисконсульта, то здесь явно идет речь об общении с людьми. А если это юрист-эксперт органа государственной власти, то здесь, очевидно, важными являются именно склонности представителя профессии работать с информацией, нежели с людьми. Так каким образом с помощью всего 20 вопросов ДДО выявить предрасположенность молодого человека на этапе социального старта к профессии юриста? И что делать, если люди его раздражают, а вот логическое и аналитическое мышление позволяют стать профессиональным правотворцем или правоприменителем? Не поступать в юридический вуз или поступать?

Во-вторых, важным в профориентации индустриальной экономики был шаблон комплекса мероприятий по информированию о конкретной профессии, ее особенностях и преимуществах. Советская система профориентации позволяла каждому подростку без отрыва от учебы попробовать себя в различных профессиях, оценить в обстановке сотрудничества или мягкой конкуренции собственные возможности и таланты, выбрать наиболее увлекательное занятие, которое гарантировало бы стабильный доход на протяжении всей трудовой жизни. Работодатели были заинтересованы в пополнении кадрового состава молодыми специалистами и охотно включались в систему профессионального информирования и ориентирования, отбирали молодые таланты на старших курсах техникумов и вузов.

Образовательную и профессиональную стратегии можно было комбинировать благодаря развитой многоступенчатой системе профессионального образования – от начального (ПТУ) к среднему (техникумы) и высшему (вузы). При

этом подготовка в ПТУ позволяла в максимально короткие сроки переходить от обучения к официальной работе и заработку.

Осознанному выбору профессии способствовала и политика установления заработной платы в различных сферах. Молодые специалисты в здравоохранении, образовании, госслужбе, в промышленном и сельскохозяйственном производстве получали примерно равное вознаграждение, поэтому материальный стимул при выборе профессии был менее приоритетным, чем реализация собственных способностей и интересов. Равные гарантии получить достойную трудовую пенсию и льготы были у людей и по завершении трудовой жизни.

В-третьих, важное значение в СССР имел институт медиа и государственной пропаганды, который расставлял в сознании молодых людей верные (с позиций госидеологии) акценты, пропагандировал уважение к труду, престиж определенных профессий.

Эти элементы в целом позволили обеспечить высокую конкурентоспособность человеческих ресурсов на этапе индустриального развития общества.

Постмодерн изменил саму суть профессионализации и профориентации.

Рассмотрим **концепты постмодернизма**.

Понимание постмодернизма (и постмодерна) не является пока устойчивым в рамках какой-то определенной науки, и создается впечатление, что со времени первого употребления этого термина в философском смысле в 1979 г. Ж.-Ф. Лиотаром (J.-F. Lyotard) в работе «Состояние постмодерна» («Lacondition postmodern») понятие «постмодернизм» не получило своего единственного определения. Возможно, причина этого в самом постмодернизме, поскольку он отрицает точные определения и жесткие рамки, а одной из его составляющих является *концепт множественности*.

Этот концепт в полной мере проявляется в теориях постиндустриального общества, первые шаги к осмыслению и формулировке основных положений которых сделали Д. Белл (D. Bell) и Э. Тоффлер (A. Toffler). Экономика производства товаров, с точки зрения постмодерна, утратила монополию влияния на состояние общества, рынки труда изменяются, основные трудовые затраты перемещаются из сферы производства в сферу услуг. Информационные технологии превратили медиа в новый мощный фактор влияния на экономическое и социальное поведение людей. Образование теперь не только дает знания, но изменяет положение человека в обществе, не только его труд, но и отдых.

При этом информационные технологии, а точнее, степень доступности разных социальных групп к производству и использованию продуктов информационных технологий, становятся значимым разъединяющим фактором, что оказывает влияние и на ценностную картину мира.

Слегка утрируя, зададимся вопросом: что может объединять молодежь мегаполиса и отдаленных населенных пунктов, если для первых становится привычным заказ товаров на дом через Интернет, а вторым за товарами первой необходимости приходится ехать «в район», порой на гужевой тяге или на лодках из-за отсутствия дорог? Могут ли найти общий язык городские абитуриенты, изучающие ассортимент новых профессий, и абитуриенты сельские или живущие в городах далеко от индустриальных центров? И те и другие благодаря интернет-технологиям могут получить образование дистанционно, но не все смогут применять полученные знания на региональном рынке труда из-за отсутствия спроса на подобные профессии. И как в итоге быть с одним из основополагающих принципов парадигмы профориентации индустриального общества – профессия на всю жизнь, – если современная мобильность позволяет менять не только город проживания, но и страну, если труд все более становится индивидуализированным? В связи с этим в условиях постиндустриального общества для человека становится привычным стремление к постоянному поиску работы (работы вообще, работы по интересам). Соответственно, постоянная готовность к смене профессии обуславливает и готовность к непрерывному образованию как гарантии социальной успешности.

Постмодернизм, таким образом, предполагает готовность работника самостоятельно жить и выживать в условиях постоянно обновляющейся реальности, находясь в процессе, не имеющем рамок и конечных результатов.

Другое важнейшее проявление постмодерна – *изменение роли персонала* в постиндустриальном обществе [2], причем произошло это изменение через многовековую борьбу за снижение цены рабочей силы при одновременном повышении производительности труда.

Как известно из классической теории политэкономии, широкое использование рабского труда и в Античности, и в эпоху расцвета колониализма оказалось неэффективным и этически, и экономически. Использование непроизводительного труда рабов препятствовало развитию общества, поскольку рабы не имели трудовой квалификации и мотивации к работе, к тому же являлись значимым источником социального напряжения и социальных конфликтов в обществе.

В условиях постмодерна проблема использования дешевой рабочей силы при росте производительности труда (по сравнению с рабским трудом, во всяком случае) была решена путем стимулирования потоков трудовой миграции [3]. Открытие границ и свобода распространения информации привели к тому, что в развитые страны устремились представители всех рас и вероисповеданий, которые согласны работать за 6 долларов в час за рубежом, тогда как у себя дома они работают за такую же сумму в день. При этом коренные жители не согласны работать на таких рабочих местах и за 15 долларов в час.

Более того, в ряде государств, где распространена низовая коррупция, такие мигранты стали надежным источником теневых доходов определенных групп работодателей: мигранты в ведомости, если она есть, расписываются за одну сумму, а на руки получают меньшую. Но и эта сумма в разы превосходит ту, что они заработали бы у себя на родине. Вопреки распространенным в шоу-индустрии и бульварной прессе мифам, мигранты готовы работать добросовестно и сверхпроизводительно, потому что боятся потерять эту работу и быть вынужденными покинуть гостеприимную страну, ценящую дешевый труд гостей выше, чем квалифицированный труд собственных «дорогих» во всех смыслах граждан.

Возникает вопрос: как можно заниматься ориентацией молодежи на рабочие профессии, если она прекрасно знает, что рабочие места займут мигранты? Впрочем, это вовсе не катастрофа, у молодежи есть очевидный выход: быть нужнее мигрантов в тех отраслях, в которых мигранты с низкой квалификацией неконкурентоспособны, а именно в сфере создания новых продуктов, товаров и услуг, в творческой сфере, в сфере образования и управления.

Третьим проявлением постмодерна является *изменение роли образования*, прежде всего профессионального.

Если «профессия на всю жизнь» уже невозможна, поскольку профессии «стареют и умирают» быстрее, чем люди, то и образование, полученное «раз и навсегда», тоже теряет смысл [4]. Наиболее остро это ощущается в системе профессионального образования, имидж которого был в свое время непомерно раздут «продавцами корочек». Как ни странно, сравнительно недавнее заявление одного высокопоставленного чиновника о том, что более половины населения не нуждается в высшем образовании, не лишено аргументов.

Заслуживает внимания точка зрения А. В. Расстегаевой, которая в работе «Депрофессионализация трудовых ресурсов в современной России»

отмечает: «С одной стороны, более высокий уровень образования способствует повышению социального статуса индивида, его культурного уровня, его потенциальной профессиональной мобильности, конкурентоспособности на рынке труда. С другой стороны, возникает угроза того, что труд дипломированных специалистов и бакалавров будет использоваться неэффективно. Существует масса профессий, для получения которых вполне хватает одного-двух лет обучения (медицинские сестры, работники туристического и рекламного сервиса, техники и др.). Подготовка таких кадров стоит ощутимо дешевле, чем специалистов высокой квалификации, при этом их труд всегда востребован» [5, с. 91].

Положение о том, что присущая постмодерну неопределенность и изменчивость негативно сказывается на существующей системе профессионального образования, подтверждается независимыми исследованиями.

Так, например, А. П. Казун и Л. С. Пастухова со ссылкой на исследования ФОМ и ВЦИОМ о постоянном факторе неопределенности в профессиональном выборе старшеклассниками полагают, что в условиях постиндустриального общества неправильно само представление о «выборе» как о единичном и завершенном процессе: «Выбор профессии – это не выбор стиральной машины в супермаркете. Понятие “выбор” необходимо умножить и растянуть, превратить в “выборы”, происходящие многократно и продолжающиеся всю жизнь. Ведь студент не идет по прямой в рамках учебного заведения – он может выбирать, какие книги читать, с кем общаться, а с кем нет, кого из преподавателей уважать, а кого считать непрофессионалом и т.д. Только в результате многих таких невидимых выборов произойдет становление студента как будущего профессионала... Рационально ли готовить молодых людей ещё с начальной школы (заставляя их выбирать предметы) к некой “одной профессии на всю жизнь”?» [6].

При этом авторы, опираясь на различные оценки, по которым до 50% выпускников не работают по специальности, допускают высокую вероятность того, что после окончания учебного заведения выпускник не получит работу, к которой его официально готовили. Следовательно, понесенные затраты на обучение, вне зависимости от того, кто их понес – государство или родители, окажутся неоправданными.

Очевидно, что в условиях постмодерна выбор профессии должен быть заменен на описание возможных образовательных и профессиональных траекторий и «примерку» человеком этих траекторий на себя.

Кардинально меняется и потребитель профориентационных услуг – это уже не только подросток, школьник, молодой человек, а любой человек, в том числе профессионально состоявшийся квалифицированный и, возможно, в настоящее время вполне успешный работник. Актуализируется значение вторичной профориентации как для работников, желающих или вынужденных по каким-то причинам менять профессию, так и для категорий населения, которым отодвинули возраст выхода на пенсию. Вторичная профориентация, таким образом, становится элементом жизненной стратегии, с которым предстоит столкнуться все большему числу работников по мере углубления постмодерна [7].

Приходящее на рынок труда в эпоху постмодерна «поколение Z» – поколение индивидуалистов, чья независимость на рынке труда проявляется, в частности, в том, что они смотрят на отношения с работодателями не как «начальник – подчиненный», «работодатель – раб(отник)», а как «заказчик – исполнитель». Они ищут такие условия работы, которые позволят самовыражаться и самосовершенствоваться. Они мобильны, чего опять-таки не скажешь об их родителях, готовых десятилетиями терпеть унижения из-за страха увольнения и риска не найти другой работы по профессии.

Поэтому крах индустриальной парадигмы профориентации с установкой на пожизненную работу в конкретной профессии диктует необходимость разработки и реализации постиндустриальной парадигмы, исходя из нового определения профессиональной ориентации, введенного и одобренного Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Экспертной группой еврокомиссии по непрерывной профориентации, Советом Европейского союза и Всемирным банком в 2004 г.: «Профессиональная ориентация направлена на оказание помощи людям любого возраста и в любой момент их жизни по вопросам выбора направления обучения, профессиональной подготовки и сферы профессиональной деятельности и управления собственной карьерой» [1, с. 342]. В новой постиндустриальной трактовке профориентации очевиден акцент на управлении собственной карьерой, что позволяет объединить в интегрированный процесс подготовку индивида к профессиональному выбору в рамках его социального окружения, общее и профессиональное образование, непосредственное участие в этом процессе представителей бизнеса и институтов гражданского общества при организующей, координирующей и контролирующей роли органов государственного и межгосударственного управления.

Результаты

Традиционная цель профориентации индустриальной экономики – выбор профессии из фиксированного списка в соответствии с личными возможностями и интересами и подготовка к последующей профессионализации подростков и молодежи – не соответствует требованиям эпохи постмодерна, в первую очередь из-за несостоятельности концепции монопрофессионализма [8]. Объектом профориентации становится уровень компетенций работника на любом этапе его трудовой жизни, актуализируется первичная полипрофориентация и вторичная профориентация.

Новая парадигма профориентации, таким образом, заключается в постановке перед работниками как на этапе социального старта, так и в течение всей трудовой жизни задачи познакомиться, в том числе на практике, с возможно более широким кругом профессий, специализаций, рабочих мест. Сама связка профинформирование–профтестирование–профориентация–профобучение предполагает уход от жесткой рамочной профессии к фокусу на получении и совершенствовании набора компетенций, которые востребованы во многих сферах профессиональной деятельности, исходя из личностных особенностей, склонности и мотивации работника.

Цель профориентации в условиях постмодерна – научить получать, анализировать и использовать информационные потоки о профессиональной деятельности, «открывать себя» и свои возможности в новых профессиях для постоянного повышения своей конкурентоспособности на рынке труда.

Список литературы

1. Фурсов А. Л. Система профессиональной ориентации населения в условиях «экономики знаний» // Профессиональная ориентация. 2017. № 1. С. 340–345.
2. Малышев Н. Г., Семенов А. В. Основные факторы повышения роли персонала в постиндустриальном обществе // Транспортное дело России. 2011. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-factoryopysheniya-rol-i-personala-v-postindustrialnom-obschestve> (дата обращения: 24.02.2019).
3. Кузнецов П. С., Землянухина Н. С. Глобальные экономические символы постмодерна // Гуманитарный научный журнал. 2017. № 1 (6). С. 3–7.
4. Иванова С. В. Социально-экономические смыслы образования в эпоху постмодерна // ЭТАП. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-smysly-obrazovaniya-v-epohu-postmoderna> (дата обращения: 24.02.2019).
5. Расстегаева А. В. Демпрофессионализация трудовых ресурсов в современной России // Вестн. Поволж. ин-та управления. 2017. Т. 17, № 3. С. 88–94.
6. Казун А. П., Пастухова Л. С. Теория и практика применения «Проектного метода» как механизма профессиональной ориентации детей и молодежи // Ценности и смыслы. 2015. № 2 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-i-praktika-primeneniya-proektnogo-metoda-kak-mehanizma-professionalnoy-orientatsii-detey-i-molodezhi> (дата обращения: 24.02.2019).
7. Землянухина Н. С., Кузнецов П. С. Профориентация в эпоху постмодерна // Профессиональная ориентация. 2017. № 1. С. 92–100.
8. Фурсов М. А. Проблематика управления человеческими ресурсами в исследованиях и публикациях НИИ «Парадигма» // Профессиональная ориентация. 2017. № 2. С. 257–264.

Образец для цитирования:

Землянухина Н. С., Кузнецов П. С., Фурсов А. Л. Изменение парадигмы профориентации в условиях постмодерна // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 128–133. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-128-133>

Changing the Paradigm of Career Guidance in Postmodern Environment

N. S. Zemlyanukhina, P. S. Kuznetsov, A. L. Fursov

Nadezhda S. Zemlyanukhina, <https://orcid.org/0000-0002-8008-486X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nadezhda_zeml@mail.ru

Pavel S. Kuznetsov, <https://orcid.org/0000-0002-8696-0648>, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, pavel-kuznetsov@yandex.ru

Andrew L. Fursov, <https://orcid.org/0000-0001-7968-7404>, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25 Sobornaya St., Saratov 410031, Russia, andrew@fursov.ru

Introduction. The contradictions between the paradigm of vocational guidance in the Industrial society and modern tendencies of the use of human capital are shown. **Theoretical analysis.** The hypothesis that postmodern has changed the essence of professionalization and career guidance is put forward and substantiated: in postmodernism conditions the choice of profession should be replaced by the description of possible educational and professional trajectories and their personal “fitting”. It is shown that postmodernism has changed the role of personnel, the importance of the education system. In particular, the postmodernism’s career orientation paradigm presupposes the employee’s readiness to live and survive independently in the conditions of constantly updated reality, being in a process that has no frames and final results. **Results.** The new paradigm of career guidance is to introduce to employees both at the stage of social start and throughout the working life the task to get practically acquainted with the widest

range of professions, specializations, jobs. Postmodernism's career guidance involves leaving the rigid framework profession to focus on obtaining and improving the set of competencies that are in demand in many areas of professional activity, based on personal characteristics, inclination and Motivation of the employee. As a result, the employee is in a permanent state of "discovering himself" and his opportunities in new professions to improve his competitiveness in the labor market constantly.

Keywords: labor economics, labor market, professional orientation, postmodern, postindustrial society, career guidance paradigm.

References

1. Fursov A. L. Sistema professional'noi orientatsii nasele-niya v usloviyakh "ekonomiki znaniy" [The System of Professional Orientation of the Population in the "Knowledge Economy"]. *Professional'naya orientatsiya* [Vocational guidance], 2017, no. 1, pp. 340–345 (in Russian).
2. Malyshev N. G., Semenov A. V. Osnovnye faktory povysheniya roli personala v postindustrial'nom obschestve (The main factors of increasing the role of personnel in the post-industrial society). *Transportnoe delo v Rossii* (Transport business of Russia), 2011, no. 7. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-faktory-povysheniya-rol-i-personala-v-postindustrialnom-obschestve> (accessed 24 February 2019) (in Russian).
3. Kuznetsov P. S., Zemlyanukhina N. S. Global'nye ekonomicheskie simvoly postmoderna [The Global Economic Characters of Postmodern]. *Gumanitarnyi nauchnyi zhurnal* [Humanitarian Scientific Journal], 2017, no. 1 (6), pp. 3–7 (in Russian).
4. Ivanova S. V. Sotsial'no-ekonomicheskie smysly obrazovaniya v epokhu postmoderna (Socio-Economic Meanings of Education in the Postmodern Era). *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, 2017, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-smysly-obrazovaniya-v-epokhu-postmoderna> (accessed 24 February 2019) (in Russian).
5. Rasstegaeva A. V. Deprofessionalization of Labor Resources in Modern Russia. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 2017, vol. 17, no. 3, pp. 88–94 (in Russian).
6. Kazun A. P., Pastukhova L. S. Teoriya i praktika primeneniya "Proektnogo metoda" kak mekhanizma professional'noi orientatsii detei i molodezhi (The Theory and the Practice of "Project Method" as a Mechanism for Professional Orientation of Children and Young People). *Tsenosti i smysly* (Values and Meanings), 2015, no. 2 (36). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-i-praktika-primeneniya-proektnogo-metoda-kak-mehanizma-professionalnoy-orientatsii-detey-i-molodezhi> (accessed 24 February 2019) (in Russian).
7. Zemlyanukhina N. S., Kuznetsov P. S. Proforientatsiya v epokhu postmoderna [Career Orientation in the Postmodern Era]. *Professional'naya orientatsiya* [Vocational guidance], 2017, no. 1, pp. 92–100 (in Russian).
8. Fursov M. A. Problematika upravleniya chelovecheskimi resursami v issledovaniyakh i publikatsiyakh NII "Paradigma" [Problems of Human Resources Management in Research and Publications of Research Institute "Paradigma"]. *Professional'naya orientatsiya* [Vocational guidance], 2017, no. 2, pp. 257–264 (in Russian).

Cite this article as:

Zemlyanukhina N. S., Kuznetsov P. S., Fursov A. L. Changing the Paradigm of Career Guidance in Postmodern Environment. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 128–133 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-128-133>

УДК 378.4

Компетентностный подход как основа развития предпринимательских вузов в национальной инновационной системе

Е. В. Волкодавова, Т. В. Горячева, А. П. Жабин, Р. И. Хансевичев

Волкодавова Елена Викторовна, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, Самарский государственный экономический университет, vev.sseu@gmail.com

Горячева Татьяна Владимировна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Коммерция и инжиниринг бизнес-процессов», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., tvgsgtu@rambler.ru

Жабин Александр Петрович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента, Самарский государственный экономический университет, zhabin@sseu.ru

Хансевичев Рустам Идрисович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, Самарский государственный экономический университет, rust1978@mail.ru

Введение. Интеграция российских предпринимательских университетов в знаниевое геоэкономическое пространство требует формирования компетенций самих вузов и профессорско-преподавательского состава в области предпринимательской деятельности. **Теоретический анализ.** Исследованы разработки отечественных и зарубежных ученых и практиков в области теорий предпринимательства в образовательной сфере, рассмотрены теоретические подходы к формированию профиля предпринимательского вуза, основа которого определяется компетенциями кадрового состава. **Эмпирический анализ.** Изложена авторская версия концепции формирования российского предпринимательского университета, сформулированы и охарактеризованы принципы, определяющие вектор его стратегического развития: ориентации на потребителя, сильного руководителя, коллегиальности, уникальности, непрерывного развития, сильного контроля, диверсификации деятельности. **Результаты.** Разработан авторский подход к формированию теоретической модели компетенций в предпринимательском вузе, определены формы предпринимательской деятельности современного российского университета для генерации экономических результатов, сформулированы общепрофессиональные компетенции преподавателей и вузов, функционирующих в глобальной среде.

Ключевые слова: предпринимательский университет, компетенции, национальная экономическая система, инновации, модель университета.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-134-141>

Введение

Вызовы социально-экономического развития Российской Федерации, основанного на формировании постиндустриальной экономики

знаний, состоят в необходимости реализации принципов инновационного предпринимательства, охватывающего не только сферы материального и нематериального секторов экономики, но и институциональной, и образовательной областей общественного развития. Подобные изменения в национальной экономической системе обуславливают формирование качественно нового рынка интеллектуального труда, а неоиндустриальный сценарий развития экономики предполагает системную трансформацию, основанную на использовании потенциала всех субъектов экономики, консолидации ресурсов, научных разработок, ноу-хау. Драйвером развития инновационного предпринимательства должны быть вузовские инновации, являющиеся результатом преобразования потенциала знаний в коммерциализованные предложения.

Университетам как субъектам рыночных отношений, центрам инновационной активности национальных систем следует достойно отвечать на вызовы внешней среды, потребности рынка, при этом их предпринимательская активность должна проявляется во всех видах деятельности: образовательной, научной, хозяйственной и т.д.

Такой подход к пониманию сущности развития университетов в условиях неоиндустриализации ставит задачу формирования предпринимательского университета в национальной инновационной системе с учетом приоритетных направлений развития науки, технологий и техники Российской Федерации и эффективного управления ими.

Теоретический анализ

В настоящее время современный университет рассматривается как сложный ресурсный комплекс, направленный на сохранение традиций и внедрение инноваций в образование, интеграцию обучения, исследований и производства, решение социально-экономических проблем общества. Для создания новых знаний университету необходимы определенные условия, в которых он сможет сформировать экономический уклад этих знаний.

Исторический ракурс создания университетов начинается с Гумбольдтовской модели уни-

верситета, сформулированной В. Гумбольдтом в XIX в., которая позиционировалась как эффективная модель генерации и трансляции знаний и явилась основой развития многих университетов Европы и Северной Америки. Главными принципами модели являются свобода и единство преподавания и исследования. Актуальность Гумбольдтовской реформы университета была определена массовым созданием фабрик, заводов, требующих от университетов специально подготовленных специалистов и исследователей. Поэтому появились классические университеты, особенность которых заключалась в интеграции учебного процесса и научных практико-ориентированных исследований [1, р. 28–33].

Первые российские университеты формировались на основе отраслевого принципа и были направлены на подготовку узких специалистов для развивающегося народного хозяйства. Государство играло роль заказчика на подготовку высококвалифицированных кадров и потребителя выпускников, которые распределялись по регионам в нуждающиеся отрасли согласно действующим пятилетним программам. Но с 1992 г. университетское образование в России вступило в новый этап своего развития. Это связано с целым рядом обстоятельств, в первую очередь с распадом СССР, разрывом накопленных научных и научно-методических связей между университетами, что создало трудности и повлекло за собой перестройку всей системы высшего образования. Для вузов обозначили новые тенденции в развитии образования: преобразовать узкоспециализированные институты в университеты с расширением факультетов социального, гуманитарного и экономического направлений. Университетам расширили их права, стали разрабатываться уставы, отражающие университетскую специфику и традиции.

В дальнейшем университеты России стали стремиться к налаживанию связей с зарубежными учебными заведениями. В условиях рыночных отношений это способствует преодолению отрыва от западной университетской системы, а также привлечению дополнительных денежных средств. Перед системой российского высшего образования стоит непростая задача – соответствовать современным темпам мирового развития, не теряя при этом академических традиций, тем самым показывая возрастающую роль университета как ядра инновационной деятельности и возможность перехода к университетам предпринимательского типа, встроенного в спираль отношений: университет – государство – бизнес.

Формирование национальной инновационной системы также меняет всю систему образования. Изучение вопросов трансформации миссии университета и формирования предпринимательского университета представлено в работах Г. Ицковица, А. Уэбстера, Дж. Зимана, М. Гиббонса, П. Скотта, М. Трой, Л. Лейдесдорфа, Б. Кларка, Д. Ропке, Д. Кирби, А. Гибба, П. Хэннона, Г. Н. Константинова и С. Р. Филоновича, С. И. Ашмарина, И. А. Плаксина и др. [2–14].

Эмпирический анализ

Переход на новый уровень развития определяет необходимость пересмотра и перестройки образовательного процесса согласно быстро меняющимся требованиям к специалистам, акцентируя внимание на интеграции фундаментальных и прикладных знаний и умений. Университетам для динамичного развития и конкурентоспособности необходимо развивать систему управления, разрабатывать и реализовывать свою стратегию. Данная стратегия должна отражать приоритетные направления и цели, позволяющие университету осуществлять свою миссию, которая в связи с академическими революциями включает в себя три составляющих: образование, науку и предпринимательство. Переход на «тройную спираль» развития определяет необходимость разработки стратегии на основе принципов, сформулированных в табл. 1.

Перечисленные выше принципы являются залогом успешной трансформации университета и перехода на инновационный путь развития. Но добиться реального эффекта возможно только в том случае, если университет будет функционировать на основе симбиоза рекомендуемых принципов, лишь взаимодействие между ними приведет к желаемому результату.

В экономической литературе термин «предпринимательство» используется, как правило, применительно к деятельности предприятия. Российский ученый-экономист А. В. Бусыгин под предпринимательством понимает стремление и действия к самостоятельному ведению деловой активности в целях практической реализации конкретных идей на определенных формализованных условиях. Он считает, что предпринимательство – это искусство ведения деловой активности, мыслительный процесс, который реализуется в форме делового проектирования.

Таким образом, предпринимательская деятельность является генератором инноваций и локомотивом национальной экономики любого государства.

Таблица 1/ Table 1

Принципы формирования стратегии предпринимательского университета
Principles of Entrepreneurial University Strategy Formation

Принципы	Содержание
Ориентация на потребителя	Университету следует удовлетворять потребности обучающихся и ожидания работодателей; ориентироваться на своих потребителей, чтобы ожидания работодателей совпадали с уровнем подготовки выпускника, тогда университет создаст положительный имидж, что будет способствовать продвижению образовательных услуг на рынке
Сильный руководитель	Необходимо чтобы деятельность возглавлял грамотный руководитель, способный организовать процесс, направленный на достижение целей, сплотить и мотивировать команду, создать корпоративную творческую культуру
Коллегиальность	Принцип коллегиальности заключается в совместном участии каждого члена коллектива в развитии университета, где все участники будут ощущать ответственность за общую деятельность и вносить свой личный вклад
Уникальность	Вузу необходимо обладать уникальным конкурентным преимуществом: – разнообразие предоставляемых образовательных программ; – качество образовательных услуг; – квалификация педагогических кадров; – ценовая политика; – условия работы и обучения; – современное техническое обеспечение
Непрерывное развитие	Удовлетворение потребностей общества, своевременное реагирование на изменения, опережая ожидания со стороны студентов и работодателей
Системный контроль	Осуществлять мониторинг существующей ситуации в вузе и своевременно вносить изменения в найденных уязвимых местах
Диверсификация	Диверсификация источников финансирования заключается в поиске и привлечении новых источников финансирования, либо модернизация существующих финансовых каналов, т.е. расширение финансовой базы и получение финансовых средств из разных независимых источников. Диверсификация портфеля продуктов – развитие инновационного образования, интеграция образовательной, научной и предпринимательской деятельности университета для создания новых инновационных «продуктов» и усовершенствования уже имеющихся

Примечание. Сост. по [15–18].

В системе образования понятие «предпринимательство» представляется как инициативная, креативная и инновационная деятельность образовательных учреждений, которые играют ключевую роль в создании, развитии образовательного потенциала общества и достижении на основе его реализации социально-экономического эффекта на всех уровнях экономики [1].

Результаты

Университет становится более интегрированным в национальную экономическую систему, интенсивнее развивается как институт, выполняющий предпринимательскую функцию. С точки зрения модели «тройной спирали» предпринимательский университет можно охарактеризовать следующими чертами:

- капитализация знаний;
- тесное взаимодействие с бизнесом и государством;
- независимость учреждения;
- рефлексивность, приводящая к внутренней

перестройке и пересмотру взаимоотношений университета с бизнесом и государством.

Таким образом, эволюция моделей университета предполагает следующие стадии: образовательную, исследовательскую и предпринимательскую.

В университетах предпринимательская деятельность представляет собой инновационную деятельность, которая позволяет сформировать и развить образовательный потенциал учреждения путем ведения активности в соответствии с законами рыночной экономики. Успех этой деятельности зависит от многих факторов. Проводя аналогию с коммерческой организацией, предпринимательский университет также должен иметь штаб компетентных сплоченных сотрудников, согласованно работающих для достижения поставленных целей. Поэтому немаловажно развивать корпоративный предпринимательский дух и культуру университета, а заработанные средства вкладывать в развитие собственной инновационной инфраструктуры.

Стоит также отметить, что одной из главных причин перехода университетов к предпринимательскому типу является сокращение их государственного финансирования, вузы вынуждены активно сотрудничать с бизнес-сообществом, участвовать в конкурсах, грантах для привлечения инвестиций.

На рисунке сформулированы ключевые направления деятельности современного российского университета, которые можно рассматривать как способы получения экономических результатов. Представленные способы позволяют генерировать вложения в развитие финансового благосостояния университета.

Формы предпринимательской деятельности современного российского университета для генерации экономических результатов

Forms of Entrepreneurial Activity of a Modern Russian University for Generating Economic Results

Большое количество определений «предпринимательского университета» порождает проблему оценивания принадлежности того или иного университета к новому предпринимательскому типу.

В целях развития предпринимательской функции университетов следует формировать компетенции его сотрудников и менеджмента в трех основных направлениях, но при этом допускать вариативность процесса: 1) профессионально-кадровые; 2) организационно-управленческие; 3) коммуникативные. Исследования авторов по раскрытию сущности сформулированных компетенций представлены в табл. 2.

Сформулированные в табл. 2 компетенции по своей сущности являются общепрофессиональными и, по мнению авторов, составляют основу модели компетентного подхода в вузе.

Безусловно, оценка вклада университета в развитие общества и его сферы не может огра-

ничиваться анализом вуза как экономического агента, так как даже при наличии положительных экономических результатов университет остается, в первую очередь, некоммерческим учреждением. Тем не менее, конкурентоспособность и предпринимательский потенциал современного российского университета формирует совокупность всех обладаемых им компетенций, которые позволяют вузу занять не только профессиональные, но и рыночные ниши.

В этом контексте разделяем мнение С. И. Ашмаринной и И. А. Плаксиной, что «инновационно-предпринимательские функции университета позволяют вести конкурентную борьбу по нескольким направлениям и достигать высокой конкурентоспособности:

1) на рынке образовательных услуг путем удовлетворения потребностей государства, обучающихся, общества в создании новых междисциплинарных знаний и навыков;

Таблица 2/Table 2

Предпринимательские компетенции преподавателей и вузов, функционирующих в глобальной среде
Entrepreneurial Competence of Teachers and Universities Operating in a Global Environment

Компетенции вузов	Компетенции преподавателей
<i>Профессионально-кадровые</i>	<i>Учебно-практические и методические</i>
Наличие высококвалифицированного персонала, способность организовать его подготовку и переподготовку применительно к предпринимательской среде	Владение различными методиками организации образовательного процесса и инструментарием организации обучающей среды
Способность сохранения темпов устойчивого развития в условиях значительной неопределенности экономической среды глобального рынка	Быстрое реагирование; стрессоустойчивость
<i>Организационно-управленческие</i>	<i>Управленческие</i>
Развитие стимулирующей системы в соответствии с учетом особенностей мотивационных методов, принятых в разных странах	Управленческие умения и навыки (общий и педагогический менеджмент) с целью создания и управления коллективом студентов, обучения их работе «в команде», предпринимательским навыкам
Устойчивое функционирование на рынках стран моно-, поли-, реактивных национальных культур	Умение планировать собственную деятельность и деятельность подчиненных в моно-, поли-, реактивной среде
	Способность анализировать собственную деятельность и деятельность подчиненных
<i>Коммуникативные</i>	<i>Научно-прикладные</i>
Способность создавать основу для развития у сотрудников когнитивных компетенций	Умение осуществлять обратную связь; межличностное понимание
Постоянное развитие деятельности на отдельных сегментах международного рынка	Умение руководить лабораториями, научными кружками, исследовательскими и производственными площадками (разработка инновационных проектов, программ, написание статей, руководство ВКР и др.)
	<i>Креативные</i>
	Владение методикой постановки и решения творческих задач, интуитивными и логическими методами, техниками вхождения студентов в ресурсное (творческое) состояние; методами повышения инновативности студентов; способами создания творческого коллектива и когнитивной среды

2) на рынке научных исследований и разработок: на основе удовлетворения потребностей государства и общества в новых научных результатах;

3) на рынке инновационной продукции: создание для государства, бизнес-сообщества, общества новых продуктов и услуг;

4) на рынке труда: подготовка для бизнес-сообщества инновационных кадров» [13, с. 218].

Предпринимательский потенциал современного российского университета во многом зависит от его статуса: исследовательский университет, опорный университет, прочие университеты

Исследовательский университет, как правило, один из ведущих российских университетов, особый статус которого закреплен в нормативных документах Правительства РФ, признан-

ный академическим сообществом, имеющий господдержку. Это, прежде всего, передовой научно-образовательный центр в определенной сфере исследований и технологий, реализующий образовательные и исследовательские программы в различных областях естественных и социально-гуманитарных наук, экономики и права. Это динамично развивающийся университет – участник национальных инициатив развития и поддержки лидирующих российских вузов, входящий в наиболее авторитетные мировые рейтинги.

Опорные университеты ориентированы на решение прикладных задач экономики региона и на обеспечение местного рынка труда высококвалифицированными специалистами. Они призваны сдерживать отток интеллектуального потенциала из регионов, повысить престижность

образования в регионах. Благодаря государственному финансированию и стратегическому плану развития опорные вузы могут сформировать сильный преподавательский состав и значительно улучшить техническое обеспечение.

Прочие университеты. Современный университет – это не только учреждение, ориентированное исключительно на развитие науки и подготовку кадров, это субъект предпринимательской деятельности, важнейший канал трансфера технологий. Без таких вузов невозможно создать инновационную экосистему и развить новые рынки. Российские университеты готовят профессионалов для рынков будущего, проводят научные исследования, налаживают связи с бизнес-сообществом, создают инновационную инфраструктуру, управляют интеллектуальной собственностью, коммерциализируют разработки и генерируют новые бизнес-проекты.

Предпринимательский потенциал современного университета во многом определяется и членством в научно-образовательном центре (далее – НОЦ), целями деятельности которого являются: интеграция исследовательских процессов и разработок с подготовкой высококвалифицированных кадров по перспективным приоритетным направлениям, формирование кадрового резерва, подготовка аспирантов и докторантов, повышение квалификации специалистов отрасли. Университеты, интегрированные в НОЦ, получают большие возможности для инновационного развития во всех областях деятельности за счет синергетического эффекта, базирующегося на совокупном научном, образовательном, знаниевом, кадровом и других потенциалах, господдержке НОЦ, интеграции с учеными ближнего и дальнего зарубежья в области фундаментальных, прикладных научных исследований, направленных на разработку прорывных технологий.

Заключение

Результаты выполненного исследования позволяют авторам сформулировать следующее: «предпринимательский университет» необходимо рассматривать как элемент национальной инновационной системы, постоянно генерирующий, распространяющий и трансформирующий новые знания и компетенции, результаты исследований в область инновационного предпринимательства с целью получения социально-экономического эффекта за счет синергизма потенциалов: образовательного, научно-исследовательского, кадрового, инфраструктурного, международного сотрудничества и повышения конкурентоспособности не только в образовании и науке, но и в других сферах и отраслях экономической деятельности.

Чтобы иметь конкурентные предпринимательские преимущества, современные университеты должны определить свою модель компетенций и соответствующую им модель компетенции преподавателей, аспирантов и студентов. Теоретический подход к формированию общепрофессиональных компетенций преподавателей, изложенный в данной статье, поможет менеджменту вуза, функционирующего в сегментах глобального образования, сформировать свою модель развития как предпринимательского университета.

Во многом способствует развитию предпринимательских компетенций и потенциала членство университетов в НОЦ, что обеспечивает их интеграцию в глобальное экономическое знаниевое пространство, соответствующую современным реалиям научно-исследовательскую и материально-техническую базу для разработки прорывных технологий.

Список литературы

1. *Cantillon R.* Essai sur la nature du commerce en general. Paris, 1952. 156 p.
2. *Ицковиц Г.* Тройная спираль. Университеты, предприятия, государство. Инновации в действии. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. 238 с.
3. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
4. *Zeeman E. C.* A model for institutional disturbances // Br. Math. Statist. Psych. 1976. Vol. 29. P. 66–90.
5. *Gibbons M., Limoge C., Nowotn H., Schwartzma S., Scot P., Trow M.* The new production of knowledge : The dynamics of science and research in contemporary societies. 1994, p. 1–16. URL: <http://www.schwartzman.org.br/simon/gibbons.pdf> (дата обращения: 13.03.2019).
6. *Leydesdorff L., Meyer M.* The scientometrics of a Triple Helix of University-Industry-Government Relations // Scientometrics. 2007. № 70. P. 2207–2222.
7. *Clark B. R.* Creating Entrepreneurial Universities : Organizational Pathways of Transformation. (Issues in Higher Education). N. Y., 1998. 164 p.
8. *Ropke J.* The Entrepreneurial University : Innovation, Academic Knowledge Creation and Regional Development in a Globalized Economy. N. Y., 1998. 464 p.
9. *Kirby D. A.* Creating Entrepreneurial Universities in the UK : Applying Entrepreneurship Theory to Practice // Journal of Technology Transfer. 2005. Vol. 31, iss. 5. P. 599–603.
10. *Gibbs A. D.* Sustainability Entrepreneurs, Ecopreneurs and the Development of a Sustainable Economy // Greener Management International. 2009. № 55. P. 63–78.
11. *Gibb A. D., Hannon P.* Towards the Entrepreneurial University // International Journal of Entrepreneurship Education. 2006. № 4. P. 73–110.

12. Константинов Г. Н., Филонович С. Р. Что такое предпринимательский университет // *Вопр. образования*. 2007. № 1. С. 49–62.
13. Ашмарина С. И., Плаксина И. А. Роль инновационно-предпринимательской деятельности университета в повышении его конкурентоспособности // *Вестн. Университета (Государственный университет управления)*. 2014. № 12. С. 216–219.
14. Буняк Н. М. Предпринимательский университет : сущность и особенности формирования // *Juvenis scientia*. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskiy-universitet-suschnost-i-osobennosti-formirovaniya> (дата обращения: 13.03.2019).
15. Барыбин А. В., Рогинко Е. В. О мерах повышения конкурентоспособности современного вуза в условиях изменяющегося рынка образовательных услуг // *Креативная экономика*. 2013. № 12 (84). С. 89–94. URL: <https://bgscience.ru/lib/4980/> (дата обращения: 13.03.2019).
16. Яблеца Ю. Миссия организации и университета : некоторые особенности // *Alma Mater (Вестн. Вышш. шк.)*. 2004. № 9. С. 3–16.
17. Ансофф И. Стратегическое управление. М. : Экономика, 1989. 520 с.
18. Горячева Т. В., Буренина М. П. Предпосылки и опыт создания университетов предпринимательского типа за рубежом // *Актуальные проблемы экономики и менеджмента*. 2016. № 1 (09). С. 37–44.

Образец для цитирования:

Волкодасова Е. В., Горячева Т. В., Жабин А. П., Хансевяров Р. И. Компетентностный подход как основа развития предпринимательских вузов в национальной инновационной системе // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право*. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 134–141. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-134-141>

Competence Approach as the Basis for Entrepreneurial Universities Development in the National Innovation System

E. V. Volkodavova, T. V. Goryacheva, A. P. Zhabin, R. I. Khanseyarov

Elena V. Volkodavova, <https://orcid.org/0000-0002-3335-2016>, Samara State University of Economics, 141 Sovetskoi Armii St., Samara 443090, Russia, vev.sseu@gmail.com

Tatyana V. Goryacheva, <https://orcid.org/0000-0002-1129-7589>, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia, tvsgstu@rambler.ru

Alexander P. Zhabin, <https://orcid.org/0000-0002-7171-4508>, Samara State University of Economics, 141 Sovetskoi Armii St., Samara 443090, Russia, zhabin@sseu.ru

Rustam I. Khanseyarov, <https://orcid.org/0000-0002-8601-9401>, Samara State University of Economics, 141 Sovetskoi Armii St., Samara 443090, Russia, rust1978@mail.ru

Introduction. The Integration of Russian entrepreneurial universities into the knowledge geo-economic space requires the universities and faculty competencies formation in the field of entrepreneurial activity. **Theoretical analysis.** The works of domestic and foreign scientists and practitioners in the field of educational sphere entrepreneurship theories are studied, theoretical approaches to entrepreneurial University profile formation are considered, the basis of which is determined by the faculty. **Empirical analysis.** The author's version of the Russian Entrepreneurial University formation concept is presented; principles defining the vector of its strategic development: consumer orientation, strong leader, collegiality, uniqueness, continuous development, strong control, diversification of activities are formulated and characterized. **Results.** The author's approach to the formation of a theoretical competence model in an entrepreneurial university has been developed, the forms of entrepreneurial activity of a modern Russian university to

generate economic results have been defined, general professional competencies of teachers and universities functioning in a global environment have been formulated.

Keywords: entrepreneurial university, competence, national economic system, innovation, university model.

References

1. Cantillon R. *Essai sur la nature du commerce en general*. Paris, 1952. 156 p.
2. Ickovich G. *Troinaia spiral'*. *Universitety, predpriyatiya, gosudarstvo. Innovatsii v deistvii* [Triple helix. Universities, enterprises, the state. Innovation in action]. Tomsk, 2010. 238 p. (in Russian).
3. Webster F. *Teorii informatsionnogo obschestva* [Theories of the Information Society]. Moscow, 2004. 400 p. (in Russian).
4. Zeeman E. C. A model for institutional disturbances. *Br. Math. Statist. Psych*, 1976, vol. 29, pp. 66–90.
5. Gibbons M., Limoge C., Nowotn H., Schwartzma S., Scot P., Trow M. *The new production of knowledge: The dynamics of science and research in contemporary societies*. 1994, pp. 1–16. Available at: <http://www.schwartzman.org.br/simon/gibbons.pdf> (accessed 13 March 2019).
6. Leydesdorff L., Meyer M. The scientometrics of a Triple Helix of University-Industry-Government Relations. *Scientometrics*, 2007, no. 70, pp. 2207–2222.
7. Clark B. R. *Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation. (Issues in Higher Education)*. New York, 1998. 164 p.
8. Ropke J. *The Entrepreneurial University: Innovation, Academic Knowledge Creation and Regional Development in a Globalized Economy*. New York, 1998. 464 p.
9. Kirby D. A. *Creating Entrepreneurial Universities in the UK: Applying Entrepreneurship Theory to*

- Practice. *Journal of Technology Transfer*, 2005, vol. 31, iss. 5, pp. 599–603.
10. Gibbs A. D. Sustainability Entrepreneurs, Ecopreneurs and the Development of a Sustainable Economy. *Greener Management International*, 2009, no. 55, pp. 63–78.
 11. Gibb A. D., Hannon P. Towards the Entrepreneurial University. *International Journal of Entrepreneurship Education*, 2006, no. 4, pp. 73–110.
 12. Konstantinov G. N., Filonovich S. R. Chto takoe predprinimatel'skiy universitet [What is an Entrepreneurial University]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow], 2007, no. 1, pp. 49–62 (in Russian).
 13. Ashmarina S., Plaksina I. The Role of University's Innovative Entrepreneurship to Improve Its Competitiveness. *Vestnik Universiteta*, 2014, no. 12, pp. 216–219 (in Russian).
 14. Buniak N. M. Entrepreneurial University: Essence and Peculiarities of Formation. *Juvenis scientia*, 2016, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskiy-universitet-suschnost-i-osobennosti-formirovaniya> (accessed 13 March 2019) (in Russian).
 15. Barybin A. V., Roginko E. V. On measures of modern HEI competitiveness improvement in the conditions of changing market of educational services. *Kreativnaia ekonomika* [Creative Economy], 2013, no. 12 (84), pp. 89–94. Available at: <https://bgscience.ru/lib/4980/> (accessed 13 March 2019) (in Russian).
 16. Yabletska Yu. Missiya organizatsii i universiteta: nekotorye osobennosti [The mission of the organization and the university: some features]. *Alma mater. Vestnik Vysshey Shkoly*, 2004, no. 9, pp. 3–16 (in Russian).
 17. Ansoff I. *Strategicheskoe upravlenie* [Strategic Management]. Moscow, 1989. 520 p. (in Russian).
 18. Goryacheva T. V., Burenina M. P. Preconditions and experience of creating entrepreneurial universities. *Actual Problems of Economics and Management*, 2016, no. 1 (09), pp. 37–44 (in Russian).

Cite this article as:

Volkodavova E. V., Goryacheva T. V., Zhabin A. P., Khansevyarov R. I. Competence Approach as the Basis for Entrepreneurial Universities Development in the National Innovation System. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 134–141 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-134-141>

УДК 658.5

Конкурентоспособность организации как объект институционального регулирования

Е. М. Рудь, А. Е. Рудь

Рудь Евгений Михайлович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и таможенного дела, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, erud_60@mail.ru

Рудь Анна Евгеньевна, аспирант кафедры экономики и таможенного дела, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, arud_91@mail.ru

Введение. Проблемы эффективной работы отечественных организаций и рост их конкурентоспособности на современном этапе экономического развития приобрели особую значимость, так как занять устойчивое положение на рынке в современных условиях можно только посредством производства и предложения наукоемкой, высокотехнологичной и недорогой продукции, соответствующей при этом мировым стандартам качества. Для того чтобы этот процесс был результативен, необходимо эффективное взаимодействие между различными институтами. Насколько воздействие институционального регулирования будет адекватно современным тенденциям в экономике, настолько будут усиливаться или ослабевать механизмы обеспечения конкурентоспособности организаций. Поэтому актуальность и своевременность данного исследования не вызывают сомнений. **Теоретический анализ.** В статье проанализированы и обобщены разные позиции, имеющиеся в экономической науке, на определение содержания категории «конкурентоспособность организации». **Результаты.** Определен объект институционального регулирования конкурентоспособности организации, дана собственная трактовка понятию «институциональное регулирование конкурентоспособности организации», рассмотрены виды институционального регулирования.

Ключевые слова: конкурентоспособность организации, институциональное регулирование, виды институционального регулирования.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-142-146>

Введение

Проблемы эффективной работы отечественных организаций и рост их конкурентоспособности на современном этапе экономического развития приобрели особую значимость, так как занять устойчивые позиции на рынке в современных условиях можно только посредством производства и предложения наукоемкой, высокотехнологичной и недорогой продукции, соответствующей при этом мировым стандартам качества. Более того, конкурентоспособность российских организаций становится одной из важных проблем национальной безопасности. От ее успешного решения зависит, сможет ли

Россия занять достойное место в системе международного разделения труда в качестве развитой постиндустриальной державы или ей придется довольствоваться скромной ролью аграрно-сырьевого придатка.

Для того чтобы этот процесс был результативен, необходимо эффективное взаимодействие различных институтов. Насколько воздействие институционального регулирования будет адекватно современным тенденциям в экономике, настолько станут усиливаться или ослабевать механизмы обеспечения конкурентоспособности организаций. Отсюда актуальность и своевременность данного исследования.

Теоретический анализ

Из всего многообразия существующих точек зрения в экономической литературе на определение конкурентоспособности организации авторы выделяют основные, по их мнению, подходы, которые представлены в табл. 1.

Таблица 1/ Table 1

Основные подходы к определению конкурентоспособности организации
The Main Approaches to Organization Competitiveness Definition

Авторы	Определяющее свойство
Соседов Г. А., Фахрутдинов Р. А.	Конкурентоспособность товара
Грошев И. В., Емельянов П. В., Юрьев В. М.	Способность побеждать в конкурентной борьбе
Мухина Д. В., Степанов Л. В.	Эффективное использование факторов
Фасхиев Х. А.	Сочетание конкурентоспособности товара и хозяйственной деятельности
Портер М.	Эффективное использование ресурсов
Грибов В., Грузинов В.	Конкурентное преимущество
Рубин Ю. Б.	Конкурентный потенциал
Зулькарнаев И. У., Ильясова Л. Р.	Доля рынка

Наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой конкурентоспособность организации – это способность создавать и относительно длительное время реализовывать товары на внутреннем и мировых рынках [1, с. 21]. Такой

позиции придерживаются, в частности, Г. А. Соколов, Р. А. Фатхудинов. По нашему мнению, данная позиция является не совсем корректной. Во-первых, конкурентоспособность организации носит долговременный характер, тогда как конкурентоспособность товара – краткосрочный, особенно в современных условиях, когда обновление ассортимента продукции происходит непрерывно. Во-вторых, при осуществлении покупки потребитель, наряду с качественными характеристиками товара, его цены, в настоящее время обращает внимание на такие важные моменты, как бренд компании, реализуемые ею социальные программы. В-третьих, оценку деятельности организации дает не только потребитель продукции, но и руководство самой организации. Покупателя, как правило, интересуют качество, цена товара (услуги), включая условия доставки и эксплуатации, по сравнению с аналогичной продукцией других предприятий (организаций). Организация же решает вопросы о выгоде для нее производства в данных условиях социально-экономического развития конкретного товара (услуги).

Конкурентоспособность организации и конкурентоспособность товара (услуги) соотносятся между собой как целое и часть. Конкурентоспособность организации проявляется через конкурентоспособность продукции, сообщая ей определенные потребительские свойства.

Согласно другой точке зрения, конкурентоспособность организации определяется как способность выдерживать конкуренцию, противостоять ей, достигать поставленной цели в условиях противодействия конкурирующих компаний [2, с. 268]. Такое толкование конкурентоспособности, на наш взгляд, является довольно пространным, не указываются факторы, обеспечивающие конкурентоспособность организации.

По мнению Д. В. Мухиной, Л. В. Степанова, важнейшими составляющими конкурентоспособности организации являются экономические, технические и организационные превосходства по сравнению с конкурентами, призванные снизить издержки производства, повысить качество продукции, расширить и обновить производство [3, с. 7].

Х. А. Фасхиев считает необходимым сочетать конкурентоспособность товара и хозяйственную деятельность. Наряду со способностью поставлять на рынки конкурентоспособные товары, организации привлекают покупателей за счет понижения издержек производства и цен, роста качества выпускаемой продукции, предоставления широкого спектра сервисных услуг, использования рекламы. Мы солидарны с его мнением, что при эффективном управлении

взаимосвязь этих составляющих конкурентоспособности обеспечит предприятию конкурентное преимущество перед другими предприятиями [4, с. 80–81].

Интересной является позиция на трактовку конкурентоспособности организации М. Портера, согласно которой конкурентоспособность зависит, в первую очередь, от эффективного использования мощностей на местах для производства товаров и услуг [5, с. 347].

Существует точка зрения, согласно которой конкурентоспособность организации определяется конкурентными преимуществами, под которыми авторы понимают какую-либо эксклюзивную ценность, позволяющую организации преобладать над конкурентами в отрасли и за рубежом [6, с. 221].

Ю. Б. Рубин для борьбы с соперниками считает необходимым применять конкурентный потенциал, представляющий собой совокупность факторов, определяющих его возможности, средства, запасы, способности, ресурсы, производственные резервы и др. [7, с. 84–93].

Согласно позиции И. У. Зулкарнаева и Л. Р. Ильясовой, конкурентоспособность организации (предприятия) определяется спросом на ее продукцию и ее долей на рынке [8]. При таком подходе выявление уровня конкурентоспособности организации является достаточно простым: необходимо только определить долю организации на конкретном рынке. Однако доля рынка, по нашему мнению, это, скорее, лишь один из показателей конкурентоспособности, но еще не сама конкурентоспособность, при этом методы достижения данного показателя остаются за рамками исследования.

Результаты

Анализ и обобщение существующих точек зрения на определение понятия «конкурентоспособность организации» позволили авторам систематизировать теоретические представления для определения объекта регулирующего воздействия, а именно:

- во-первых, процесс укрепления или завоевания позиций на конкурентном рынке, обеспечения конкурентных преимуществ;
- во-вторых, процесс эффективного производства товаров и оказания услуг;
- в-третьих, процесс эффективного использования своего конкурентного потенциала, позволяющего успешно противостоять конкурирующим аналогам как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

В условиях внешних вызовов и экономического кризиса повышение конкурентоспособности

сти организаций является в настоящее время одним из актуальных направлений экономической политики Российского государства. Практика развитых стран подтверждает то, что важнейшим условием в решении данной проблемы является эффективное институциональное регулирование.

По мнению авторов, институциональное регулирование конкурентоспособности организации реализуется в процессе создания и имплементации соответствующих правил, норм, процедур, санкций, а также организационных механизмов контроля за их исполнением. Все перечисленное имеет целью обеспечить повышение конкурентоспособности организации [9, с. 82].

Субъектами институционального регулирования конкурентоспособности организации выступают как государство, так и иные участники рынка, к которым относятся прежде всего хозяйственные организации.

Для разрешения противоречий между интересами государства и хозяйственными организациями для формирования институциональной среды, стимулирующей повышение конкурентоспособности организации, представляют интерес сочетания следующих видов регулирования: саморегулирование, государственное регулирование и квазирегулирование (сорегулирование), которые представлены в табл. 2.

Таблица 2/Table 2

**Виды институционального регулирования конкурентоспособности организации
Types of Organization Competitiveness' Institutional Regulation**

Виды институционального регулирования	Основные характеристики
Саморегулирование	Представляет собой разработку стандартов поведения, их применение и защиту самим бизнесом без всякого государственного вмешательства (формальные и неформальные правила – стратегия, план, инструкция, методическое обеспечение, различные мероприятия). Является гибким инструментом, предполагает более низкие издержки по его применению для бизнеса по сравнению с государственным регулированием и не предполагает дополнительных затрат со стороны государства
Государственное регулирование	Реализуется посредством принятия нормативно-правовых актов (законов, концепций, стратегий, программ), имеющих директивный характер, контроль за исполнением которых осуществляют правомочные государственные органы. Существующая ныне система институтов государственного регулирования конкурентоспособности организации, хотя и имеет в своей основе созидательные мотивы, в практике применения зачастую оказывает обратное – дестимулирующее воздействие, что находит свое проявление в дисфункциях государства: 1) создает дополнительные барьеры входа в отрасль новых фирм; 2) способствует появлению и расширению институтов теневой экономики, коррупции и бюрократии; 3) несовершенство законодательства, которое приводит к постоянному изменению правил регулирования деятельности хозяйственной организации, возникновению противоречий между федеральными и региональными правовыми актами; 4) декларативность принимаемых концепций, стратегий и др.
Квазирегулирование (сорегулирование)	Основано на участии государства в той или иной форме в обеспечении кодексов и правил, разрабатываемых бизнесом

В итоге проведенного исследования представляется необходимым сделать следующие выводы:

1) объектом институционального регулирования конкурентоспособности организации являются: во-первых, процесс укрепления или завоевания позиций на конкурентном рынке, обеспечения конкурентных преимуществ; во-вторых, процесс эффективного производства товаров и оказания услуг; в-третьих, процесс эффективного использования своего конкурентного потенциала, позволяющего успешно противостоять конкурирующим аналогам как на внутреннем, так и на внешнем рынках;

2) институциональное регулирование конкурентоспособности организации реализуется в процессе создания и имплементации правил, норм, процедур, санкций, а также организационных механизмов контроля за их исполнением;

3) видами институционального регулирования конкурентоспособности организации являются: саморегулирование, государственное регулирование и квазирегулирование (сорегулирование);

4) в институциональное регулирование конкурентоспособности организации необходимо включать не только государство, но и саму организацию как полноправного субъекта хо-

зяйственной деятельности. Институциональное регулирование конкурентоспособности организации на микроуровне должно быть взаимосвязанным, сквозным, сопряженным с институциональным регулированием общей конкурентной среды на макроуровне.

Разрабатываемые приоритетные направления институционального регулирования конкурентоспособности организации на макро- и микроуровнях должны осуществляться в виде законов, стратегий, программ, методического обеспечения, инструкций и мероприятий, а также создания специальных структур, персонифицирующих данную деятельность.

Список литературы

1. Соседов Г. А. Конкуренция и конкурентоспособность : содержание категорий в условиях смешанной экономики // Вестн. ТГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2010. Вып. 2 (82). С. 15–22.
2. Грошев И. В., Емельянов П. В., Юрьев В. М. Организационная культура. М. : ЮНИТИ ДАНА, 2004. 288 с.
3. Мухина Д. В. Экономические и методические основы повышения конкурентоспособности хлебопекарных предприятий (на примере Приморского края). Владивосток : Изд-во ПГСХА, 2005. 23 с.
4. Фасхийев Х. А. Определение конкурентоспособности предприятия // Маркетинг в России и за рубежом. 2009. № 4. С. 75–83.
5. Портер М. Конкурентная стратегия : Методика анализа отрасли и конкурентов. М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. 452 с.
6. Грибов В. Д., Грузинов В. П. Экономика предприятия. М. : Финансы и статистика, 2006. 335 с.
7. Рубин Ю. Б. Теория и практика предпринимательской конкуренции. М. : Маркет ДС, 2003. 584 с.
8. Зулкарнаев И. У., Ильасова Л. Р. Метод расчета интегральной конкурентоспособности промышленных, торговых и финансовых предприятий // Маркетинг в России и за рубежом. 2001. № 4 (24). С. 17–27.
9. Рудь А. Е. Теоретические основы исследования институционального регулирования конкурентоспособности организации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т.18, вып. 1. С. 81–86. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-1-81-86

Образец для цитирования:

Рудь Е. М., Рудь А. Е. Конкурентоспособность организации как объект институционального регулирования // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 142–146. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-142-146>

Organization Competitiveness as an Institutional Regulation Object

E. M. Rud, A. E. Rud

Evgeni M. Rud, <https://orcid.org/0000-0003-3560-857X>, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25 Sobornaya St., Saratov 410031, Russia, erud_60@mail.ru

Anna E. Rud, <https://orcid.org/0000-0003-2352-8345>, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25 Sobornaya St., Saratov 410031, Russia, arud_91@mail.ru

Introduction. The problems of domestic organizations' effective development and improving their competitiveness at the modern stage of economic development are of particular importance, since it is possible to assume a stable position in the market today only by offering high-tech and low-cost products that meet international quality standards. For this process to be fruitful, effective interaction between different institutions is necessary. As far as the impact of institutional regulation will be in line with current trends in the economy, the mechanisms for ensuring the organizations' competitiveness will increase or weaken. **Theoretical analysis.** The article analyzes and summarizes various points of view, available in economics, concerning the definition of "organization competitiveness". **Results.** The object of the organization competitiveness'

institutional regulation is defined, the author's interpretation of the "organization competitiveness' institutional regulation" concept is given, types of institutional regulation are considered.

Keywords: organization competitiveness, institutional regulation, types of institutional regulation.

References

1. Sosedov G. A. Konkurentsiya i konkurentosposobnost': sodержanie kategoriy v usloviyakh smeshannoi ekonomiki [Competition and Competitiveness: Content of Categories in a Mixed Economy]. *Vestnik TGU. Ser. Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Ser. Humanities], 2010, iss. 2 (82), pp. 15–22 (in Russian).
2. Groshev I. V., Yemel'yanov P. V., Yur'ev V. M. *Organizatsionnaya kul'tura* [Organizational Culture]. Moscow, UNITY DANA Publ., 2004. 288 p. (in Russian).
3. Mukhina D. V. *Ekonomicheskiye i metodicheskiye osnovy povysheniya konkurentosposobnosti khlebopekarnykh predpriyatiy (na primere Primorskogo kraia)* [Economic and Methodological Foundations for Improving the Competitiveness of Bakeries (Using the Example of Primorsky Krai)]. Vladivostok, PGSA Publ., 2005. 23 p. (in Russian).
4. Faskhiyev Kh. A. Opredelenie konkurentosposobnosti predpriyatiya [Definition of Enterprise Competitiveness].

- Marketing v Rossii i za rubezhom* [Marketing in Russia and Abroad], 2009, no. 4, pp. 75–83 (in Russian).
5. Porter M. E. *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors*. New York, Free Press, 1998. 397 p. [Russ. ed.: Porter M. *Konkurentnaya strategiya: Metodika analiza otrasli i konkurentov*. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 2007. 452 p.].
 6. Gribov V. D., Gruzinov V. P. *Ekonomika predpriyatiya* [Enterprise Economics]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2006. 335 p. (in Russian).
 7. Rubin Yu. B. *Teoriya i praktika predprinimatel'skoy konkurentsii* [Theory and Practice of Entrepreneurial Competition]. Moscow, Market DS Publ., 2003. 584 p. (in Russian).
 8. Zul'karnayev I. U., Il'yasova L. R. Metod rascheta integral'noy konkurentosposobnosti promyshlennykh, torgovykh i finansovykh predpriyatij [Method of Calculating the Integral Competitiveness of Industrial, Trading and Financial Enterprises]. *Marketing v Rossii i za rubezhom* [Marketing in Russia and Abroad], 2001, no. 4 (24), pp. 17–27 (in Russian).
 9. Rud A. E. Theoretical Foundation of Research of Institutional Regulation of the Competitiveness of the Organization. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 81–86 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-1-81-86

Cite this article as:

Rud E. M., Rud A. E. Organization Competitiveness as an Institutional Regulation Object. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 142–146 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-142-146>

УПРАВЛЕНИЕ

УДК 338.24

Формирование навыков дизайн-мышления у менеджеров в условиях четвертой промышленной революции

А. А. Гусаков

Гусаков Александр Александрович, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, gusakov-aa@rudn.ru

Введение. Четвертая промышленная революция меняет требования к знаниям и навыкам, которыми должны обладать менеджеры всех уровней в бизнесе, органах власти и некоммерческом секторе. **Теоретический анализ.** Креативное мышление, умение организовать генерирование новых идей, а также системный подход к решению сложных проблем признаются важными. Одним из подходов, который способствует формированию креативного мышления, является дизайн-мышление. Он применяется в настоящее время ведущими компаниями и некоммерческими организациями для обеспечения конкурентных преимуществ. **Эмпирический анализ.** В статье проанализированы аспекты появления и распространения дизайн-мышления, его роль в программах подготовки инноваторов в ведущих университетах и бизнес-школах мира. **Обсуждение и результаты.** Для формирования креативных навыков и нового отношения к ним в государственном и муниципальном управлении необходимо учитывать специфику управления в органах власти, которая характеризуется повышенными требованиями к формализации деловых процессов, методов и процессов принятия решений. Проведенный анализ подтверждает тот факт, что обучение дизайн-мышлению способствует развитию креативного мышления, повышает уверенность обучаемых в своем творческом потенциале, формирует навыки работы в мультидисциплинарной команде.

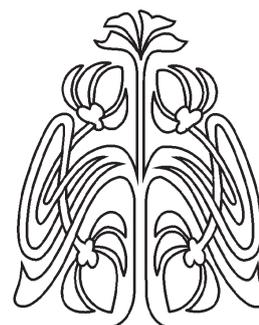
Ключевые слова: креативное мышление, дизайн-мышление, обучение менеджеров, мультидисциплинарный подход.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-147-154>

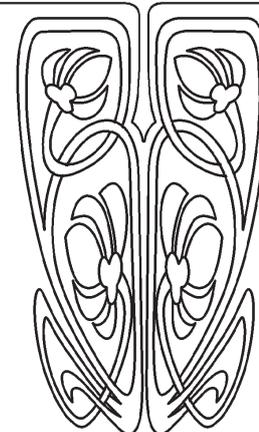
Введение

Растущая сложность и динамизм изменений в технологиях и в обществе, необходимость выработки модели устойчивого развития приводят к тому, что управленцу недостаточно обладать большим объемом знаний, накапливать примеры и шаблоны из своей практики и практики других организаций. Информационные технологии являются важным инструментом, но они, в первую очередь, помогают автоматизировать устоявшиеся процессы. И даже модный искусственный интеллект в большей степени позволяет находить скрытые закономерности в данных о прошлом, нежели давать советы для решения проблем.

В докладе Всемирного экономического форума влияние четвертой промышленной революции на рынок труда проявляется в устаревании одних навыков и росте потребности в других. Цифровые навыки, такие как технологическое проектирование и программирование, а также анализ и оценка систем, находятся на подъеме. Но растет и потребность в «человеческих» навыках, таких как креативность, оригинальность и инициативность, критическое мыш-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ление, анализ, комплексное решение проблем, генерирование идей, эмоциональный интеллект, поскольку не ожидается, что они могут быть автоматизированы в ближайшем будущем [1]. Это вопрос мышления по-другому, мышления более творческим и междисциплинарным образом, будь то в академических исследованиях, преподавании или на будущих рабочих местах, которые еще должны быть созданы. Необходимо сформировать осмысленное отношение к способам мышления, бытия и деятельности, к гибкому обучению в течение всей жизни, а не простому накоплению бесконечного объема узкодисциплинарных знаний [2]. Анализируя изменения организационных структур в компаниях, связанные с цифровизацией бизнеса, Майкл Портер констатирует неизбежность появления «новой культуры» для постоянной координации между подразделениями, поскольку этого требуют новые «умные» продукты. В одном подразделении могут работать разработчики нового продукта, ИТ-специалисты, производственники и те, кто обслуживает проданный продукт. Одной из организационных новаций является создание подразделения, отвечающего за то, чтобы продукт приносил покупателю максимальную пользу. Такое подразделение возьмет на себя ведущую роль во взаимодействии с потребителем [3]. Для руководства комплексными подразделениями менеджеры должны обладать системным мышлением и готовностью к инновациям, к генерированию новых идей.

В этих условиях креативность мышления, умение отойти от штампов становится важным качеством, которым должен владеть современный менеджер. Креативность можно определить как способность производить идеи или продукты, являющиеся как оригинальными, так и адаптированными к контексту и ограничениям конкретных задач [2, p.15]. Одним из подходов, позволяющих сформировать навыки креативного мышления, является дизайн-мышление (далее – ДМ). Это процесс, который фокусируется на изучении пользователей, их повседневного опыта для выявления проблем, служащих основой для формулирования задачи проектирования. Проектирование построено по итеративной спиральной модели и включает создание прототипов для тестирования их вместе с пользователями. После этого прототип совершенствуется или создается принципиально новый. Эксперименты и прототипирование позволяют, с одной стороны, точнее сформулировать реальные проблемы пользователей, а с другой – создать продукт, который их решает. Дизайн-мышление нацелено на то, чтобы совместить желаемое с точки зрения человека,

технологически возможное и экономически оправданное. Обучение ДМ позволяет передать все эти инструменты людям, которые никогда не считали себя дизайнерами, но которые смогут применять такие инструменты при решении самых разных проблем [4]. Междисциплинарность реализуется в ДМ за счет объединения в проектной команде представителей разных профессий – инженеров, менеджеров, социологов.

Теоретический анализ

Обсуждение вопросов возможности и целесообразности применения в менеджменте принципов и инструментов, которые применяют в своей работе дизайнеры, активизировалось в середине 2000-х гг. Аналитики из сферы дизайна и менеджмента исследовали параллели между этими двумя сферами деятельности, а также интеллектуальные основы подхода к управлению как дизайну [5]. Декан Ротмановской школы менеджмента Университета Торонто Роджер Мартин анализировал необходимость перемен в программах подготовки магистров делового администрирования (МБА) и признавал, что ДМ имеет большой потенциал для менеджмент-образования [6]. По его мнению, в рамках парадигмы дизайн-мышления обучающимся необходимо размышлять о проблемах шире, развивать глубокое понимание пользователей и осознавать ценность вклада других.

В эти же годы руководитель дизайнерской компании IDEO Дэвид Келли убедил Хассо Платтнера, основателя компании SAP (<https://www.sap.com>), поддержать инициативу создания Школы дизайна мышления (d.school) в Стэнфордском университете. Платтнер увидел большой потенциал ДМ для бизнеса и сферы образования. Спустя пару лет аналогичное подразделение HPI D-School было создано в частном Институте Х. Платтнера (Hasso Plattner Institute) в Потсдаме. Платтнер также финансировал совместную исследовательскую программу, чтобы выяснить, почему и как работает дизайн-мышление, в первую очередь с точки зрения повышения креативности и инновационности процесса обучения [7–9]. Спустя 10 лет после знакомства с ДМ он подтверждает, что убедился в его инновационной силе, поскольку данный подход приводил к «бесчисленным случаям неожиданных решений, изменениям в рабочей культуре и улучшениям в работе команды» [8, p. V]. Х. Платтнер признает, что традиционные подходы часто терпят неудачу, когда дело доходит до сложных проблем, требующих новых подходов и творчества – навыка, который часто считается областью выдающихся личностей. По его мнению, ДМ – это «основа и

метод, способствующие творческому доверию, которое является основой для инноваций и в конечном итоге позволяет каждому быть новатором. Встретившись с дизайн-мышлением, люди испытывают устойчивое изменение своего мышления и того, как они действуют и думают» [8, р. V].

Методы ДМ активно применяются в сервис-дизайне и разработке программного обеспечения. Этот подход используют такие известные компании, как Apple, Virgin, Toyota, а также практически все стартапы для разработки своего продукта в больших и малых акселераторах по всему миру. Даже в традиционно считавшейся консервативной сфере банковских услуг активно используется ДМ [10]. Такое внимание к ДМ связано с тем, что первым и одним из важнейших составляющих этого подхода является изучение опыта целевой аудитории. Кастомизация продукта и взаимодействие с пользователем формируют конкурентные преимущества компании в глазах потребителя. Важность изучения потребительского опыта определяется как обострением конкуренции, так и возможностями, которые представляют современные ИТ. Цифровизация всех точек взаимодействия потребителя с компанией позволяет отслеживать частоту контактов и степень удовлетворенности.

Дизайн-мышление применяется также в работе над социальными проектами, при создании сервисов для жителей города. В качестве российского примера можно привести новые системы навигации в московском метро, в парке «Царицыно» [11]. Эта система – результат проекта в сфере сервис-дизайна с применением методов ДМ. Навигация стала понятнее и удобнее. В метро появились указатели прямо под ногами пассажиров. Известно, что человек ходит, слегка наклонив голову вперед. В Великобритании утвержден стандарт по разработке цифровых услуг. Все публичные цифровые услуги должны ему соответствовать. Стандарт предусматривает необходимость выполнения итерационных процессов изучения потребностей и опыта пользователя, разработку прототипа услуги, его тестирование [12]. Австралийское налоговое управление (Australian Taxation Office), отвечающее за администрирование налогового и пенсионного законодательства в стране, является пионером в применении методов ДМ в своей административной работе [13]. В управлении заняты более 22 тысяч сотрудников. С этой государственной организацией взаимодействуют все налогоплательщики – физические и юридические лица.

Авторы публикаций по тематике ДМ описывают возможности применения данного подхода

в различных сферах менеджмента – в создании новых бизнес-моделей и разработке инновационной стратегии компании [14], для активизации творческого потенциала сотрудников [7], для бизнес-анализа [15], в малом предпринимательстве [16].

Эмпирический анализ

В настоящее время изучение ДМ вошло в программы многих ведущих университетов и бизнес-школ мира. Как правило, занятия проводятся в форме факультативных курсов для студентов (d.school в университете Стэнфорда) или являются частью более продолжительной программ (курс «Product Development project» в университете Аалто, Хельсинки). Для профессионалов и руководителей разных сфер деятельности предлагаются как краткосрочные, так и более продолжительные программы погружения в ДМ. Пример краткосрочной программы – трехдневные «Executive Education program» в d.school Стэнфордского университета. Обучение по программе «Инновации и дизайн мышление» в Слоуновской школе менеджмента MIT занимает два месяца. В Европе крупнейшим центром ДМ является HPI D-School, в которой реализуются программы разных форматов – для студентов, преподавателей и профессионалов.

В России обучение ДМ в основном ведут частные образовательные учреждения, например Британская высшая школа дизайна. Краткосрочные интенсивы проводят компании, оказывающие консультационные услуги в сфере сервис-дизайна. В системе высшего образования в России ДМ встречается в виде факультативного курса или в качестве методики в рамках дисциплин, связанных с инновациями: в магистратуре экономического факультета Московского государственного университета, в Московском государственном техническом университете им. Н. Э. Баумана. В Российской академии народного хозяйства и государственной службы ДМ применяется в работах студенческих команд над проектами потенциальных работодателей.

Автор приобрел опыт обучения навыкам ДМ в рамках преподавания различных дисциплин по программам бакалавриата и программам повышения квалификации, а также при организации инновационных проектов, в которых участвовали как школьники, студенты, так и профессионалы, и руководители из различных сфер деятельности. В рамках программ бакалавриата ДМ применялось на социологическом факультете Северного Арктического федерального университета (далее – САФУ) (студенты 3-го и 4-го курсов), на факультете управления крупными городами Мо-

сковского международного университета (далее – ММУ) (студенты 3-го и 4-го курсов), на экономическом факультете Российского университета дружбы народов (далее – РУДН) (студенты 3-го курса). Дизайн-мышление было встроено в программу повышения квалификации по проектному управлению сотрудников органов государственной власти, органов местного самоуправления и руководителей муниципальных организаций в г. Нарьян-Мар (Ненецкий автономный округ). В рамках просветительско-образовательного проекта Департамента образования города Москвы «Университетские субботы» был проведен мастер-класс по методике ДМ для школьников и студентов колледжей в ММУ.

Требование к многопрофильности проектных команд удалось реализовать в рамках совместного международного проекта Северного Арктического федерального университета и Северного государственного медицинского университета (оба – г. Архангельск) с Университетом Тромсе (UiT) из Норвегии. В проектных семинарах приняли участие по 10 студентов с российской и норвежской стороны. В основном это были студенты магистратуры. Работа велась в малых многопрофильных мультикультурных командах на английском языке. Студенты трех вузов представляли разные страны – Россию, Индонезию, Норвегию, Германию, Китай, Новую Зеландию. Семинары продолжались по три дня каждый и проходили сначала в Архангельске, затем – в Тромсе. По мнению российских студентов, этот проект много дал им в плане языковой практики, командных навыков работы в мультикультурной среде, тренировке своих креативных способностей.

Вместе со студентами бакалавриата САФУ, ММУ, РУДН в рамках проектной работы были пройдены все этапы процесса ДМ. Вначале требовалось сформулировать проблему, над которой будут работать команды. С целью повышения интереса обучающихся обычно предлагается им самим выбрать проблему и целевую аудиторию. На этом этапе наглядно проявляются те качества, которые в нас формирует система образования. Причем это характерно не только для российской системы образования, которая сформирована исходя из потребностей индустриальной эпохи и не соответствует современным вызовам. В процессе ДМ важно владение навыками как конвергентного, так и дивергентного мышления. Навыки дивергентного мышления есть практически у всех детей дошкольного возраста. Это так называемое умение думать «горизонтально», пытаться применить разные предметы и инструменты самым необычным

образом. По мере продвижения по этапам образовательного процесса ребенок теряет эти навыки. Его приучают думать, что правильное решение только одно [17]. Дизайн-мышление, в свою очередь, требует проверки всего спектра решений, создания прототипов на основе каждого решения и тестирования этих прототипов вместе с пользователем. Одним из следствий является то, что в качестве проблем участники обучения ДМ выбирают только те, решение которых уже знают, пусть и приблизительно. Те сферы и вопросы, в которых у обучающихся нет опыта поиска решений, в том числе учебных, не рассматриваются как потенциальная проблема, над которой может работать команда. Причем в большей степени это проявляется у отличников, привыкших к традиционной системе обучения и оценивания. И здесь важно «столкнуть» студентов или взрослых, которые будут участниками команд проектов ДМ, с наезженной колеи.

Сложности для обучающихся возникают на тех этапах, когда предлагается команде создать множество формулировок задачи для разработки решения. Традиционно требуется найти одну правильную формулировку. Во всех случаях, когда необходимо сгенерировать множество вариантов, участникам мешает опасение «потерять лицо», т. е. дать не самый лучший ответ. Этим подтверждается тот факт, что ошибка в традиционной системе оценок в обучении или в профессиональной деятельности рассматривается как подтверждение недостаточности знаний или опыта. Для развития навыков креативного мышления требуется изменение системы оценивания. В работе дизайнера всегда есть право на ошибку. Причем нередко именно ошибка может подсказать правильное решение. Когда участникам предлагалось начать с формулирования самого смешного или невероятного решения, обычно скованность пропадает, появляются шутки, смех. Это снижает степень дискомфорта, который испытывают почти все. Большинство участников пытаются реализовать желание глубже проанализировать высказанные варианты, больше времени потратить на обсуждения. Напоминание преподавателя об ограничении по времени помогает столкнуться с привычной дискуссией и остаться в рамках методики ДМ.

По окончании работы над проектами все команды готовят презентации, в которых рассказывают, как они поэтапно пришли к своему решению. В САФУ такие презентации были открытыми, на них приглашались представители разных подразделений университета, связанные по роду своей деятельности с проблемами, ставшими темами проектов. Поскольку при-

глашенные не были знакомы с ДМ, то часть их отнеслась к результатам проектов скептически, посчитав, что предложенные решения продиктованы неосведомленностью и неопытностью студентов, незнанием стандартных процессов и методик, принятых в университете. На самом деле студенты в основном работали над проблемами, с которыми были знакомы в течение всего времени обучения и знали стандартные процедуры. Это показывает различие в мышлении и в готовности принять нестандартные решения у тех, кто погрузился в ДМ, и тех, кто с ним не знаком. Отношение обучающихся характеризует тот факт, что на вопрос, было ли в этих проектах что-то принципиально новое, они признали, что впервые делали проекты для реальных людей, а не просто по теме, выданной преподавателем. И такая мотивация является важным фактором, который способствует активному вовлечению в проектную деятельность и стимулирует потребность в освоении новых подходов.

Можно предположить, что при обучении подходу ДМ опытных сотрудников и руководителей как сложности, так и отношение к процессу и результатам будет другим. Методы ДМ были частью программы повышения квалификации сотрудников органов государственной власти, органов местного самоуправления и руководителей муниципальных организаций в г. Нарьян-Мар. На этапе формулирования проблем команды столкнулись с теми же трудностями выбора и формулирования проблемы, что и студенты. Опытные профессионалы заранее знали, что и как они будут проектировать, и на первый взгляд методы ДМ были им не нужны. Новых проблем они не видели. Преподавателем было предложено рассматривать задание как игру, чтобы снять противопоставление новых методов и их профессиональных компетенций. В результате обучающиеся стали активно формулировать проблемные темы, как связанные с их деятельностью, так и не связанные, но актуальные для них. Это были проблемы совершенствования социальных услуг, возможности в игровой форме привлечь школьников к здоровому образу жизни, новые формы взаимодействия муниципальных организаций. Для освоения нового подхода обучающиеся провели изучение отношения и опыта пользователей государственных и муниципальных услуг, которые были выбраны в качестве тем для проектов. Сами обучающиеся признали, что получили новые знания, новый опыт. Так, команда сотрудников пресс-службы Совета депутатов НАО сформулировала для себя задачу создать прототип нового информационного ресурса Совета, который был бы

привлекателен для молодежи. На первом этапе – этапе понимания – они с удивлением для себя обнаружили, что сайт Совета посещают только сотрудники Администрации НАО. В ходе работы над проектом они пришли к выводу, что для того чтобы информация органов власти доходила до молодых людей, следует использовать социальные сети. При презентации своего проекта сотрудники пресс-службы признались, что их начальник не согласится с этими предложениями, поскольку он сторонник традиционных методов.

Слушатели разного возраста и опыта с интересом вовлекаются в процесс ДМ. В том числе за счет того, что проектная работа предполагает практическую деятельность: общение с пользователями, «думание руками», создание прототипов, проведение тестирования. Участники получают также ценный опыт работы в такой команде. При этом появляется понимание реальной ценности продукта для пользователя, новый взгляд на то, как может быть получена информация для совершенствования решения.

Обсуждение и результаты

Дизайн-мышление – это совокупность методов работы дизайнеров, которые могут быть применены в любой области деятельности для создания инновационных решений. В отличие от традиционного учебного процесса, построенного на трансляции знаний и обучении методам поиска единственно правильного решения, ДМ формирует умение применять гибкий подход, основанный на генерировании новых идей и их тестировании. При этом ошибки считаются естественным шагом на пути к лучшему решению.

Процесс обучения методам ДМ может быть построен в разных форматах. Для быстрого погружения в методику могут применяться трехдневные курсы и даже однодневные мастер-классы продолжительностью 3–4 часа. Целью таких форматов являются формирование представления о креативных возможностях данного подхода и желание внедрить ДМ в своей работе. Более длительные программы предназначены для обучения профессионалов, которые смогут применять ДМ в своей деятельности, в том числе для обучения инструкторов по ДМ.

Согласно длительным наблюдениям, обучающиеся обычно проходят через следующие стадии: 1) замешательство и дискомфорт, поскольку ДМ – это новый способ работы для них, и в рамках первого проекта недостаточно времени на подготовку; 2) оптимизм, вера в себя и свои творческие способности, в то, что процесс может привести к новому и интересному решению;

3) ощущение сюрприза, удивление собственной способности добиться успеха, используя дизайнерское мышление [18].

Подтверждается общее наблюдение, что в ходе обучения по традиционной системе трансляции знаний от лектора к обучаемым и затем в ходе профессиональной деятельности накапливается много шаблонов и стандартных моделей поведения, методов принятия решений. Для формирования креативных навыков и нового отношения к ним в государственном и муниципальном управлении необходимо учитывать специфику управления в органах власти, которая характеризуется повышенными требованиями к формализации деловых процессов, методов и процессов принятия решений. К тому же нижестоящие уровни управления функционируют по правилам и шаблонам, которые разрабатывают и принимают вышестоящие уровни управления.

Эти наблюдения справедливы для участников с различным уровнем образования – старшеклассников, студентов бакалавриата и магистратуры, а также для опытных профессионалов. Для оценки целесообразности обучения ДМ студентов, изучающих менеджмент, а также профессиональных руководителей необходимо рассмотреть воздействие этого обучения на участников [18]. В длительных образовательных программах приобретаются более прочные и разнообразные навыки ДМ. В то же время даже краткосрочное обучение способствует изменению отношения людей к своим креативным возможностям, к тому, как они думают и действуют.

Технологическая революция привела к необходимости изменения традиционных подходов к управлению в бизнесе, органах власти и некоммерческом секторе. Она также диктует изменение перечня навыков, которыми должны обладать менеджеры различного уровня. В условиях динамично меняющейся внешней и внутренней среды менеджеры должны обладать навыками креативного мышления, готовностью к восприятию новых решений, способностью организовать работу мультидисциплинарной команды. В течение последних 15 лет компани-лидеры все шире применяют в своей практике методы дизайн-мышления. Обучение этим методам вошло в программы обучения университетов и школ бизнеса, поскольку оно способствует формированию навыков креативного мышления. Анализ опыта применения ДМ в учебном процессе российских вузов, а также в программах дополнительного образования подтверждает важность и актуальность обучения управленцев креативному мышлению.

Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Список литературы

1. The Future of Jobs Report 2018. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2018.pdf (дата обращения: 21.12.2018).
2. *Darbellay F., Moody Z., Lubart T.* (eds.). *Creativity, Design Thinking and Interdisciplinarity*. Springer, 2017. 214 p.
3. *Портер М., Ханнелманн Дж.* Революция в производстве // *Цифровизация производства* : сб. ст. Harvard Business Review – Россия, 2018. С. 1–16.
4. *Браун Т.* *Дизайн-мышление : от разработки новых продуктов до проектирования бизнес-моделей*. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2012. 175 с.
5. *Managing as Designing* / ed. by R. J. Boland, F. Collopy. Stanford, CA : Stanford University Press, 2004. 300 p.
6. *Dunne D., Martin R.* *Design Thinking and How It Will Change Management Education : An Interview and Discussion*. URL: https://www.researchgate.net/publication/267362301_Design_Thinking_and_How_It_Will_Change_Management_Education_An_Interview_and_Discussion (дата обращения: 11.12.2018).
7. *Plattner H., Meinel Ch., Leifer L.* (eds.). *Design Thinking Research. Building Innovators*. Springer, 2015. 286 p. DOI: 10.1007/978-3-319-06823-7
8. *Plattner H., Meinel Ch., Leifer L.* (eds.). *Design Thinking Research. Making Design Thinking Foundational*. Springer International Publishing Switzerland, 2016. 288 p. DOI: 10.1007/978-3-319-19641-1
9. *Plattner H., Meinel Ch., Leifer L.* *Design Thinking Research. Building Innovation Eco-Systems*. Springer, 2013. 252 p. DOI: 10.1007/978-3-319-01303-9
10. *Кутенева И., Журавлева Н.* *Дизайн-мышление. Думаем по-новому*. М. : Корпоративный университет Сбербанка, 2013. 203 с.
11. *Навигация на трех языках и корм для белок : что еще появилось в «Царицыне»* // Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/news/item/43068073/> (дата обращения: 11.12.2018).
12. *Digital Service Standard*. URL: <https://www.gov.uk/service-manual/service-standard> (дата обращения: 11.12.2018).
13. *Terrey N.* (2012). *Managing by Design*. PhD Thesis, Faculty of Business, Government & law, University of Canberra. URL: http://www.canberra.edu.au/researchrepository/file/5baa04d2-8ea7-a461-dcef-0351978a6b9b/1/full_text.pdf (дата обращения: 21.12.2018).
14. *Mootee I.* *Design Thinking for Strategic Innovation : What They Can't Teach You at Business or Design School*. Wiley, 2013. 224 p.
15. *Frisendal T.* *Design Thinking Business Analysis. Business Concept Mapping Applied*. Springer, 2012. 132 p. DOI: 10.1007/978-3-642-32844-2

16. Rudkin Ingle B. Design Thinking for Entrepreneurs and Small Businesses. Apress, 2013. 158 p.
17. Robinson K. RSA ANIMATE : Changing Education Paradigms // Youtube.com. Онлайн видео. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zDZFcDGpL4U> (дата обращения: 11.12.2018).
18. Royalty A., Ladenheim K., Roth B. Assessing the Development of Design Thinking : From Training to Organizational Application // Plattner H., Meinel Ch., Leifer L. Design Thinking Research. Building Innovators. Springer, 2015. P. 73–86. DOI: 10.1007/978-3-319-06823-7

Образец для цитирования:

Гусаков А. А. Формирование навыков дизайн-мышления у менеджеров в условиях четвертой промышленной революции // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 147–154. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-147-154>

The Formation of Design Thinking Skills Among Managers in the Fourth Industrial Revolution

A. A. Gusakov

Aleksandr A. Gusakov, <https://orcid.org/0000-0003-3143-5886>, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia, gusakov-aa@rudn.ru

Introduction. The fourth industrial revolution is changing the demands for knowledge and skills that managers at all levels in business, government and the non-profit sector must possess.

Theoretical analysis. Creative thinking, the ability to organize the generation of new ideas, as well as a systematic approach to solving complex problems are recognized as important. One of the approaches that is used for the formation of creative thinking is design thinking. This approach is currently used by leading companies and non-profit organizations to ensure competitive advantages. **Empirical analysis.** The article analyzes publications on the emergence and spread of design thinking, its role in the training programs for innovators at leading universities and business schools in the world. The author's experience on the application of this approach in the educational process of Russian universities and in continuing education is also analyzed.

Discussion and results. The analysis confirms the fact that learning design thinking contributes to the development of creative thinking, increases the students' confidence in their creative potential, forms skills in a multidisciplinary team. The conclusion is made about the importance and relevance of training managers to creative thinking.

Keywords: creative thinking, design thinking, management education, multidisciplinary approach.

Acknowledgements: The publication was prepared with the support of the RUDN University Program "5-100".

References

1. *The Future of Jobs. Report 2018.* Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2018.pdf (accessed 21 December 2018).
2. Darbellay F., Moody Z., Lubart T. (eds.) *Creativity, Design Thinking and Interdisciplinarity.* Springer, 2017. 214 p.
3. Porter M., Heppelman J. E. *How Smart, Connected Products Are Transforming Competition.* Harvard Business Rev. – Boston, 2014. Vol. 92, no. 11. Available at: <https://hbr.org/2014/11/how-smart-connected-products-are-transforming-competition> (accessed 21 December 2018). (Russ. ed.: Porter M., Hapelman J. Revoliutsiya v proizvodstve. In: *Tsifrovizatsiya proizvodstva.* Harvard Business Review – Russia, 2018, pp. 1–16).
4. Brown T. *Change by design.* New York, Harper Business, 2009. 272 p. (Russ. ed.: Brown T. *Dizain-myshlenie: ot razrabotki novykh produktov do proektirovaniya biznes-modelei.* Moscow, 2012. 175 p.).
5. *Managing as Designing.* Ed. by R. J. Boland, F. Collopy. Stanford, CA, Stanford University Press, 2004. 300 p.
6. Dunne D., Martin R. *Design Thinking and How It Will Change Management Education: An Interview and Discussion.* Available at: https://www.researchgate.net/publication/267362301_Design_Thinking_and_How_It_Will_Change_Management_Education_An_Interview_and_Discussion (accessed 11 December 2018).
7. Plattner H., Meinel Ch., Leifer L. (eds.). *Design Thinking Research. Building Innovators.* Springer, 2015. 286 p. DOI: 10.1007/978-3-319-06823-7
8. Plattner H., Meinel Ch., Leifer L. (eds.). *Design Thinking Research. Making Design Thinking Foundational.* Springer International Publishing Switzerland, 2016. 288 p. DOI: 10.1007/978-3-319-19641-1
9. Plattner H., Meinel Ch., Leifer L. (eds.). *Design Thinking Research. Building Innovation Eco-Systems.* Springer, 2013. 252 p. DOI: 10.1007/978-3-319-01303-9
10. Kuteneva I., Zhuravleva N. *Dizayn-myshlenie. Dumaem po-novomu* [Design Thinking. We Think in a New Way]. Moscow, Sberbank Corporate University, 2013. 203 p. (in Russian).
11. Navigatsiya na trekh yazykakh i korm dlya belok: chto esche poiavilos' v "Tsaritsyne" (Navigation in Three Languages and Feed for Squirrels: What Else Has Appeared in "Tsaritsyn"). *The official website of the Moscow Mayor.* Available at: <https://www.mos.ru/news/item/43068073/> (accessed 11 December 2018) (in Russian).
12. *Digital Service Standard.* Available at: <https://www.gov.uk/service-manual/service-standard> (accessed 11 December 2018).

13. Terrey N. (2012). *Managing by Design*. PhD Thesis, Faculty of Business, Government & law, University of Canberra. Available at: http://www.canberra.edu.au/researchrepository/file/5baa04d2-8ea7-a461-dcef-0351978a6b9b/1/full_text.pdf (accessed 21 December 2018).
14. Mootee I. *Design Thinking for Strategic Innovation: What They Can't Teach You at Business or Design School*. Wiley, 2013. 224 p.
15. Frisendal T. *Design Thinking Business Analysis. Business Concept Mapping Applied*. Springer, 2012. 132 p. DOI: 10.1007/978-3-642-32844-2
16. Rudkin Ingle B. *Design Thinking for Entrepreneurs and Small Businesses*. Apress, 2013. 158 p.
17. Robinson K. RSA ANIMATE: Changing Education Paradigms. *Youtube.com, online video*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=zDZFcdGpL4U> (accessed 11 December 2018).
18. Royalty A., Ladenheim K., Roth B. Assessing the Development of Design Thinking: From Training to Organizational Application. In: Plattner H., Meinel Ch., Leifer L. (eds.). *Design Thinking Research. Building Innovators*. Springer, 2015, pp. 73–86. DOI: 10.1007/978-3-319-06823-7

Cite this article as:

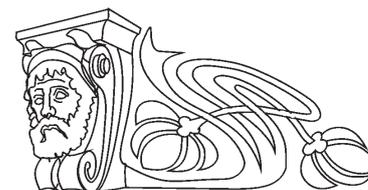
Gusakov A. A. The Formation of Design Thinking Skills Among Managers in the Fourth Industrial Revolution. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 147–154 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-147-154>

УДК 335.30.01

Повышение конкурентоспособности предприятий на основе выбора стратегических альтернатив развития

Ж. А. Мингалева, Ю. В. Старков, А. В. Тарасов

Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика и управление промышленным производством», Пермский национальный исследовательский политехнический университет, mingal1@pstu.ru

Старков Юрий Валентинович, кандидат экономических наук, доцент «Экономика и управление промышленным производством», Пермский национальный исследовательский политехнический университет, starkov@pstu.ru

Тарасов Александр Владимирович, магистрант кафедры «Экономика и управление промышленным производством», Пермский национальный исследовательский политехнический университет, taras94@mail.ru

Введение. Конкурентоспособность предприятия в целом всегда была и остается основным фактором его успешной деятельности и хорошей позиции на рынке. В условиях экономических санкций западных стран в отношении России, необходимости импортозамещения и модернизации отечественного производства возрастает значимость оценки текущей конкурентоспособности машиностроительных предприятий и создания механизма ее повышения. **Теоретический анализ.** Совершенствование механизма управления конкурентоспособностью машиностроительного предприятия опирается на выделение отраслевых особенностей машиностроения и особенностей рынка машиностроительной продукции, на интегрированный подход к оценке конкурентоспособности машиностроительного предприятия, включающий методику и матрицу анализа его стратегических альтернатив развития (матрица АСАР), разработанные на основе методического подхода SPASE-анализа. **Эмпирический анализ.** Для выявления стратегических альтернатив развития предприятия был применен факторный анализ, который позволил оценить силу взаимосвязи и взаимозависимости основных факторов развития в современных условиях международных экономических санкций, уточнить элементы системы управления конкурентоспособностью машиностроительного предприятия, определить стратегические альтернативы развития машиностроительного предприятия в современных условиях. На основе экспертной оценки 41 стратегической альтернативы проведена комплексная оценка конкурентоспособности машиностроительного предприятия. В качестве методов исследования применены метод сравнительного анализа, графический метод и такие традиционные методы оценки конкурентоспособности продукции, как SPACE-анализ и метод КФУ. **Результаты.** Представлены методика и результаты анализа текущей конкурентоспособности предприятия на основе построения матрицы стратегических альтернатив развития. Использование в практической деятельности предприятия рекомендаций по выбору стратегического направления конкурентной борьбы и

укрепления конкурентоспособности предприятия в целом позволит повысить его устойчивость к внешним потрясениям и воздействиям, обеспечит решение задач совершенствования бизнес-процессов.

Ключевые слова: конкурентоспособность, матрица АСАР, промышленное предприятие, многоугольник конкурентоспособности.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-155-164>

Введение

В условиях экономических и финансовых санкций закономерно возрастает острота конкурентной борьбы во всех сферах производства и бизнеса в целом. Важным становится не только и не столько конкурентоспособность отдельных видов продукции предприятия или бизнес-направлений, сколько конкурентоспособность предприятия в целом. Поэтому наряду с многочисленными исследованиями повышения продуктовой конкурентоспособности отечественных предприятий и ее комплексной оценки [1, 2] в современной научной литературе все больше встречается исследований, посвященных анализу конкурентоспособности предприятий как субъекта хозяйственной деятельности [3, 4], а также отраслевой конкурентоспособности, в том числе промышленности в целом [5].

Современные исследования еще раз доказывают, что для многопрофильного и многопродуктового предприятия недостаточно наличия в номенклатуре его продукции одного–двух высококонкурентных товаров [6, 7]. Для выживания, а главное, успешного развития предприятия необходимо поддержание и усиление его общей конкурентоспособности, складывающейся из целого комплекса более частных элементов. И если методики оценки конкурентоспособности отдельных видов продукции предприятия хорошо известны и широко апробированы, то его общая конкурентоспособность зависит от значительно большего числа факторов (которые, кроме того, сами постоянно изменяются), а это влияние более непредсказуемо и сложно [8, 9].

Наиболее распространенными для оценки конкурентоспособности предприятий в настоящее время являются матричные методы (модели),

которые позволяют широко применять методы стратегического планирования и маркетинга для оценки и прогнозирования развития отдельных сторон производства и сбыта [10]. Однако матричные методы не обеспечивают получения полной картины как текущей позиции предприятия на рынке, так и перспектив его развития. Кроме того, применение матричных методов связано с рядом трудностей, одна из которых заключается в правильности и точности определения границ и масштабов товарного рынка, в отношении которого проводится анализ [11]. Дополнительные сложности прогнозирования вызывают наличие многовариантности применения одного и того же продукта и необходимость оценивать разные продуктовые рынки. Наконец, еще одной проблемой в применении матричных методов является разноречивость оценки перспективности развития по критериям, применяемым в разных матрицах. Однако соединение матричных методов с другими методиками анализа и оценки позволяет более точно выявить закономерности в происходящих на предприятии процессах и, следовательно, сделать правильные расчеты по предприятию в целом [12, 13].

Теоретический анализ

Общий концептуальный подход к трактовке значимости процедуры оценки конкурентоспособности предприятия заключается в необходимости поиска недостатков в деятельности предприятия по сравнению с конкурентами и

выявления его преимуществ над конкурентами, в определении основных факторов, которые влияют на позицию предприятия на рынке и отношение к нему других субъектов рынка [14].

В качестве теоретической модели для проведения оценки конкурентоспособности предприятия использован подход Майкла Портера, выделившего в своих работах несколько основных видов конкурентных преимуществ (характеристик, создающих для организации нужное превосходство над своими прямыми конкурентами) [15, 16]. Эти конкурентные преимущества определяют в совокупности позицию предприятия в отрасли, регионе и стране. С учетом влияния современных факторов и появления новых считаем, что укрупненный перечень конкурентных преимуществ должен быть дополнен и может быть структурирован следующим образом (рис. 1).

На рис. 1 представлена система конкурентных преимуществ предприятия, которые могут быть более подробно охарактеризованы следующим образом.

1. Экономико-технологическая группа включает следующие конкурентные преимущества:

- конкурентные преимущества экономического характера (общеекономическое состояние рынка; факторы, обусловленные рыночными отношениями, стимулирующие спрос; потенциал предпринимательской структуры, уровень финансирования деятельности компании);
- конкурентные преимущества структурного характера (интеграция процессов производства,

Рис. 1. Группировка конкурентных преимуществ предприятия

Fig. 1. Enterprise's Competitive Advantages Grouping

реализации и послепродажного обслуживания продукции (ремонт, поставка запасных частей, оснастки и т.д.);

– конкурентные преимущества инфраструктурного характера (средства коммуникаций, структура и доступность ресурсов на рынках труда, капитала, технологий на территории как России, так и зарубежных стран, распространение организаций по оказанию консалтинговых, информационных, лизинговых и других услуг, развитие межфирменной кооперации и дистрибуторской сети и т.д.);

– конкурентные преимущества технического характера (технологические характеристики производства).

2. Политико-правовая группа включает:

– конкурентные преимущества нормативно-правового характера (политика руководства страны: различные льготы, субсидии, субвенции, платежи в сфере таможенной деятельности, права на интеллектуальную собственность, ноу-хау);

– конкурентные преимущества административного характера (наличие ограничений в осуществлении бизнес-деятельности, установленных со стороны органов государственной власти и управления, ограничения в получении патентов и лицензий, наличие системы квотирования поставок, сложный порядок регистрации организаций, препятствия в приобретении земельных участков и в аренде помещений и т.д.).

3. Общественно-социальная группа включает:

– конкурентные преимущества социального характера (система социальной поддержки работников предприятий, которая удерживает кадры на предприятии, политика социальной ответственности предприятий перед обществом и проч.);

– конкурентные преимущества демографического характера (структура населения по полу и возрасту, средний возраст дожития, количество детей в семьях и проч.);

– конкурентные преимущества природно-географического характера (протяженность территории, климатические условия, наличие уникальных природных объектов (месторождений полезных ископаемых) и т.д.).

Большинство концептуальных и методических подходов к оценке уровня конкурентоспособности предприятия трактует ее как способность предприятия в настоящем времени и в будущем (т. е. в контексте времени) удовлетворять потребности потребителей, удерживая при этом устойчивый уровень конкурентоспособности предприятия в целом путем поддержания

или усиления лидирующих позиций на рынке товаров и услуг (товарная конкурентоспособность), а также на рынке труда (привлечение лучших кадров в отрасли, регионе), на рынке капитала (привлечение инвестиций), на рынке поставщиков (налаживание партнерских отношений с лучшими компаниями). Поэтому часто конкурентоспособность предприятия оценивают по следующим позициям [17]:

– период времени (настоящий или будущий);

– заинтересованные субъекты (собственники и/или менеджеры организации, партнеры, покупатели, поставщики, органы власти и управления, население и общество в целом);

– результаты действий предприятия (увеличение доли рынка, рост объемов прибыли, повышение рыночной капитализации предприятия и др.);

– форма и сфера конкуренции (ценовая/неценовая; различные рынки: товаров и услуг, труда, капитала, поставщиков, природных ресурсов и т.п.).

Таким образом, конкурентоспособность предприятия в целом можно рассмотреть как совокупную характеристику, некую оценку разнообразных факторов, которая сочетает в себе множество показателей и определяет положение предприятия на рынке.

На основе традиционно применяемого в экономическом анализе методического подхода SPASE-анализа [18] применительно к анализируемому предприятию машиностроительной отрасли была разработана методика и матрица анализа стратегических альтернатив развития предприятия (матрица АСАР) с учетом его основных конкурентных преимуществ.

На основе анализа современных тенденций развития технологического уклада и представленной ранее группировки конкурентных преимуществ предприятий были выделены стратегические альтернативы, имеющие значение для перспектив развития предприятий в цифровой экономике. Выделенные стратегические альтернативы объединены в 4 базовые группы по источникам формирования направлений развития:

1) стратегические альтернативы, определяющие технологическое конкурентное преимущество предприятия (САТКП) (9 позиций);

2) стратегические альтернативы, определяющие финансовое положение предприятия (САФП) (7 позиций);

3) стратегические альтернативы, определяющие стабильность рыночной позиции (САСРП) (9 позиций);

4) стратегические альтернативы, определяющие промышленный потенциал предприятия (САПП) (6 позиций).

Отнесение тех или иных альтернатив (факторов развития) к конкретным группам стратегических альтернатив, определяющих конкурентное преимущество предприятия, объясняется их зависимостью от отраслевых и технологических особенностей деятельности предприятия. Например, показатель доли рынка, который традиционно относится к группе рыночных в классических экономических теориях, в теориях маркетинга, менеджмента и т.д., в настоящей оценке отнесен к технологическим, поскольку возможности предприятия на «захват» большей доли рынка (при наличии любых других факторов, «улучшающих» позицию предприятия по сравнению с конкурентами – разорение конкурентов, введение протекционистской политики государства, формирование особых настроений у покупателей и проч.) определяются в первую очередь его производственными мощностями, а именно – насколько предприятие может увеличить выпуск продукции на имеющихся

мощностях, чтобы занять свободную рыночную нишу или активизировать конкурентную борьбу с помощью других инструментов (например цена на продукцию). Поскольку стратегические возможности увеличения доли рынка у, например, авиастроительного предприятия иные, чем у туристической фирмы или предприятия в сфере производства пищевых продуктов, постольку этот показатель отнесен именно к технологически-отраслевой группе.

Аналогичная логика рассуждения применялась и в отношении других показателей (например, показателя качества продукции: на устаревшем и изношенном оборудовании, с сырьем низкого качества, при несоблюдении рабочими технологии изготовления продукции не обеспечить ее высокого качества). Таким образом, в нашем анализе качество продукции также принято к оценке как технологический фактор. Более подробно в настоящей статье на группировке альтернатив мы не останавливались. Подробный перечень выделенных нами в процессе исследования стратегических альтернатив с их компоновкой по группам оценки приведен в табл. 1.

Таблица 1/ Table 1

**Группировка стратегических альтернатив
Clustering of Competitive Advantages**

Группа	Стратегические альтернативы
Стратегические альтернативы, определяющие технологическое конкурентное преимущество предприятия (САТКП)	Доля рынка
	Качество продукта
	Широта номенклатуры
	Лояльность потребителей
	Уровень инновационного развития
	Использование производственных мощностей конкурентов
	Степень вертикальной интеграции
	Объем выпуска инновационной продукции
	Положение группы продукции в матрице МКП
Стратегические альтернативы, определяющие финансовое положение предприятия (САФП)	Прибыль на вложение
	Эффект финансового рычага
	Ликвидность
	Поток денежных средств
	Простота ухода с рынка
	Рискованность бизнеса
	Оборачиваемость запасов

Окончание табл. 1/End of table 1

Группа	Стратегические альтернативы
Стратегические альтернативы, определяющие стабильность рыночной позиции предприятия (САСРП)	Технологические изменения
	Темп инфляции
	Разброс цен конкурирующих продуктов
	Стабильность спроса
	Вероятность появления новых конкурентов
	Давление конкурентов
	Эластичность спроса по цене
	Тип рынка по виду конкуренции
	Зависимость от поставщиков
Стратегические альтернативы, определяющие промышленный потенциал предприятия (САПП)	Потенциал роста
	Потенциальная прибыльность
	Капиталоемкость
	Материалоотдача
	Фондоотдача
	Коэффициент обновления

Принятые для оценки и сгруппированные стратегические альтернативы были подвергнуты количественной оценке. Оценка проведена по состоянию на ноябрь 2018 г., т. е. были учтены последние тенденции мирового развития. На основе количественной оценки выделенных альтернатив была составлена матрица альтернатив, позволяющая наглядно отразить конкурентоспособность предприятия, и построен вектор его развития при реализации стратегии конкурентоспособности в рамках выбранных альтернатив.

Результаты

На основе принятого теоретического подхода к оценке конкурентоспособности предприятия в целом, анализа текущего положения предприятия в отрасли [19], отбора стратегических альтернатив развития предприятия и разработанной методики их анализа была проведена количественная оценка стратегических альтернатив развития предприятия, рассчитаны промежуточные показатели по группам и найдены точки для построения вектора развития.

Количественная оценка проводилась с помощью экспертных методов. Каждая из выде-

ленных альтернатив была оценена экспертами по 5-балльной шкале, где за 0 был принят самый плохой вариант оценки, а 5 соответствовала самому высокому баллу. В качестве экспертов выступали сотрудники различных служб предприятия, связанные как с конкретными областями его деятельности (например, служба маркетинга, специалисты финансово-экономической службы предприятия и т.д.), так специалисты, связанные с разработкой новой продукции и усовершенствованием существующей (инженеры КБ), а также специалисты лабораторий, осуществляющих контроль качества сырья и готовой продукции. Индивидуальные оценки по каждой стратегической альтернативе были усреднены, значения округлены до целого числа. Результаты оценки и расчет итоговых значений по группе стратегических альтернатив для построения графической модели матрицы стратегических альтернатив развития приведены в табл. 2.

После получения итоговых оценок по каждой из групп в рамках методического подхода SPASE-анализа была построена матрица анализа стратегических альтернатив развития машиностроительного предприятия (матрица АСАР) (рис. 2).

Таблица 2/Table 2

Оценка отдельных стратегических альтернатив и итоговые значения по группам*
An Evaluation of Strategic Alternatives and the Totals of Groups

Группа	Стратегические альтернативы	Значение
Группа САТКП	Доля рынка	4
	Качество продукта	4
	Широта номенклатуры	4
	Лояльность потребителей	4
	Уровень инновационного развития	2
	Использование производственных мощностей конкурентов	4
	Степень вертикальной интеграции	5
	Объем выпуска инновационной продукции	1
	Положение группы продукции в матрице МКП	4
Итоговое значение по группе	$САТКП = \frac{4+4+4+4+2+4+5+1+4}{9} - 6 = -2,44$	
Группа САФП	Прибыль на вложение	4
	Эффект финансового рычага	1
	Ликвидность	1
	Поток денежных средств	4
	Простота ухода с рынка	2
	Рискованность бизнеса	3
	Оборачиваемость запасов	3
Итоговое значение по группе	$САФП = \frac{4+1+1+4+2+3+3}{7} = 2,57$	
Группа САСРП	Технологические изменения	4
	Темп инфляции	2
	Разброс цен конкурирующих продуктов	4
	Стабильность спроса	4
	Вероятность появления новых конкурентов	4
	Давление конкурентов	3
	Эластичность спроса по цене	4
	Тип рынка по виду конкуренции	4
	Зависимость от поставщиков	5
Итоговое значение по группе	$САСРП = \frac{4+2+4+4+4+3+4+4+5}{9} - 6 = -2,22$	
Группа САПП	Потенциал роста	4
	Потенциальная прибыльность	5
	Капиталоемкость	2
	Материалоотдача	3
	Фондоотдача	4
	Коэффициент обновления	2
Итоговое значение по группе	$САПП = \frac{4+5+2+3+4+2}{6} = 3,33$	

Примечание. *Расчеты выполнены в процессе подготовки магистерской диссертации А. В. Тарасовым.

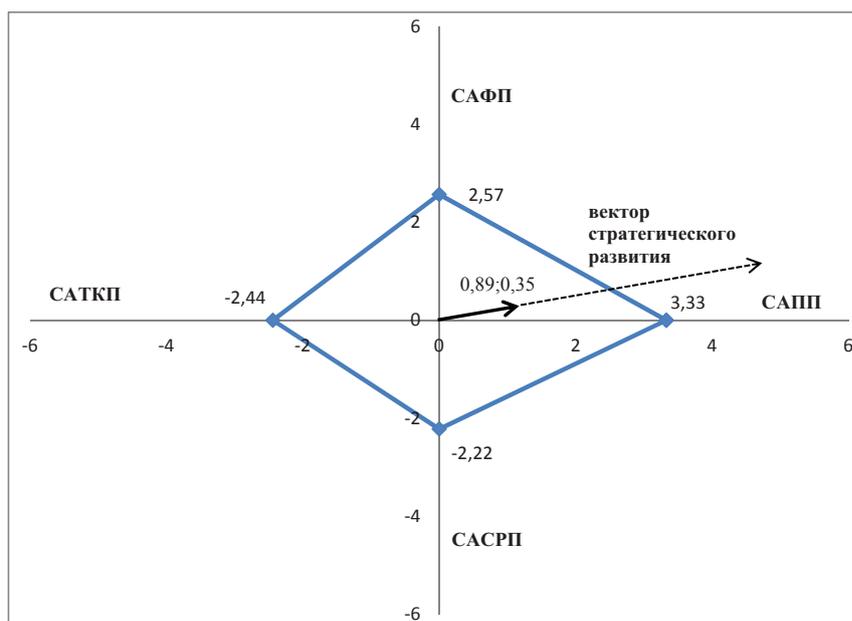

Рис. 2. Графическая интерпретация результатов матрицы ASAR
Fig. 2. Graphical Interpretation of ASAR Matrix Results

Как видно из данных рис. 2, «прямоугольник конкурентоспособности» предприятия достаточно ровный, основные элементы конкурентоспособности в целом распределены равномерно с небольшим усилением позиции по группе стратегических альтернатив, составляющих промышленный потенциал предприятия.

На основе проведенного анализа и итоговых оценок по каждой из групп стратегических альтернатив развития предприятия был построен вектор стратегического развития предприятия, также размещенный в плоскости и в системе координат рис. 2.

Начало вектора находится в точке начала координат (0;0).

Конец вектора для текущей ситуации расположен в точке с координатами:

$$X = \text{САПП} + \text{САТКП} = 3,33 + (-2,44) = 0,89;$$

$$Y = \text{САФП} + \text{САСРП} = 2,57 + (-2,22) = 0,35.$$

Продолжение вектора за конечную точку позволяет определить направления усилий в стратегическом планировании развития предприятия с точки зрения усиления его конкурентоспособности на товарных рынках и в целом, в соответствии с которыми должны быть разработаны основные мероприятия в рамках конкурентной стратегии предприятия.

Как видно из данных рис. 2, основные действия должны быть сосредоточены в блоках, определяющих рыночное конкурентное преимущество предприятия и промышленный его

потенциал. Именно здесь сосредоточены его наиболее сильные стороны при ведении конкурентной борьбы. Что касается выбора типа конкурентной стратегии, то в соответствии с методическим подходом SPASE-анализа полученный в результате анализа вектор располагается в квадранте, характеризующем агрессивную конкурентную стратегию, что в целом соответствует проводимой на предприятии конкурентной политике.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что решение актуальной задачи повышения конкурентоспособности отечественных предприятий, в том числе относящихся к машиностроительному комплексу, требует разработки и применения инструментария оценки и прогнозирования развития, адекватных сложившимся условиям мировой экономики и отраслевым особенностям функционирования предприятий. В таких условиях становится уже недостаточным проведение только анализа продуктовой конкурентоспособности, а требуется комплексный анализ конкурентоспособности предприятия в целом.

Если методики оценки конкурентоспособности отдельных видов продукции предприятий хорошо известны, широко применяются в практике анализа хозяйственной деятельности и стратегического управления, дают в целом надежную основу для принятия управленческих решений в области модернизации производства, развития

бизнес-процессов, обновления номенклатуры выпускаемой продукции, то вопросы управления общей конкурентоспособностью предприятия значительно сложнее. Конкурентоспособность предприятия в целом зависит от значительно большего числа факторов, чем отдельный продукт. Эти факторы постоянно изменяются, и часто весьма существенно. В результате влияние всего комплекса факторов на конкурентоспособность машиностроительного предприятия более непредсказуемо и сложно, что и было учтено в процессе исследования при разработке методики анализа стратегических альтернатив развития предприятия.

Преимуществами представленной методики являются, с одной стороны, ее универсальность, т.е. возможность применения для предприятий любой сферы деятельности и любого типа, а с другой стороны – ее четкая нацеленность на отраслевые особенности функционирования предприятия, возможность максимально полного учета отраслевой (секторальной) специфики производства и рынка. Это обеспечивает более полный и достоверный учет факторов внешней и внутренней среды функционирования предприятия, а следовательно, и лучший анализ ситуации, а также возможность построения более точного прогноза для принятия обоснованных управленческих решений в области стратегического планирования деятельности предприятия.

Благодарности

Исследование проведено на основе задания на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России ФГБОУ ВО ПНИПУ (тема «Устойчивое развитие урбанизированных территорий и улучшение среды обитания человека» № 26.6884.2017/8.9).

Список литературы

1. Гапоненко А. Л., Савельева М. В. Традиционные и новые факторы конкурентоспособности организаций // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 5. С. 117–124.
2. Мингалева Ж. А., Тарасов А. В., Ярушина А. А. Методика комплексного анализа продуктовой конкурентоспособности машиностроительного предприятия // Экономика : вчера, сегодня, завтра. 2018. № 12. С. 20–26.
3. Елизарова А. Г. Управление конкурентоспособностью промышленного предприятия // Молодой ученый. 2013. № 6 (53). С. 331–333.
4. Железковская О. С., Полякова А. В., Степаненко В. А. Пути и способы повышения конкурентоспособности предприятия // Символ науки. 2016. № 3. С. 64–66.
5. Повышение конкурентоспособности отечественной промышленности в условиях инновационного подъема / под науч. ред. Ю. А. Романовой. М. : Научный консультант, 2018. 310 с.
6. Воронов Д. С. Соотношение конкурентоспособности предприятия и конкурентоспособности его продукции // Современная конкуренция. 2015. № 1 (49). С. 39–53.
7. Решетов К. Ю. Инновационные модели технологического развития предпринимательских структур и их применимость к условиям современной России // Бизнес в законе. 2012. Вып. 6. С. 202–205.
8. Пleshкова Н. А. Управление конкурентоспособностью промышленного предприятия : подходы, проблемы, задачи // Управление экономическими системами : электронный научный журнал. 2014. № 10 (70). С. 40–45.
9. Решетов К. Ю. Принципы обеспечения конкурентоспособности предпринимательских структур на макро-, мезо- и микроуровнях // Бизнес в законе. 2012. Вып. 6. С. 213–216.
10. Беспалько В. А. Управление конкурентоспособностью промышленных предприятий на существующих и перспективных рынках сбыта промышленной продукции // Экономика и предпринимательство. 2014. № 4, ч. 1 (45-1). С. 611–617.
11. Тарасов А. В. Оценка конкурентоспособности ООО «Мотовилиха-гражданское машиностроение» // Вектор экономики. 2018. № 12. URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/12/economicsmanagement/Tarasov.pdf> (дата обращения: 13.12.2018).
12. Акифьева В. А., Батова Т. Н. Определение конкурентоспособности предприятия на основе приведения значений отдельных показателей к единой шкале измерения // Фундаментальные исследования. 2015. № 5 (ч. 2). С. 351–356.
13. Тиханов Е. А., Криворотов В. В., Ченур П. В. Анализ и систематизация методов оценки конкурентоспособности предприятия // Фундаментальные исследования. 2016. № 10. С. 647–651.
14. Белкин В. Н., Белкина Н. А., Владыкина Л. Б. Теоретические основы оценки конкурентоспособности предприятий // Экономика региона. 2015. № 1. С. 144–155.
15. Porter M. E. Competitive Strategy : Techniques for Analyzing Industries and Competitors. N. Y. : Free Press, 1980. 436 p.
16. Porter M. E. On Competition. Harvard Business School Pr; 1998. 485 p.
17. Долгов Д. И. Формирование стратегии повышения конкурентоспособности промышленной продукции // Экономический анализ : теория и практика. 2009. Т. 8, вып. 22. С. 42–46.
18. Миронов В. А., Губанова Е. В. Сущность метода SPACE // Научно-технический прогресс : актуальные и перспективные направления будущего : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. Т. II. Кемерово : ЗапСибНЦ, 2017. С. 207–209.
19. Мотовилихинские заводы : [сайт]. 2018. URL: <http://mz.perm.ru> (дата обращения: 19.11.2018).

Образец для цитирования:

Мингалева Ж. А., Старков Ю. В., Тарасов А. В. Повышение конкурентоспособности предприятий на основе выбора стратегических альтернатив развития // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 155–164. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-155-164>

Enterprises Competitiveness Improvement Based on the Choice of Strategic Development Alternatives

Zh. A. Mingaleva, Yu. V. Starkov, A. V. Tarasov

Zhanna A. Mingaleva, <https://orcid.org/0000-0001-7674-7846>, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Av., Perm 614990, Russia, mingal1@pstu.ru

Yurii V. Starkov, <https://orcid.org/0000-0002-4955-400X>, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Av., Perm 614990, Russia, starkov@pstu.ru

Alexander V. Tarasov, <https://orcid.org/0000-0002-3330-1219>, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Av., Perm 614990, Russia, taras94@mail.ru

Introduction. The competitiveness of the enterprise has been and remains the main factor of the enterprise's success and its good position in the market. The importance of assessing the competitiveness of machine-building enterprises and creating a mechanism to increase it is enhanced in the context of economic sanctions of Western countries against Russia, the need for import replacement and modernization of domestic production. **Theoretical analysis.** Improving the mechanism for managing the competitiveness of a machine-building enterprise includes highlighting the industry-specific features of machine-building as a branch of production and the features of the market for machine-building products. The research methodology is an integrated approach to assessing the competitiveness of a machine-building enterprise, including a methodology and a matrix for analyzing strategic alternatives for the development of a machine-building enterprise (ASAR matrix), developed on the basis of the SPASE-methodical approach. **Empirical analysis.** The factor analysis was used to identify strategic alternatives for the development of the enterprise. This made it possible to assess the strength of the relationship and interdependence of the main development factors in modern conditions of international economic sanctions, to clarify the elements of the competitiveness management system of a machine-building enterprise, to identify strategic alternatives to the development of a machine-building enterprise in modern conditions. A comprehensive assessment of the competitiveness of a machine-building enterprise was carried out on the basis of an expert assessment of 41 strategic alternatives. The method of comparative analysis, the graphic method and such traditional methods for assessing the competitiveness of products such as SPACE analysis and the KFU method are used as the main research methods. **Results.** The methodology and results of the analysis of the current competitiveness of an enterprise based on the construction of a matrix of strategic development alternatives are presented. The use of recommendations concerning the choice of a strategic direction of competitive struggle in the practical activity of an enterprise and strengthening the competitiveness of an enterprise as a whole will increase its resistance to external shocks and impacts and will ensure the solution of the tasks of improving business processes.

Keywords: competitiveness, ASAR matrix, industrial enterprise, competitiveness polygon.

Acknowledgements: *The study was conducted on the basis of the task to perform public works in the field of scientific activity within the framework of the basic part of the state task of the Ministry of Education and Science of Russia in PNRPU (theme "Sustainable development of urban areas and improvement of human habitat" No. 26.6884.2017/8.9).*

References

1. Gaponenko A. L., Savel'yeva M. V. Traditsionnyye i novye faktory konkurentosposobnosti organizatsiy [Traditional and New Factors of Organizational Competitiveness]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Problems of the Theory and Practice of Management], 2015, no. 5, pp. 117–124 (in Russian).
2. Mingaleva Zh. A., Tarasov A. V., Yarushina A. A. Methodology for a Comprehensive Analysis of the Product Competitiveness of a Machine-Building Enterprise. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 2018, no. 12, pp. 20–26 (in Russian).
3. Elizarova A. G. Upravlenie konkurentosposobnost'yu promyshlennogo predpriyatiya [Management of Competitiveness of an Industrial Enterprise]. *Young Scientist*, 2013, no. 6 (53), pp. 331–333 (in Russian).
4. Zhelezovskaya O. S., Polyakova A. V., Stepanenko V. A. Puti i sposoby povysheniya konkurentosposobnosti predpriyatiya [Ways and Ways to Increase the Competitiveness of an Enterprise]. *Symbol of Science*, 2016, no. 3, pp. 64–66 (in Russian).
5. *Povysheniye konkurentosposobnosti otechestvennoy promyshlennosti v usloviyakh innovatsionnogo pod'yema / pod nauch. red. Yu. A. Romanovoy* [Improving the Competitiveness of the Domestic Industry in Terms of Innovation. Sci. ed. by Yu. A. Romanova]. Moscow, Nauchnyi konsul'tant Publ., 2018. 310 p. (in Russian).
6. Voronov D. S. The Relationship between the Competitiveness of Enterprise and the Competitiveness of its Products. *Sovremennaya konkurentsia* [Modern Competition], 2015, no 1 (49), pp. 39–53 (in Russian).
7. Reshetov K. Yu. Innovative Models of Technological Development of Business Structures and their Applicability to the Conditions of Modern Russia. *Business in Law*, 2012, iss. 6, pp. 202–205 (in Russian).
8. Pleshkova N. A. Management of Competitiveness of Industrial Enterprise: Approaches, Problems, Tasks. *Management Economic Systems: Stientific Electronic Journal*, 2014, no. 10 (70), pp. 40–45 (in Russian).
9. Reshetov K. Yu. The Principles of Ensuring the Competitiveness of the Entrepreneurial Structures on the Macro-, Meso- and Micro-Levels]. *Business in Law*, 2012, iss. 6, pp. 213–216 (in Russian).

10. Bepal'ko V. A. Upravlenie konkurentosposobnost'u promyshlennykh predpriyatiy na suschestvuiuschikh i perspektivnykh rynkakh sbyta promyshlennoy produktcii [Management of Competitiveness of Industrial Enterprises on Existing and Prospective Industrial Sales Markets]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship], 2014, no. 4, pt. 1 (45), pp. 611–617 (in Russian).
11. Tarasov A. V. Assessment of Competitiveness of LLC Motovilikha-Civil Engineering. *Vektor ekonomiki* (Economy Vector), 2018, no. 12. Available at: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/12/economicsmanagement/Tarasov.pdf> (accessed 13 December 2018) (in Russian).
12. Akif'eva V. A., Batova T. N. Determination of Enterprise Competitiveness on the Basis of Bringing the Values of Individual Indicators to a Single Measurement Scale. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2015, no. 5 (pt. 2), pp. 351–356 (in Russian).
13. Tikhanov Ye. A., Krivorotov V. V., Chepur P. V. Analysis and Systematization of Enterprises Competitiveness Evaluation Methods. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2016, no. 10, pp. 647–651 (in Russian).
14. Belkin V. N., Belkina N. A., Vladykina L. B. Theoretical Basis of the Company Competitiveness Assessment. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2015, no 1, pp. 144–155 (in Russian).
15. Porter M. E. *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors*. New York, Free Press, 1980. 436 p.
16. Porter M. E. *On Competition*. Harvard Business School Pr., 1998. 485 p.
17. Dolgov D. I. *Formirovanie strategii povysheniya konkurentosposobnosti promyshlennoi produktcii* [Forming a Strategy for Improving the Competitiveness of Industrial Products]. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2009, vol. 8, iss. 22, pp. 42–46 (in Russian).
18. Mironov V. A., Gubanova E. V. Suschnost' metoda SPACE [The Essence of the SPACE Method]. *Nauchno-tekhnicheskiy progress: aktual'nye i perspektivnye napravleniya buduschego: sbornik materialov VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The Scientific and Technological Progress: The Current and Perspective Future Directions. Collection of Materials of VI Int. sci.-pract. conf. Vol. II]. Kemerovo, West-Siberian Center of Learning, 2017, pp. 207–209 (in Russian).
19. Motovolokha Plants. Site. 2018. Available at: <http://mz.perm.ru> (accessed 19 November 2018) (in Russian).

Cite this article as:

Mingaleva Zh. A., Starkov Yu. V., Tarasov A. V. Enterprises Competitiveness Improvement Based on the Choice of Strategic Development Alternatives. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 155–164 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-155-164>

УДК 338.242.2

Управление портфелем проектов и программ: современные требования

М. В. Евсева

Евсева Марина Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративной экономики и управления бизнесом, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, m.evseeva@inbox.ru

Введение. Современные условия функционирования компаний детерминируются рядом глобальных тенденций – изменением форматов ведения бизнеса под влиянием цифровизации и сетевизации экономики, повышением степени неопределенности окружающей среды за счет сокращения технологических циклов и изменения структуры транзакционных издержек. Это влечет за собой и изменение требований к управленческим технологиям – они должны отличаться гибкостью, адаптивностью, ресурсоэффективностью. **Теоретический анализ.** Методологической базой исследования явилась совокупность теорий инновационного менеджмента, портфельного и проектного менеджмента. Типология портфелей проектов представлена одиннадцатью типами портфелей. Модели управления портфелями проектов классифицируются на одно- и мультикритериальные. Отмечена ограниченность применения известных моделей управления портфелями по причине их низкой релевантности современным реалиям. **Эмпирический анализ.** В качестве основного метода исследования выступил анализ современных требований к функциональности системы управления портфелем проектов организации. **Результаты.** Выявлено, что основными требованиями к процессам управления портфелем проектов являются: учет сетевых эффектов от взаимовлияния проектов в портфеле, встраивание гибких технологий в процессе управления портфелем, совершенствование механизмов управления стейкхолдерами и рисками как возможностями и угрозами. Результаты, полученные в исследовании, могут быть использованы в практической деятельности по управлению портфелями проектов и программ организаций любых типов.

Ключевые слова: портфель проектов, стейкхолдер, сетевые структуры, модель управления портфелем, гибкие технологии.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-165-171>

Введение

В любой организации есть проекты вне зависимости от того, формализованы они или нет. В каждый момент времени может быть идентифицирован портфель проектов – вся совокупность проектов, программ и других активностей, находящихся на разных стадиях реализации и направленных на достижение операционных и стратегических целей организации. На ранних стадиях формализации проектного управления в организации регламентируются процессы управления отдельными проектами, как правило, по отдельным фазам их жизненного цикла. При увеличении количества проектов такое дис-

кретное управление приводит к проблемам несогласованности результатов проектов, ресурсным конфликтам, невозможности использования полного спектра выгод от реализации совокупности проектов, конфликтам интересов внутри организации. На этом этапе менеджмент организации, как правило, или разочаровывается в проектном управлении и отказывается от его дальнейшей практики, или приходит к пониманию необходимости управления всей совокупностью проектов и авторизует портфель проектов. Управление портфелем проектов и программ имеет несколько иную методологическую базу, чем управление отдельными проектами или программами. Это связано с проявлением эффектов взаимовлияния проектов и программ в портфеле, необходимостью распределения ограниченных ресурсов между компонентами портфеля, появлением расширенного круга заинтересованных сторон. Целью данной статьи является актуализация базовых требований к методологическому обеспечению управления портфелем проектов организации. Для достижения цели необходимо систематизировать существующую методическую базу управления портфелем проектов, выявить тенденции развития и провести оценку соответствия методов портфельного управления современным условиям функционирования организаций.

Теоретический анализ

В отличие от большинства экономических и управленческих понятий, терминологический аппарат управления портфелем проектов и программ можно считать в достаточной степени устоявшимся и единым. Возможно, это объясняется наличием большого числа национальных и международных стандартов в данной сфере управления. Мы будем придерживаться определений, данных в стандарте американского Института проектного менеджмента (PMI). Портфель – это совокупность проектов, программ и при необходимости других работ, сгруппированных для эффективного управления и достижения стратегических целей организации. Проект – временное предприятие для создания уникального продукта, услуги или получения заданного результата. Программа – группа взаимосвязанных проектов, управляемых скоординированно для получения преимуществ,

недостижимых при раздельном управлении [1]. Проекты, программы и отдельные работы, играющие, как правило, связующую роль, называются компонентами портфеля.

Типологические признаки, по которым проекты объединяются в портфель, приведены в табл. 1. Необходимо уточнить, что речь в данном случае

идет о субпортфелях – организационно обособленных группах проектов и программ, дифференцированных по тем или иным признакам. Данная дифференциация необходима для формирования пула ресурсов на отдельные субпортфели, приоритизации проектов в портфеле, балансировки проектов в портфеле по ресурсам и результатам.

Таблица 1/ Table 1

Типология портфелей организации [2, 3]
Organization's Portfolios Typology [2, 3]

Признак	Типы портфелей	Характеристики компонентов
Целевая ориентация	Целевые субпортфели	Под каждую цель в иерархии стратегических целей создается субпортфель
Степень соответствия стратегии	Нестратегический Слабый стратегический Среднестратегический Высокостратегический Сильный стратегический	Проекты ранжированы по степени соответствия стратегии
Способ наращивания активов	Органически ориентированный	Проекты органического роста (наращивание активов собственными силами)
	Экстернально ориентированный (развивающий и дополняющий)	Проекты экстернального роста (наращивание активов за счет слияний и поглощений, покупки недостающего актива)
	Интеграционно ориентированный	Проекты интеграционного роста (временное владение активами в рамках альянсов, сетевых структур)
Тип развивающей интеграции (роль в сетевой структуре)	Портфель-ядро (медиатор)	Проекты реализации основной технологии (идеи) сети
	Портфель-инфраструктура	Проекты, выполняющие обеспечивающую функцию в сети
Характер взаимозависимости проектов	Простой	Компоненты обособлены и не связаны
	Линейный	Цепочка проектов
	Сетевой	Несколько цепочек проектов, взаимодействующих через общие проекты
Вид деятельности организации	Инвестиционный	Инвестиционные проекты вне операционной деятельности
	Операционный	Проекты, встроенные в операционную деятельность
	Финансовый	Проекты финансовой деятельности компании
Фаза жизненного цикла компании	Портфель «выживания»	Проекты на стадии рождения
	Конкурентно-атакующий портфель	Проекты на стадии роста
	Портфель поддержания лидерства и совершенства	Проекты на стадии зрелости
	Портфель реструктуризации	Проекты на стадии упадка
Направленность проектов	Стратегический	Цепочка проектов, в которой каждый проект решает задачи, обеспечивающие движение к намеченной стратегической цели
	Организационный	Проекты создания новых структурных подразделений или объединения существующих
	Технологический	Проекты, связанные одной технологической цепочкой. Завершение одних проектов является условием начала других
	Рыночный	Проекты, создающие возможности увеличения и поддержания рыночной позиции компании. Проекты, влияющие на объемы продаж в рамках других проектов
	Инновационный	Проекты и программы НИОКР, проекты внедрения результатов НИОКР

Окончание табл. 1/End of table 1

Признак	Типы портфелей	Характеристики компонентов
Инновационная направленность	Портфель продуктовых инноваций Портфель процессных инноваций	Базовые, радикальные, улучшающие проекты. Проекты заимствованной или собственной разработки
Влияние на бизнес-структуру компании	Портфель развития действующего бизнеса	Проекты, обеспечивающие текущие бизнес-направления
	Портфель новых направлений	Проекты, направленные на освоение новых рынков
По уровню процессов	Создающие ценность	Проекты масштаба компании и стратегические проекты
	Операционные	Проекты, которые соответствуют основным потребностям функциональных отделов, приводящие к повышению эффективности работы компании
	Обеспечивающие соответствие	Проекты, которые необходимы для поддержания внутренних стандартов и нормативов, данные проекты являются обязательными

Управление портфелем – это централизованное управление одним или несколькими портфелями, включающее процессы идентификации, классифицирования, оценки, отбора, расстановки приоритетов, авторизации (разрешения начала), мониторинга и контроля выполнения проектов/программ, а также другую деятельность, связанную с портфелем [1].

Процессы управления портфелем проектов делятся на две большие группы: процессы выравнивания (или формирования) и процессы мониторинга.

Процессы выравнивания – идентификация, категоризация, оценка, отбор (селекция), приоритизация, балансировка и авторизация проектов. Задача процесса селекции проектов – формирование такого портфеля, который способен обеспечить достижение как тактических, так и стратегических целей организации при наименьших затратах. Балансирование портфеля – это достижение равновесия между краткосрочными и долгосрочными проектами, между рисками проектов и возможными доходами от их реализации.

Процессы мониторинга – контроль, оценка, пересмотр портфеля, стратегические изменения. Цель – анализ эффективности портфеля проектов и обоснование вариантов ее повышения. Принятие решений о введении в портфель новых проектов или о закрытии проектов, потерявших актуальность, неэффективных и убыточных проектов. Оценка взаимодействия проектов между собой с учетом изменяющихся внешних и внутренних условий.

Наибольшей проблематикой отличается группа процессов формирования портфелей проектов и программ. В более общем виде модели формирования портфелей систематизированы в работах А. А. Матвеева, В. М. Аньшина, А. В. Цветкова [2, 4].

Всю совокупность моделей можно условно разделить на две большие группы: однокритериальные и многокритериальные. Однокритериальные модели – это те, где отбор проектов в портфель осуществляется по одному критерию или свертке нескольких критериев в один интегральный на основе взвешенных оценок (рисунок).

Однокритериальные модели формирования портфеля проектов [4]
Single-Criterion Models of Project Portfolio Formation [4]

В качестве критериев отбора, а затем и анализа портфеля используются финансовые показатели проектов (NPV, PI), показатель ожидаемой коммерческой стоимости проектов портфеля, соотношение риск – доходность на основе теории Марковица.

Данные модели хорошо подходят для формирования портфелей инвестиционных проектов, реализуемых в условиях достаточной определенности.

Однако, как было показано выше, в портфель могут входить абсолютно разные по своей природе и по ожидаемым результатам проекты. Многообразие проектов современной организации не позволяет применять однокритериальные модели по причине их низкой способности формировать портфель, эффективный для реализации стратегии.

Мультикритериальные модели основаны на анализе детерминированного множества качественных или количественных показателей проектов, претендующих на включение в портфель.

Наиболее известной и применяемой не только в рамках управления портфелем проектов является модель «Stage-Gate» («Стадия-Проход») Роберта Купера. Данная модель адаптирована для инновационных проектов и позволяет анализировать про-

екты начиная с идеи и заканчивая коммерциализацией результатов. Суть модели заключается в том, что принятие решения о дальнейшей реализации проекта принимается дискретно по окончании каждой идентифицированной фазы жизненного цикла проекта [5]. Инструментарий этой модели, как правило, встроен в методическое обеспечение группы процессов мониторинга портфеля проектов и дает релевантные результаты не только для инновационных проектов. Использование модели позволяет на ранних стадиях прекращать реализацию проектов, для которых изменились условия реализации (например, значительно возросли риски, изменилась ресурсная нагрузка), утрачена актуальность либо в портфель включен проект, частично дублирующий результаты оцениваемого проекта. Критерии оценки проекта задаются набором параметров, отражающих специфику внутренней и внешней среды данного типа проекта, степень соответствия результатов проекта стратегическим задачам организации.

К многокритериальным также относится группа моделей математического программирования, в основе которой лежит бинарное (0–1) исчисление возможности включения проекта в портфель на основе экспертных и количественных оценок (табл. 2).

Таблица 2/Table 2

**Многокритериальные модели формирования портфеля проектов
Multi-Criteria Models of Project Portfolio Formation**

Название модели	Критерии	Ограничения
Модель Радулеску [4]	Минимизация риска/максимизация полезного результата	Используются экспертные оценки для определения полезности результатов проекта
Модель Бадри-Дэвиса [6]	Выгоды; затраты на программное обеспечение; затраты на персонал; прочие затраты по проекту; ограничения на обучение; ограничения на исполнение	Встроена функция оценки взаимозависимости проектов. Трудно применима при большом количестве проектов
Модель Дикинсона, Торнтона и Грэйва [7]	Ограничение на количество проектов (требование баланса); финансирование проекта; годовые издержки по привлечению капитала, на внедрение и поддержание проектов; вероятности успеха проекта; доход портфеля; стратегические цели	Целевой функцией модели является максимизация NPV портфеля проектов при условии ограничений по бюджету и сбалансированности портфеля. Слабо применима для проектов с высокой неопределенностью будущих денежных потоков
Модель Буркова и Джавахадзе [8]	Затраты, сроки и эффект (вклад в достижение целей)	Релевантные результаты показывает для программ. Для сильно гетерогенной совокупности проектов не применима

Необходимо указать, что все представленные модели разработаны достаточно давно. Более поздние разработки носят уточняющий характер. Ряд критериев, если не потеряли актуальности, то имеют недостаточную релевантность современ-

ным условиям реализации портфелей проектов. Алгоритмы применения моделей в ряде случаев вызывают затруднения из-за недостаточности, неоднозначности или динамического характера показателей по критериям отбора.

Эмпирический анализ

Выделим основные тенденции развития и требования к функциональности моделей управления портфелями проектов организации.

В условиях глобализации, цифровизации и сетевизации экономических взаимодействий ценность, создаваемая организацией, может формироваться не только внутри фирмы, но и снаружи – в рамках сетевой структуры. Актуализируются две базовых модели привлечения ресурсов: 1) ориентированная на приращение активов за счет приобретения их в собственность и 2) ориентированная на временное привлечение ресурсов, находящихся в сети или на рынке. В основе отличия данных моделей лежит выбор источника устойчивого конкурентного преимущества: за счет механизмов изоляции (принцип «никто не сможет этого повторить») или за счет способностей «собираения» ресурсов, не принадлежащих компании [9].

Ценность портфеля проектов организации определяется возможностью осуществлять деятельность, направленную на создание и развитие конкурентных преимуществ. Однако естественными ограничениями служат доступные предприятиям ресурсы. Кроме того, для высокотехнологичных отраслей характерна постоянно возрастающая сложность применяемых технологий, ограничивающая возможности предприятий для их самостоятельной разработки. В этих условиях важна роль процессов передачи технологий, позволяющих предприятиям приобретать технологии у их разработчиков [10]. Потребность и возможность получения знаний как внутри предприятия, так и из внешней среды [11] характеризует модель открытых инноваций Г. Чезбро. Модель предполагает получение новых знаний из внешней среды и акцентирует взаимодействие фирмы и потребителей на всех этапах создания продукта, что и является сутью сетевых отношений.

Соответственно, проекты интегрированного роста (см. табл. 1) приобретают значимость и требуют адаптации существующих или разработки новых моделей управления портфелем проектов организации. Границы проектов компании локализируются не только в ее внутренней среде. На практике это означает появление портфеля (в виде субпортфеля) внешних проектов – проектов, в которые компания может не только быть вовлечена как стейкхолдер второго порядка, но и выполнять роль медиатора или поставщика инфраструктуры.

Одним из следствий распространения сетевых структур является расширение круга стейкхолдеров организации и изменение структуры рисков.

Портфель проектов компании имеет свой специфический состав стейкхолдеров, условно разделенный на первичных и вторичных, и в общем случае представляющий собой свертку составов стейкхолдеров входящих в него проектов. К стейкхолдерам первого порядка (первичным) относят тех, кто непосредственно вовлечен в проект. Стейкхолдеры второго порядка (вторичные) не участвуют в проекте, но могут влиять на него или же испытывать влияние проекта (хода реализации или результатов) на себе. Задача руководителей проектов – выявление ключевых стейкхолдеров, которые могут оказать на проект наибольшее влияние, и управление их влиянием и/или ожиданиями [12].

В сетевой структуре, в отличие от линейно-интегрированной, потребители активно вовлечены в создание ценности, а изменения транслируются с большей скоростью. От скорости реакции компании на изменения зависит в конечном итоге ее положение и статус во всей сети, не ограниченный ближайшим окружением (например региональным рынком). Безусловно, это должно находить отражение и в практике управления портфелями проектов и программ.

В 2016 г. Р. Купером была представлена усовершенствованная модель управления инновационным процессом со встроенным механизмом ускоряющего подхода управления проектами Agile – «Agile-Stage-Gate». Отличительной особенностью модели является взаимодействие с заказчиками и пользователями на всех стадиях инновационного процесса [13]. Методологически данная модель требует незначительной адаптации для применения в качестве базовой модели управления портфелем проектов организации. В классическом определении Agile – это гибкий итеративно-инкрементальный подход к управлению проектами и продуктами, ориентированный на динамическое формирование требований и обеспечение их реализации в результате постоянного взаимодействия внутри самоорганизующихся рабочих групп, состоящих из специалистов различного профиля. Гибкий подход зачастую более эффективен при управлении проектами с высокой степенью неопределенности, постоянно меняющимися требованиями, в проектах, где основными триггерами изменений являются поведенческие мотивы. Согласно данному подходу проект разбивается не на последовательные фазы, а на маленькие подпроекты, которые затем «собираются» в готовый продукт [12].

Процесс управления портфелем проектов, базирующийся на методологии Agile, во многом является альтернативой использованию реальных опционов. Под реальными опционами при

управлении портфелем проектов понимается возможность изменить ход реализации проекта, когда условия оставшейся части проекта формируются дискретно в заранее установленных точках. Применение и методологии Agile, и реальных опционов призвано снизить риски реализации проектов.

Современные условия хозяйствования имеют чрезвычайно неоднородный и динамичный характер, что порождает высокую степень неопределенности. Именно неопределенность внешней среды порождает наибольшие риски для организаций. Окружение проектов складывается из условий внутренней среды компании с ее бизнес-процессами, стейкхолдерами и корпоративной культурой и факторов внешней среды организации. Поэтому при управлении проектами особое внимание уделяется управлению рисками проектов. Одна из задач управления портфелем – снизить риски каждого проекта за счет механизмов перераспределения рисков между проектами, их локализации или диссипации.

Хотя в стандартах по управлению портфелями и проектами указано, что рисками могут считаться не только угрозы получению результата проекта, но и возможности для улучшения либо экономии, в практике проектного и портфельного менеджмента до сих пор превалирует отношение к рискам как к угрозам. Но неопределенность является источником большого числа угроз и такого большого числа возможностей. Между тем упустить возможность – это тоже своего рода риск [14].

Результаты

Резюмируя, выделим современные требования к моделям управления портфелями проектов, учет которых необходим для разработки новых и адаптации существующих методик формирования и мониторинга портфеля проектов.

Во-первых – учет расширяющегося влияния сетевых структур, когда создаваемая в портфеле проектов ценность может находиться не только вне портфеля, но и вне организации.

Во-вторых, увеличение структуры и состава стейкхолдеров требует совершенствования алгоритмов управления их ожиданиями. Стейкхолдеры, наряду с неопределенностью внешней среды, требующий внимания источник рисков (возможностей и угроз) для компании.

В-третьих, управление рисками портфеля должно быть ориентировано в одинаковой степени и на использование возможностей, и на защиту от угроз.

Наконец, в-четвертых, формирование портфеля проектов должно базироваться на оценке

и моделировании сетевых эффектов, возникающих от взаимовлияния проектов.

Именно эти направления, можно предположить, акцентируют на себе внимание исследователей в данной сфере в ближайшей перспективе.

Список литературы

1. A Guide to The Project Management Body of Knowledge. URL: http://fbs.dinus.edu/repository/docs/ajar/PMBOKGuide_5th_Ed.pdf (дата обращения: 12.01.2019).
2. Аньшин В. М., Демкин И. В., Никонов И. М., Царьков И. Н. Модели управления портфелем проектов в условиях неопределенности. М. : ИЦ МАТИ, 2007. 117 с.
3. Кендалл Д. И., Роллинз С. К. Современные методы управления портфелями проектов и офис управления проектами : Максимизация ROI : пер. с англ. М. : ПМСОФТ, 2004. 338 с.
4. Матвеев А. А., Новиков Д. А., Цветков А. В. Модели и методы управления портфелями проектов. М. : ПМСОФТ, 2005. 206 с.
5. Cooper R. G. Perspective : The Stage-Gate Idea to Launch Process – Update, What’s new and NexGen Systems. URL: https://www.stage-gate.net/downloads/wp/wp_30.pdf (дата обращения: 12.01.2019).
6. Badri M., Devis D. A Comprehensive 0-1 Goal Programming Model for Project Selection // International Journal of Project Management. 2001. № 19. P. 487–499.
7. Dickinson M., Thornton A., Graves S. Technology Portfolio Management : Optimizing Interdependent Projects Over Multiple Time Periods // IEEE Transactions on Engineering Management. 2001. № 4 (48). P. 245–261.
8. Бурков В. Н., Джавахадзе Г. С. Экономико-математические модели управления развитием отраслевого производства. М. : ИПУ РАН, 1997. 64 с.
9. Орехова С. В., Леготин Ф. Я. Механизмы инвестирования в ресурсы предприятия : обоснование выбора и российская специфика // Изв. УрГЭУ. 2016. № 1 (63). С. 80–89.
10. Ренешко Н. А. Принципы формирования портфеля инновационных проектов организации // Вестн. Брянск. госун-та. 2013. № 3. С. 232–237.
11. Chesbrough H. Open Innovation. The New Imperative for Creating and Profiting from Technology. Brighton (MA) : Harvard Business Press, 2003. 227 p.
12. Ткаченко И. Н., Сивокос К. К. Использование гибких технологий Agile и Scrum для управления стейкхолдерами проектов // Управленец. 2017. № 4 (68). С. 85–95.
13. Vedsmand T., Kielgast S., Cooper R. G. Integrating Agile with StageGate – How New Agile-Scrum Methods Lead to Faster and Better Innovation. URL: <https://www.innovationmanagement.se/2016/08/09/integrating-agile-withstage-gate/> (дата обращения: 12.01.2019).
14. Корнеев Д. В. Креативный подход к рискам как фактору предпринимательской активности интегрированных структур // Изв. УрГЭУ. 2016. № 4 (66). С. 126–136.

Образец для цитирования:

Евсева М. В. Управление портфелем проектов и программ: современные требования // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 165–171. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-165-171>

Projects and Programs Portfolio Management: Modern Requirements

M. V. Evseeva

Marina V. Evseeva, <https://orcid.org/0000-0003-1163-612>, Ural State University of Economics, 62, 8 Marta St., Yekaterinburg 620144, Russia, m.evseeva@inbox.ru

Introduction. Modern operating conditions of companies are determined by a number of global trends, such as changes in the format of doing business under the influence of digitalization and network economy, increasing the degree of environmental uncertainty due to the reduction of technological cycles and changes in the structure of transaction costs. This entails a change in the requirements for management technologies – they must be distinguished by flexibility, adaptability, and resource efficiency. **Theoretical analysis.** The methodological basis of the study was a set of theories concerning innovation management, portfolio and project management. The typology of project portfolios is represented by eleven types of portfolios. Project portfolio management models are classified by single and multi-criteria. The limitations of the well-known models of portfolio management application due to their low relevance to modern realities are noted. **Empirical analysis.** The main analysis method was a theoretical analysis of modern requirements for the functionality of the organization's project management system. **Results.** It was revealed that the main requirements are to take into account the network effects of the mutual influence of projects in the portfolio, embed flexible technologies in the portfolio management process, and improve mechanisms for managing stakeholder and risks, as opportunities and threats. The obtained results can be used in practical work on projects and programs portfolios managing in any type of organizations.

Keywords: project portfolio, stakeholder, network structures, portfolio management model, flexible technologies.

References

1. *A Guide to The Project Management Body of Knowledge*. Available at: http://fbs.dinus.edu/repository/docs/ajar/PMBOKGuide_5th_Ed.pdf (accessed 12 January 2019).
2. An'shin V. M., Demkin I. V., Nikonov I. M., Tzar'kov I. N. *Modeli upravleniya portfelem proektov v usloviyakh neopredelennosti* [Project Portfolio Management Models in the Face of Uncertainty]. Moscow, Izdatel'skiy tsentr MATI, 2007. 117 p. (in Russian).
3. Kendall D. I., Rollinz S. K. *Sovremennye metody upravleniya portfeliami proektov i ofis upravleniya proektam: ROI maksimozatsiya* [Modern Methods of Project Portfolio Management and Project Management Office: ROI Maximization. Transl. from Engl. Moscow, PMSOFT, 2004. 338 p. (in Russian).
4. Matveev A. A., Novikov D. A., Cvetkov A. V. *Modeli i metody upravleniya portfeiyami proektov* [Models and Methods of Project Portfolio Management]. Moscow, PMSOFT, 2005. 206 p. (in Russian).
5. Cooper R. G. *Perspective: The Stage-Gate Idea to Launch Process – Update, What's new and NexGen Systems*. Available at: https://www.stage-gate.net/downloads/wp/wp_30.pdf (accessed 12 January 2019).
6. Badri M., Devis D. A Comprehensive 0-1 Goal Programming Model for Project Selection. *International Journal of Project Management*, 2001, no. 19, pp. 487–499.
7. Dickinson M., Thornton A., Graves S. Technology Portfolio Management: Optimizing Interdependent Projects Over Multiple Time Periods. *IEEE Transactions on Engineering Management*, 2001, no. 4 (48), pp. 245–261.
8. Burkov V. N., Dzhavahadze G. S. *Ekonomiko-matematicheskie modeli upravleniya razvitiem otraslevogo proizvodstva* [Economic and Mathematical Models for Managing the Development of Industry Production]. Moscow, IPU RAN, 1997. 64 p. (in Russian).
9. Orehova S. V., Legotin F. Ya. *Mekhanizmy investirovaniya v resursy predpriyatiya: obosnovanie vybora i rossiiskaia spetsifika* [Mechanisms for Investing in Enterprise Resources: The Rationale for the Choice and the Russian Specifics]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Journal of the Ural State University of Economics], 2016, no. 1 (63), pp. 80–89 (in Russian).
10. Repeshko N. A. The Principles of Formation of Enterprise Innovative Projects Portfolio Forming. *Vestnik Bryanskogo gosuniversiteta* [The Bryansk State University Herald], 2013, no. 3, pp. 232–237 (in Russian).
11. Chesbrough H. *Open Innovation. The New Imperative for Creating and Profiting from Technology*. Brighton (MA), Harvard Business Press, 2003. 227 p.
12. Tkachenko I. N., Sivokoz K. K. Using Flexible Technologies Agile and Scrum for Managing Project Stakeholders]. *Upravlenets* [The Manager], 2017, no. 4 (68), pp. 85–95 (in Russian).
13. Vedsmand T., Kielgast S., Cooper R. G. *Integrating Agile with StageGate – How New Agile-Scrum Methods Lead to Faster and Better Innovation*. Available at: <https://www.innovationmanagement.se/2016/08/09/integrating-agile-withstage-gate/> (accessed 12 January 2019).
14. Korneev D. V. Kreativnyi podhod k riskam kak faktor predprinimatel'skoi aktivnosti integrirovannykh struktur [Creative Approach to Risks as a Factor of Entrepreneurial Activity of Integrated Structures]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Journal of the Ural State University of Economics], 2016, no. 4 (66), pp. 126–136 (in Russian).

Cite this article as:

Evseeva M. V. Projects and Programs Portfolio Management: Modern Requirements. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 165–171 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-165-171>

УДК 330.4:004

Математические методы и инструментальные средства отраслевой идентификации предприятий и организаций по видам экономической деятельности

А. О. Алексеев, И. Е. Алексеева, А. Р. Носкова, В. В. Кылосова, А. И. Князева

Алексеев Александр Олегович, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Строительный инжиниринг и материаловедение», Пермский национальный исследовательский политехнический университет, alexseev@cems.pstu.ru

Алексеева Ирина Евгеньевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Строительный инжиниринг и материаловедение», Пермский национальный исследовательский политехнический университет, alexseeva@cems.pstu.ru

Носкова Александра Романовна, студентка, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, noskovaalexandra95@gmail.com

Кылосова Виктория Викторовна, студентка, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, kylosova1195@mail.ru

Князева Алена Игоревна, студентка, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, ai_knyazeva@mail.ru

Введение. Рассматривается задача отраслевой идентификации предприятий и организаций по видам экономической деятельности, под которой понимается следующее – по бухгалтерскому балансу или иной финансовой отчетности предприятия определить его основной вид деятельности и отраслевую принадлежность. **Теоретический анализ.** Отраслевая идентификация востребована в шести выделенных авторами направлениях: проверка контрагентов (поставщиков и подрядчиков), проверка противоречивых статистических данных, финансовый анализ, прогнозирование банкротства, оценка стоимости бизнеса и определение стадии жизненного цикла. **Эмпирический анализ.** Все необходимые вычисления и математическое моделирование выполнены в универсальной когнитивной аналитической системе «Эйдос». Выявлено, что по структуре баланса, приведенной к удельному виду, удается идентифицировать отраслевую принадлежность предприятий и организаций с достоверностью 83%, а также определить вероятность банкротства с достоверностью 90%. Зная наиболее характерные статьи баланса, удается идентифицировать отраслевые коэффициенты для оценки бизнеса. **Результаты.** Показаны диапазоны статей бухгалтерского баланса, характерные для строительных компаний, а также характерные диапазоны статей бухгалтерского баланса как для несостоятельных, так и финансово устойчивых предприятий строительной отрасли. Приведено уравнение регрессии для оценки стоимости бизнеса строительных предприятий, которое может использоваться как метод отраслевых коэффициентов для экспресс-оценки.

Ключевые слова: финансовая отчетность, отраслевая специфика, банкротство, оценка бизнеса, идентификация, системно-когнитивный анализ.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-172-180>

Введение

Современные экономические отношения имеют высокую степень неопределенности и риска. Каждый субъект данных отношений при реализации деятельности должен оценивать возможные риски проведения тех или иных операций и процессов. При этом необходимо внимательно относиться к подбору контрагентов, в том числе проводя анализ их финансового состояния.

Предполагается, что специфика деятельности предприятий отражается на структуре их финансовой отчетности. Например, предприятия строительной отрасли, как правило, обладают высокой долей дебиторской и кредиторской задолженностей в период активного ведения работ по проектам, имеют в собственности основные средства и обладают запасами, представленными материалами, для возможности выполнения работ.

В работе использованы методы системно-когнитивного анализа [1], позволившие выявить особенности финансовой отчетности, а в частности, особенности бухгалтерского баланса, предприятий определенных отраслей экономики. Все расчеты производились в универсальной компьютерной программе «Эйдос», созданной профессором Кубанского государственного аграрного университета Е. В. Луценко, а также созданных авторами специальных программ на базе электронных таблиц MS Excel.

Исследование проведено на основе данных финансовой отчетности выборки отечественных предприятий, относящихся к строительной отрасли, отрасли сельского хозяйства, отрасли информационных технологий, химической отрасли, отрасли добычи полезных ископаемых.

Идентификация предприятий относительно отраслей на основе их бухгалтерского баланса позволит решить ряд задач в области анализа и управления рисками, что определяет практическую значимость исследования.

Теоретический анализ

Авторами рассмотрены шесть приложений задачи идентификации отрасли предприятий на основе анализа годовой бухгалтерской отчетности (табл. 1). Все приложения напрямую связаны с анализом и оценкой рисков.

Таблица 1/ Table 1

Приложения задачи идентификации предприятий и организаций по видам экономической деятельности
Applications for the Identification of Enterprises and Organizations by Types of Economic Activity

Приложение задачи идентификации	Неопределенность и риски	Заинтересованные лица
Проверка контрагентов на предмет выявления их основного вида экономической деятельности	Заключение контрактов с поставщиками и подрядчиками, не имеющими компетенций в области контракта, в том числе случаи заключения контрактов с «подставными» компаниями	Заказчики товаров, работ или услуг
	Финансирование компаний, осуществляющих реализацию проектов, которые не характерны их деятельности	Кредитные организации, инвестиционные компании, частные инвесторы
Проверка противоречивых данных	Выработка неэффективных мероприятий и программ по поддержке отраслевых компаний. Безадресная поддержка компаний	Органы государственной власти, государственные органы учета статистики, налоговые органы
Финансовый анализ с учетом отраслевой специфики	Финансово устойчивая компания может быть неверно отнесена к категории неустойчивых или наоборот	Кредитные организации, инвестиционные компании, частные инвесторы
Прогнозирование банкротства с учетом отраслевой специфики	Банкротство подрядчика и срыв сроков реализации проектов	Заказчики работ
	Выдача займов и кредитов компаниям с высоким риском банкротства	Кредитные организации, инвестиционные компании, частные инвесторы
	Ошибочное введение особых процедур банкротства для предприятий, в отношении которых это предусмотрено законодательством, например для сельскохозяйственных предприятий	Акционеры, кредитные организации, инвестиционные компании, частные инвесторы
Оценка стоимости бизнеса с учетом отраслевой специфики	Стоимость компании может быть недооценена или переоценена	Акционеры, инвестиционные компании
Определение стадии жизненного цикла	Компания может обладать угрозами, характерными для определенной стадии жизненного цикла	Акционеры, инвестиционные компании, венчурные компании

Поясним каждое из приложений более подробно [2].

Проверка поставщиков и подрядчиков с целью определения их экономической деятельности

Выбор новых поставщиков и контрагентов предполагает наличие риска, связанного с неопределенностью их поведения. Риски, связанные с подрядчиками, заключаются в возможной задержке графика по выполнению работ, перерасходу бюджета, в невыполнении подрядчиками принятых на себя обязательств по договору и др.

Риски возрастают в разы в случае оппортунистического поведения контрагента, выражающемся в осознанном стремлении контрагента к срыву поставок, поставке товара ненадлежащего качества и др. В этом случае возрастают затраты на борьбу с оппортунистическим поведением, например, усиливаются надзор и контроль качества, судебные издержки и др. Не исключен случай использования так называемых подставных компаний, которые используются исключительно для заключения контракта.

Деятельность по минимизации этих рисков включает в себя подробную проверку подрядчика, в частности, проверку на наличие опыта в реализации аналогичных проектов и репутацию в данной области. На основе анализа финансовой документации авторами предлагается предварительная оценка контрагента, цель которой – установление основного вида экономической деятельности поставщика. Известны случаи, когда подавляющую часть прибыли торговой компании составляют прочие доходы, например от вложений в другие компании. Предварительная оценка потенциальных партнеров, исходя из особенностей функционирования предприятий конкретной отрасли, позволяет сокращать список потенциальных контрагентов, тем самым уменьшая транзакционные издержки.

Противоречивые статистические данные

Сведения о предприятиях, собираемые органами статистики и узкоспециализированными организациями, такими как саморегулируемые организации, могут существенно отличаться

в силу различия барьеров входа и специфики деятельности предприятий, что приводит к искажению информации при выработке органами государственной власти мероприятий и программ по поддержке отраслевых компаний.

Например, в России зарегистрировано более 102 тысяч юридических лиц, которые согласно ОКВЭД в Уставе указали 45 класс «Строительства», т.е. занимаются строительством зданий и сооружений, монтажом и обслуживанием специального оборудования, инженерных сетей. Причем из этих предприятий членство в строительных саморегулируемых организациях имеют только около 37 191, а членами саморегулируемых организаций в области изысканий и проектирования является 10 291 (по состоянию на 1 ноября 2018 г.) предприятие. Другими словами, почти каждое второе предприятие, которое декларирует строительную деятельность, не занимается этим видом деятельности.

Существенное различие в статистических данных может привести, например, к безадресной поддержке и, как следствие, неэффективному расходованию бюджетных средств или к сокращению программ поддержки, в то время как они действительно необходимы хозяйствующим субъектам.

Финансовый анализ

Традиционные методы финансового анализа, которые игнорируют отраслевую специфику, способны приводить к ситуации, когда финансово устойчивая компания может быть неверно отнесена к категории неустойчивых или наоборот. Это может сказаться на выдаче кредитов по более высоким процентным ставкам или вовсе на отказе в финансировании, что потенциально приведет к упущенной выгоде со стороны кредитной организации и ухудшению экономической деятельности потенциального заемщика. В противном случае кредитный риск заемщика может быть недооценен и приведет к возможным потерям, связанным с обслуживанием долга, реализацией прав требования и т.д.

Минимизация рисков заключается в выявлении наиболее характерных финансовых коэффициентов, которые соответствуют специфике конкретной отрасли и рассчитаны с учетом национальной экономики и уровня ее развития.

Например, подавляющее большинство предприятий строительной отрасли, которые успешно работают достаточно долгое время на российском рынке, не попадают в рекомендуемые значения по коэффициентам ликвидности и автономии, поскольку для этих предприятий характерна высокая доля дебиторской и кредиторской задолженности.

Прогнозирование банкротства с учетом отраслевой специфики

Традиционные модели оценки вероятности банкротства – модели Альтмана, Таффлера, Фулмера, Спрингейта, Фишера, Конана и другие, с одной стороны, носят безотраслевой характер, с другой, построены на данных компаний, осуществляющих деятельность в странах с развитой экономикой. Вследствие этого прогностическая способность моделей снижается в случае их применения относительно предприятий конкретной отрасли некоторой национальной экономики.

Например, в России наиболее негативной динамикой числа случаев банкротства предприятий среди прочих отраслей обладает строительство. По итогам 2017 г. показатель достиг своего исторического максимума – 2801 предприятие. По итогам трех кварталов 2018 г. банкротами признаны 1973 строительных предприятия. Кроме того, если в 2007 г. доля строительных предприятий в общем числе банкротов составляла 8%, то в 2018 г. она выросла до 21%.

Авторы выполнили исследование прогностических свойств традиционных моделей применительно к российским строительным предприятиям [3] и показали, что модель Спрингейта правильно определяет финансовое положение только 67% предприятий из совокупной выборки, прочие модели, вошедшие в исследование, в том числе современные разработки отечественных ученых Савицкой, Зайцевой, Беляковой и Давыдовой, Федорова и Тимофеева, обладают еще более низкой прогностической способностью. В связи с этим авторы разработали модель прогнозирования банкротства с использованием когнитивно-аналитической системы «Эйдос», прогностическая способность которой составляет 90% [4].

Оценка стоимости бизнеса

Оценка стоимости бизнеса востребована во многих прикладных задачах помимо представления акционерам и менеджменту компании сведений о стоимости их компании или пакета акций, например, управление портфелем акций, слияния и поглощения и др.

Риск оценки бизнеса без учета отраслевых особенностей заключается в том, что стоимость компании может быть недооценена или переоценена, что способно привести к неадекватным управленческим решениям. Данный риск характерен, прежде всего, странам с развивающимися экономиками, в том числе и России. Проблема заключается в том, что отраслевые коэффициенты требуют постоянного обновления, и один из методов сравнительного подхода – метод отраслевых коэффициентов – не находит применения на практике.

Авторы видят снижение этого риска в идентификации наиболее характерных статей бухгалтерского баланса для отраслевых предприятий и установлении новых мультипликаторов или построении регрессионного уравнения между показателями баланса и стоимостью компании/стоимостью акций.

Определение фазы жизненного цикла предприятий

Широко известно, что на разных стадиях развития компания может обладать специфическими угрозами [5].

Рассчитанные с учетом специфики отрасли финансовые коэффициенты позволяют оценить текущее состояние компании относительно фазы жизненного цикла, что может найти отражение при использовании матрицы бостонской консалтинговой группы [6, 7], улитки инноваций [8], и в перспективе возможно будет определить, какие меры необходимо принимать для повышения эффективности деятельности компании.

По результатам обзора публикаций и исследований авторами не найдено предлагаемых приложений, основанных на анализе отраслевых особенностей бухгалтерской отчетности, естественно, за исключением финансового анализа и прогнозирования банкротства. Однако, несмотря на попытки других исследователей построить отраслевые модели, в том числе учитывающие особенности национальных экономик (например, [9, 10]), авторами предлагается использовать единый методологический инструментарий для решения всех приложений – универсальную когнитивную систему «Эйдос» [1].

Эмпирический анализ

Исследование проведено на основе методов системно-когнитивного анализа [1] (табл. 2),

которые базируются на теории информации и предназначены для устранения неопределенности состояния изучаемого объекта и/или определения информационной важности признаков идентифицируемого объекта с целью отнесения его к тому или иному классу на основе частоты проявления признаков в классах. Данные методы в общем случае являются абстрактными и могут использоваться для исследования самых различных предметных областей. В связи с этим поясним, что подразумевается под объектами, признаками и классами. Во всех приложениях под объектами понимаются предприятия, под признаками – относительные значения статей баланса. Классы объектов означают наименование отрасли для проверки поставщиков и подрядчиков (первое приложение), обработки противоречивых данных (второе приложение) и оценки бизнеса (пятое приложение). В задачах финансового анализа (третье приложение) и прогнозирования банкротства (четвертое приложение) классы объектов означают финансовую стабильность и нестабильность (банкротство) компании. В последнем приложении классы объектов означают стадию жизненного цикла.

Стоит отметить, что авторы использовали в качестве исходных данных бухгалтерскую отчетность российских компаний, составляющую по российским правилам бухгалтерского учета, которые, несмотря на попытки сблизить их с международными стандартами финансовой отчетности – МСФО (IAS), все же отличаются [11]. Это обстоятельство накладывает ограничение на область применения текущих результатов в международной практике. Однако мы стремились показать именно новые возможности анализа бухгалтерской отчетности с учетом отраслевых особенностей с помощью математических методов и инструментальных средств.

Таблица 2/Table 2

**Частные критерии знаний, используемые в настоящее время в СК-анализе и системе «Эйдос-Х++»
Models Used in Universal Cognitive Analytics System «Eidos»**

Обозначение	Название модели*	Уравнения	Примечания
INF1	Количество информации по формуле А. Харкевича	1	N_j – число признаков в j -м классе
INF2		1	N_j – число объектов в j -м классе
INF3	Разница между фактически и теоретически ожидаемыми частотами	2	–
INF4	Return on Investment**	3	N_j – число признаков в j -м классе
INF5		3	N_j – число объектов в j -м классе
INF6	Разница между фактически и теоретически ожидаемыми частотами	4	N_j – число признаков в j -м классе
INF7		4	N_j – число объектов в j -м классе

Примечание. * Название всех моделей предложены профессором Е. В. Луценко; ** данная модель названа профессором Е. В. Луценко как «Return on Investment», но в этом контексте не подразумевается показатель эффективности инвестиций.

Частные модели информационной важности признаков имеют следующий вид:

$$I_{ij} = \Psi \cdot (\log_2(N_{ij} \cdot N) - \log_2(N_i \cdot N_j)), \quad (1)$$

$$I_{ij} = N_{ij} - N_i \cdot N_j / N, \quad (2)$$

$$I_{ij} = (N_{ij} \cdot N) / (N_i \cdot N_j) - 1, \quad (3)$$

$$I_{ij} = N_{ij} / N_j - N_i / N, \quad (4)$$

где I_{ij} – оценка информационной важности признака i для класса j ; i – порядковый номер признака (в данном исследовании – определенный диапазон статьи баланса предприятия в относительном виде); j – порядковый номер класса (в данном исследовании под классом понимается отрасль или сектор, при прогнозировании банкротства класс «здоровых» предприятий и признанных банкротами); N_{ij} – количество раз встреченных признаков i у класса j в обучающей выборке; N_i – количество раз встреченных признаков i в обучающей выборке; N_j – количество раз встреченный класс j в обучающей выборке; N – объем обучающей выборки; Ψ – нормировочный коэффициент, преобразующий количество информации в формуле А. Харкевича в биты и обеспечивающий для нее соблюдение принципа соответствия с формулой Р. Хартли.

Нормировочный коэффициент Ψ определяется по следующей формуле:

$$\Psi = \log_2 W^\varphi / \log_2 N, \quad (5)$$

где W – суммарное число значений всех классов; φ – коэффициент эмерджентности Хартли, который, в свою очередь, вычисляется по формуле

$$\varphi = \log_2 \sum_m C_W^m / \log_2 W, \quad m = 1, \dots, M, \quad (6)$$

где M – суммарное число всех признаков.

Непосредственная оценка принадлежности предприятия к отраслевому классу осуществляется по следующей формуле:

$$B_j = \sum_i L_i \cdot I_{ij}, \quad L_i = \{0, 1\}, \quad i = 1, \dots, M, \quad (7)$$

где L_i – переменная, описывающая наличие ($L_i = 1$) или отсутствие ($L_i = 0$) признака i у исследуемого объекта (в данном случае – анализируемой компании).

С целью идентификации отраслевой принадлежности предприятия в качестве информационных признаков использованы удельные веса статей бухгалтерского баланса, которые были получены в результате их нормирования по отношению к балансу. Данная процедура является стандартной при проведении структурного анализа финансового состояния предприятия.

Используя 30 статей активов и пассивов баланса, каждая из которых была разделена на

10 отрезков, было образовано 300 признаков, с помощью которых планировалось идентифицировать отраслевую принадлежность. Исследование проводилось на основе данных бухгалтерской отчетности 500 предприятий, относящихся к пяти отраслям экономики: Строительство, Добыча полезных ископаемых, Производство химических веществ и продуктов, Сельское и лесное хозяйство, а также Информационно-коммуникационные технологии и связь. С помощью универсальной когнитивной аналитической системы «Эйдос» [1] были идентифицированы параметры математической модели, позволяющей по структуре бухгалтерского баланса определить отраслевую принадлежность предприятия.

Результаты

В результате проведенного анализа баланса строительных предприятий были идентифицированы типичные диапазоны значений статей баланса для предприятий строительной отрасли (табл. 3).

Применение методов системно-когнитивного анализа позволили идентифицировать не только типичные (см. табл. 3) диапазоны значений статей баланса для предприятий строительной отрасли, но и тех, которые нехарактерны строительным предприятиям (табл. 4), другими словами, характерны предприятиям других отраслей.

Исходя из данных табл. 4, можно сделать вывод о том, что высокая доля (от 70 до 90%) основных средств в балансе строительного предприятия является совершенно нехарактерным диапазоном для строительной отрасли, в то же время интервал от 10 до 40% – наиболее характерный признак отрасли и имеет достаточно высокий коэффициент информационной значимости, равный 1,29 (см. табл. 3).

Статьи «Долгосрочные финансовые вложения» и «Отложенные налоговые обязательства» не имеют информативной значимости для идентификации данной отрасли.

Высокая доля (от 80 до 90%) статьи «Запасы» в структуре баланса является нехарактерным показателем. Однако диапазон от 60 до 70% данной статьи наиболее характерен.

Основными индицирующими являются статьи «Дебиторская задолженность» и «Кредиторская задолженность», высокая доля которых присуща строительным предприятиям в связи с реализацией проектов по строительству, осуществляющихся в долгосрочном периоде, что в большинстве случаев требует отсрочку платежей, и погашение задолженностей происходит после сдачи и введения в эксплуатацию объектов.

Таблица 3/Table 3

Типичные диапазоны значений статей баланса для предприятий строительной отрасли
Typical Ranges of Values of Balance Sheet Items for the Construction Industry

Наименование статьи баланса	Диапазон (удельный вес в валюте баланса), %	Информационная значимость признака
Основные средства	10–40	1,29
	0–10	0,37
Финансовые вложения	0–10	0,15
Отложенные налоговые активы	0–10	0,13
Запасы	10–20	1,50
	20–30	1,97
	30–40	0,58
	40–50	0,75
	60–70	2,76
Дебиторская задолженность	20–30	1,44
	30–40	0,23
	40–50	2,01
	50–60	1,46
	60–70	2,72
	70–80	1,31
Финансовые вложения (за исключением денежных эквивалентов)	80–90	1,17
	10–20	2,86
	30–40	2,15
Денежные средства и денежные эквиваленты	40–50	3,78
	20–30	2,47
Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)	60–70	2,15
	10–30	1,28
Заемные средства (долгосрочные)	< 10	0,95
Заемные средства (краткосрочные)	< 10	0,95
Кредиторская задолженность	30–70	2,02
	70–100	1,50

Таблица 4/Table 4

Нетипичные диапазоны значений статей баланса для предприятий строительной отрасли
Untypical Ranges of Values of Balance Sheet Items for the Construction Industry

Наименование статьи баланса	Диапазон (удельный вес в валюте баланса), %	Информационная значимость признака
Основные средства	40–50	-1,13
	50–60	-2,27
	60–70	-0,46
	70–90	-3,76
	> 90	0,00
Финансовые вложения	>10	0,00
Отложенные налоговые активы	>10	0,00
Запасы	< 10	-1,74
	50–60	-0,36
	70–80	0,00
	80–90	-2,27
	> 90	0,00
Дебиторская задолженность	< 10	-2,90
	10–20	-0,93
	>90	0,00
Финансовые вложения (за исключением денежных эквивалентов)	<10	-0,13
	20–30	-1,13
	>50	0,00
Денежные средства и денежные эквиваленты	10–20	-1,02
	30–60	0,00
	>70	0,00
Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)	>30	-2,10
Заемные средства (долгосрочные)	>10	0,00
Заемные средства (краткосрочные)	>10	0,00
Кредиторская задолженность	10–30	-2,31

Статья «Краткосрочные финансовые вложения» в интервале от 40 до 50% обладает самым высоким коэффициентом характерности, равным 3,78.

Характерными для статьи «Денежные средства» являются диапазоны от 20 до 30% и от 60 до 70%.

Высокий уровень нераспределенной прибыли – нехарактерный признак предприятий данной отрасли.

Низкий уровень долгосрочных и краткосрочных заемных средств присущ строительным

компаниям, так как основное финансирование происходит из собственных средств предприятий.

На основе бухгалтерских балансов обучающей выборки с помощью «Эйдос» были определены 270 интервалов значений статей баланса (каждая из 27 основных статей баланса разбита на 10 интервалов), характеризующих финансовое положение строительного предприятия. Наиболее свойственные статьи бухгалтерского баланса и диапазоны значений данных статей предприятий-банкротов представлены в табл. 5, а финансово-здоровых предприятий – в табл. 6.

Таблица 5/Table 5

Основные признаки предприятий-банкротов строительной отрасли
The Main Features of Construction Industry Bankrupt Enterprises

Наименование статьи баланса	Диапазон (удельный вес в валюте баланса), %	Информационная значимость признака
Краткосрочные финансовые вложения	30–40	9,498
	40–50	7,999
	20–30	7,498
Денежные средства и денежные эквиваленты	<6	8,484
Основные средства	<8	5,490
Собственные средства (чистые активы)	<0	7,498
Краткосрочные обязательства	>98	5,996

Таблица 6/Table 6

Основные признаки «здоровых» предприятий строительной отрасли
The Main Features of Construction Industry «Healthy» Enterprises

Наименование статьи баланса	Диапазон (удельный вес в валюте баланса), %	Информационная значимость признака
Краткосрочные финансовые вложения	0–10	41,009
Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)	> 16	10,504
Кредиторская задолженность	<37	10,004
Краткосрочные обязательства	7–52	9,003
Собственные средства (чистые активы)	<42	8,514

В процессе исследования было выдвинуто предположение о том, что по активам баланса предприятия можно провести оценку его стоимости. Предварительные результаты проведенного регрессивного анализа активов (без пассивов) показали возможность объяснить изменения рыночной стоимости бизнеса через изменение активов. Для обучающей выборки использовались данные о рыночной стоимости активов публичных компаний, где в качестве объясняющих переменных были выбраны активы, которые в наибольшей степени характерны строительным компаниям (см. табл. 3), но окончательная модель (8) (параметры ее идентифицированы на основе данных за 2016 г., поэтому требуется их регулярная актуализация и уравнение в данном виде не может быть использовано по прямому назначению в текущий момент) включает нетипичные активы,

например нематериальные. Данная модель (8) может быть использована как экспресс-методика оценки рыночной стоимости российских строительных предприятий.

$$EV = IA \times 1,73 + FA \times 0,15 - FI \times 0,05 - IY \times 0,23 + DTA \times 1,16 + In \times 0,73 + CA \times 0,20 + VAT \times 0,80 - 30984, \quad (8)$$

где EV – рыночная стоимость (от англ. enterprise value) российских строительных компаний, IA – нематериальные активы (от англ. intangible assets), FA – основные средства (от англ. fixed assets), FI – краткосрочные финансовые вложения (от англ. short-term financial investments), IY – доходные вложения в материальные ценности (от англ. income yielding investments into tangible assets), DTA – отложенные налоговые активы (от англ. deferred tax assets), In – запасы (от англ. Invento-

gies), CA – собственный капитал (чистые активы) (от англ. capital assets), VAT – НДС (от англ. value added taxes).

Объяснение отрицательных множителей краткосрочных финансовых вложений и доходных вложений в материальные ценности требуют дополнительного исследования.

Полученную модель стоит относить к классу моделей отраслевых коэффициентов, широко применяющихся в странах с развитой экономикой, а предлагаемую методику – к сравнительному подходу. Экспресс-методика может быть использована не только с целью оценки рыночной стоимости бизнеса, но и в качестве базы для принятия решений инвестиционными компаниями, так как дает возможность оценить уровень рыночной стоимости активов в составе портфеля инвестиций. Кроме всего вышперечисленного, данная методика позволит создать модели прогнозирования банкротства для отраслей отечественных предприятий, учитывая специфику деятельности, что является актуальной темой.

Список литературы

1. Луценко Е. В. Теоретические основы, технология и инструментарий автоматизированного системно-когнитивного анализа. URL: <http://ic.kubagro.ru/aidos/index.htm> (дата обращения: 01.06.2018).
2. Алексеева И. Е., Носкова А. Р., Кылосова В. В., Князева А. И. Новые приложения задачи оценки рисков на основе анализа бухгалтерской отчетности // Математическое и компьютерное моделирование в экономике, страховании и управлении рисками : материалы VII Междунар. молод. науч.-практ. конф. (Саратов, 14–17 ноября 2018 г.). Саратов : Научная книга, 2018. С. 8–13.
3. Носкова А. Р., Алексеев А. О. Исследование прогностических свойств моделей оценки вероятности банкротства применительно к строительной отрасли // Корпоративная экономика. 2018. № 2 (14). С. 10–17.
4. Носкова А. Р., Алексеев А. О. Достоверное прогнозирование вероятности банкротства предприятий строительной отрасли с помощью метода системно-когнитивного анализа // Управление финансовыми рисками. 2018. Т. 55, № 3. С. 218–224.
5. Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации / пер. с англ. В. Кузина. М. : Манн, Иванов и Фарбер, 2014. 512 с.
6. Henderson B. The Product Portfolio : Growth Share Matrix of the Boston Consulting Group // Mintzberg, H., Quinn J. B. (eds.). The Strategy Process : Concepts, Contexts, Cases. 2nd ed. New Jersey : Prentice hall, 1979. С. 678–680.
7. Гриднев Е. С. Применение матрицы БКГ при разработке стратегии предприятия // Вестн. КамчатГТУ. 2009. № 10. С. 61–64.
8. Бадулин Н. А. Экономическая теория относительности или «Улитка инноваций» // Анализ и моделирование экономических и социальных процессов : Математика. Компьютер. Образование. 2015. Т. 22, № 3. С. 122–137.
9. Федорова Е. А., Тимофеев Я. В. Разработка моделей прогнозирования банкротства российских предприятий для отраслей строительства и сельского хозяйства // Финансы и кредит. 2015. № 32. С. 2–10.
10. Karas M., Reznakova M. Predicting the Bankruptcy of Construction Companies : A CART-Based Model // Engineering Economics. 2017. № 28 (2). P. 145–154. DOI: 10.5755/j01.ee.28.2.16353
11. Прозорова А. С., Мартынова Т. А. Различие в понимании характеристик информации между МСФО и РСБУ как проблема информационного обеспечения стратегического анализа // Экономика : вчера, сегодня, завтра. 2013. № 3–4. С. 23–32.

Образец для цитирования:

Алексеев А. О., Алексеева И. Е., Носкова А. Р., Кылосова В. В., Князева А. И. Математические методы и инструментальные средства отраслевой идентификации предприятий и организаций по видам экономической деятельности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 172–180. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-172-180>

Mathematical Methods and Instrumental Means of Industrial Identification of Enterprises and Organizations by Economic Activities

A. O. Alekseev, I. E. Alekseeva, A. R. Noskova, V. V. Kylosova, A. I. Knyazeva

Alexander O. Alekseev, <https://orcid.org/0000-0001-5033-6694>, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Av., Perm 614990, Russia, alekseev@cems.pstu.ru

Irina E. Alekseeva, <https://orcid.org/0000-0002-8075-8959>, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Av., Perm 614990, Russia, alekseeva@cems.pstu.ru

Alexandra R. Noskova, <https://orcid.org/0000-0002-7944-1049>, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Av., Perm 614990, Russia, noskovaaleksandra95@gmail.com

Victoria V. Kylosova, <https://orcid.org/0000-0002-7912-8888>, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Av., Perm 614990, Russia, kylosova1195@mail.ru

Alena I. Knyazeva, <https://orcid.org/0000-0002-2231-0996>, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Av., Perm 614990, Russia, ai_knyazeva@mail.ru

Introduction. The task of sectoral identification of enterprises and organizations by type of economic activity is considered, which is

understood as the following – to determine its main type of activity and industry affiliation according to the balance sheet or other financial statements of an enterprise. **Theoretical analysis.** Sectoral identification is required in six areas identified by the authors: checking counterparties (suppliers and contractors), checking conflicting statistics, financial analysis, bankruptcy forecasting, business valuation, and determining the stage of the life cycle. **Empirical analysis.** All necessary calculations and computer modeling were made in the special computer program named The universal cognitive analytics system “Eidos”. It was revealed that according to the balance structure, reduced to a specific type, it is possible to identify the sectoral affiliation of enterprises and organizations with a certainty of 83%, and also to determine the probability of bankruptcy with a certainty of 90%. Knowing the most characteristic balance sheet items, we can identify industry ratios for business valuation. **Results.** The ranges of balance sheet items characteristic of five industries: information technology and telecommunications, mining, construction, agriculture and chemical production are shown, as well as characteristic ranges of balance sheet items for insolvent and financially sustainable enterprises in the construction industry. The regression equation for estimating the value of the construction enterprises’ business is given, which can be used for rapid assessment as a method of industry coefficients.

Keywords: financial statements, industry specificity, bankruptcy, business valuation, identification, system-cognitive analysis.

References

1. Lucenko E. V. *Teoreticheskie osnovy, tekhnologiya i instrumentariy avtomatizirovannogo sistemno-kognitivnogo analiza* (Theoretical Foundations, Technology and Tools of Automated System-Cognitive Analysis). Available at: <http://lc.kubagro.ru/aidos/index.htm> (accessed 1 June 2018) (in Russian).
2. Alekseeva I. E., Noskova A. R., Kylosova V. V., Knyazeva A. I. *Novye prilozheniya zadachi otsenki riskov na osnove analiza bukhgalterskoi otchetnosti* [New Applications of the Problem of Risk Assessment Based on the Analysis of Financial Statements]. *Matematicheskoe i komp'yuternoe modelirovanie v ekonomike, strakhovanii i upravlenii riskami: materialy VII Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauch.-prakt. konf* [Proc. VII Int. conf. “Mathematical and computer modeling in economics, insurance and risk management”]. Saratov, Nauchnaia kniga Publ., 2018, pp. 8–13 (in Russian).
3. Noskova A. R., Alekseev A. O. *Issledovanie prognosticheskikh svoystv modelei otsenki veroiatnosti bankrotstva primenitel'no k stroitel'noi otrasli* [The Study of Prognostic Models Estimates of the Bankruptcy Probability in Relation to the Construction Industry]. *Korporativnaia ekonomika* [Corporative Economics], 2018, no. 2 (14), pp. 10–17 (in Russian).
4. Noskova A. R., Alekseev A. O. *Reliable Prediction of the Probability of Bankruptcy of Enterprises in the construction Industry Using the Method of Systemic-Cognitive Analysis*. *Upravlenie finansovymi riskami* [Financial Risk Management], 2018, vol. 55, no. 3, pp. 218–224 (in Russian).
5. Adizes I. *Managing Corporate Lifecycles: An updated and Expanded Look at the Corporate Lifecycles*. 1st printing. Paramus, NJ, Prentice Hall Press, 1999. (Russ. ed.: Adizes I. *Upravlenie zhiznennym tsiklom korporatsii* / per. s angl. V. Kuzina. Moscow, Mann, Ivanov i Farber Publ., 2014. 512 p.).
6. Henderson B. *The Product Portfolio: Growth Share Matrix of the Boston Consulting Group*. In: Mintzberg H., Quinn J. B. (eds.). *The Strategy Process: Concepts, Contexts, Cases*. 2nd ed. New Jersey, Prentice hall, 1979, pp. 678–680.
7. Gridnev E. S. *Primenenie matritsy BKG pri razrabotke strategii predpriyatiya* [Application of the BCG Matrix in the Development of an Enterprise Strategy]. *Bulletin of Kamchatka State Technical University*, 2009, no. 10, pp. 61–64 (in Russian).
8. Badulin N. A. *Economic Theory of Relativity or Innovation Snail. Analiz i modelirovanie ekonomicheskikh i sotsial'nykh processov: Matematika. Komp'yuter. Obrazovanie* [Analysis and Modeling of the Social and Economic Processes. Mathematics. Computer. Education], 2015, vol. 22, no. 3, pp. 122–137 (in Russian).
9. Fedorova E. A., Timofeev Ya. V. *Developing the Bankruptcy Prediction Models for Russian Businesses of the Construction and Agriculture Industries*. *Finance and Credit*, 2015, no. 32, pp. 2–10 (in Russian).
10. Karas M., Reznakova M. *Predicting the Bankruptcy of Construction Companies: A CART-Based Model*. *Engineering Economics*, 2017, no. 28 (2), pp. 145–154. DOI:10.5755/j01.ee.28.2.16353
11. Prozova A. S., Martynova T. A. *The Difference in the Understanding of the Characteristics of Information between IFRS and RAS as a Problem of Strategic Analysis Information Support*. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 2013, no. 3–4, pp. 23–32 (in Russian).

Cite this article as:

Alekseev A. O., Alekseeva I. E., Noskova A. R., Kylosova V. V., Knyazeva A. I. *Mathematical Methods and Instrumental Means of Industrial Identification of Enterprises and Organizations by Economic Activities*. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 172–180 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-172-180>

УДК 330.4+004.8

Методы интеллектуального анализа данных для прогнозирования финансовых временных рядов

Г. Ю. Чернышова, Е. А. Самаркина

Чернышова Галина Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры дискретной математики и информационных технологий, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, galacherny@yandex.ru

Самаркина Екатерина Александровна, студентка магистратуры, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sea94@inbox.ru

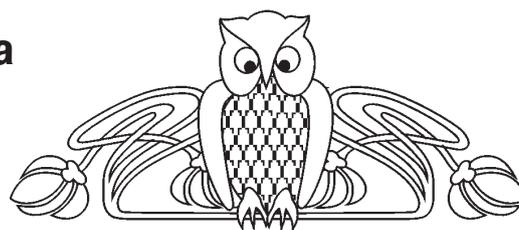
Введение. Совершенствование алгоритмов интеллектуального анализа данных позволяет решать задачи прогнозной аналитики более эффективными способами. Ансамбли моделей – одно из активно развивающихся направлений, особенно в тех задачах, где прогностическая точность более важна, чем интерпретируемость модели. **Теоретический анализ.** Задача прогнозирования требует тщательного исследования исходного набора данных и методов, подходящих для анализа. Она включает решение таких подзадач, как выбор модели прогнозирования, анализ точности построенного прогноза. Ансамблевые модели позволяют сочетать прогнозы нескольких базовых моделей с целью уменьшения ошибок прогнозирования и повышения обобщающей способности моделей. Для основных методов построения ансамблей (бэггинг, бустинг, стекинг) представлены концептуальные схемы. **Эмпирический анализ.** В статье исследованы практические аспекты прогнозирования финансовых временных рядов, реализован набор ансамблевых моделей для решения прогностических задач. **Результаты.** Для построения ансамблей моделей разработано приложение с веб-интерфейсом, которое позволяет оценить модели с применением различных функционалов ошибки, осуществить выбор более точной ансамблевой модели. С помощью приложения можно осуществлять выбор и настройку моделей для формирования прогнозных ансамблей, тестировать полученные модели, визуализировать результаты. Представлено тестирование ансамблевых моделей на реальных данных для анализа финансовых временных рядов.

Ключевые слова: прогнозирование, финансовые временные ряды, интеллектуальный анализ данных, ансамбли моделей.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-181-188>

Введение

Определяющим трендом использования финансовых инструментов является минимизация возможных рисков. Тенденция снижения волатильности, отмечаемая с 2015 г., в настоящее время изменилась, и наблюдается высокая изменчивость на российском финансовом рынке. Рост волатильности связан с целым комплексом взаимосвязанных факторов, в частности,

с уменьшением объемов денежных средств, размещаемых в финансовые инструменты, изменениями мировых цен на нефть, колебаниями курса национальной валюты, сохранением геополитической напряженности и мировых экономических диспропорций. В подобной ситуации для участников фондового рынка важной задачей становится применение эффективных способов анализа и прогнозирования ценовых колебаний с целью планирования рисков.

Математические модели и методы становятся важным инструментом обеспечения процесса принятия решений в данной области. Прогнозирование нестационарных процессов является существенным элементом инвестиционной деятельности. Исследование динамики финансовых временных рядов позволяет принять правильное решение об инвестициях. Рыночный механизм, характеризующийся огромным количеством постоянно меняющихся связей, зависит от множества внешних факторов, способных существенно повлиять на всю структуру его зависимостей, причем воздействие может быть самым разнообразным. Появление тех или иных внешних факторов не всегда отражается в предыстории финансового временного ряда, но может вызвать значительное нарушение его динамики.

Для прогнозирования финансовых временных рядов применяются различные подходы:

- графические методы (графики японских свечей);
- экспертные методы (метод Дельфи, сценарные методы);
- стохастические методы (модель броуновского движения, скользящие средние, модель Брауна, Хольта–Винтерса);
- эконометрические модели (регрессионный анализ, авторегрессионные модели, ARIMAX, GARCH, ARDLM);
- методы имитационного моделирования;
- методы Data Mining (нейронные сети, деревья решений, метод ближайшего соседа, метод опорных векторов, ансамбли моделей);
- модели нечеткой логики;
- генетические алгоритмы;
- методы нелинейной динамики;
- методы фрактального анализа;
- модели на основе вейвлет-преобразования.

Следует отметить возможность применения гибридных моделей для решения прогностических задач. Математические модели, использующие методы информационного поиска и средства нечеткой логики, позволяют использовать элементы как технического, так и фундаментального анализа [1].

Широкое применение методов интеллектуального анализа в данной области обусловлено наличием в финансовых временных рядах сложных закономерностей, которые не обнаруживаются линейными методами. Нестационарность этих рядов требует специализированных моделей и методов для прогноза.

Прогнозирование определяет наиболее общие показатели перспективного развития, выявляет тенденции и альтернативные пути этого развития. Методы математической статистики используются, главным образом, для проверки заранее сформулированных гипотез, а также для анализа, составляющего основу оперативной аналитической обработки данных, что является недостаточным условием для полной оценки прогнозирования. Для обработки слабоструктурированных данных необходимо применение специфических методов интеллектуального анализа данных.

Основной проблемой при решении задачи прогнозирования является получение разумно точных прогнозов будущих данных при анализе имеющейся информации. Если методы интеллектуального анализа данных не обеспечивают достаточной точности прогнозирования, эффективной альтернативой использованию методов прогнозирования является внедрение ансамблей моделей [2]. Целью исследования выступает разработка и апробация ансамблевых моделей для прогнозирования рынка ценных бумаг.

Теоретический анализ

В рамках интеллектуального анализа данных выделяются следующие задачи: классификация, прогнозирование, кластеризация, визуализация, поиск ассоциативных правил. По назначению они делятся на описательные и предсказательные задачи. По способам решения задачи разделяют на обучение с учителем и обучение без учителя [3].

Под прогнозированием обычно понимается моделирование непрерывных значений, в отличие от задачи классификации, связанной с получением дискретных прогнозов.

Набор данных обычно состоит из векторов признаков, где каждый вектор представляет собой описание объекта с использованием набора показателей.

В Data Mining категориальные и числовые величины обрабатываются при помощи соответствующих алгоритмов.

Задачи классификации и прогнозирования сводятся к определению значения зависимой переменной объекта по его независимым переменным. Если зависимая переменная принимает количественные значения, то говорят о задаче прогнозирования, в противном случае – о задаче классификации. Задача прогнозирования может считаться одной из наиболее сложных задач Data Mining, она требует тщательного исследования исходного набора данных и методов, подходящих для анализа.

При создании алгоритмов машинного обучения разработчики сталкиваются с такими проблемами, как вычислительные затраты на реализацию алгоритма, неясность построенных моделей для пользователя, а также неточность результатов. Большинство исследователей сосредотачиваются на повышении точности прогнозирования, поэтому оценка моделей часто рассматривается именно с этой точки зрения.

Эффективной альтернативой использованию единственного метода прогнозирования является объединение прогнозов из нескольких разных моделей. Комбинация нескольких прогнозов в большом количестве случаев существенно снижает общие ошибки прогнозирования, превосходя отдельные компоненты [3].

Ансамблевые методы представляют собой метаалгоритмы, которые объединяют несколько алгоритмов в одну прогностическую модель для повышения точности прогноза, уменьшения дисперсии или смещения, позволяя строить более стабильные и надежные модели [4].

Можно выделить два подхода при построении ансамблевых моделей:

- последовательное применение обучающих алгоритмов;
- параллельное использование обучающих алгоритмов.

При этом может использоваться единый базовый алгоритм либо применяются базовые алгоритмы разного типа.

В настоящее время разработано множество различных подходов к формированию ансамблей [5]. Среди них наибольшее распространение получили такие методы, как бэггинг, бустинг, стекинг и блендинг.

Бэггинг (bootstrap aggregating) представляет собой один из способов уменьшить дисперсию результатов прогнозирования путем усреднения нескольких оценок. В этом случае исходная выборка разделяется на подмножества для обучения базовых алгоритмов (рис. 1). Для агрегирования результатов базовых моделей в прогнозных за-

дачах используется усреднение с использованием среднего арифметического значения или средневзвешенного значения.

Бустинг (boosting) относится к семейству алгоритмов, которые способны использовать слабые модели, которые лишь немногим лучше, чем случайные предположения. Принципиальное отличие бустинга заключается в том, что базовые

алгоритмы обучаются последовательно на основе изменяемой выборки (рис. 2).

Стекинг (stacking) – это метод обучения ансамбля, который объединяет несколько прогнозных моделей с помощью метаалгоритма. Модели базового уровня формируются на основе полного обучающего набора, затем метамодель строится на выходах моделей базового уровня (рис. 3).

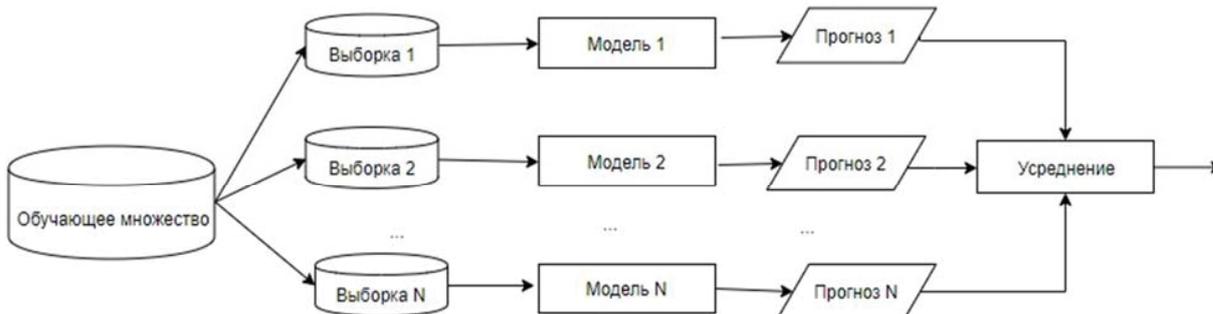

Рис. 1. Построение ансамблей методом бэггинга
Fig. 1. Concept Diagram of Bootstrap Aggregating

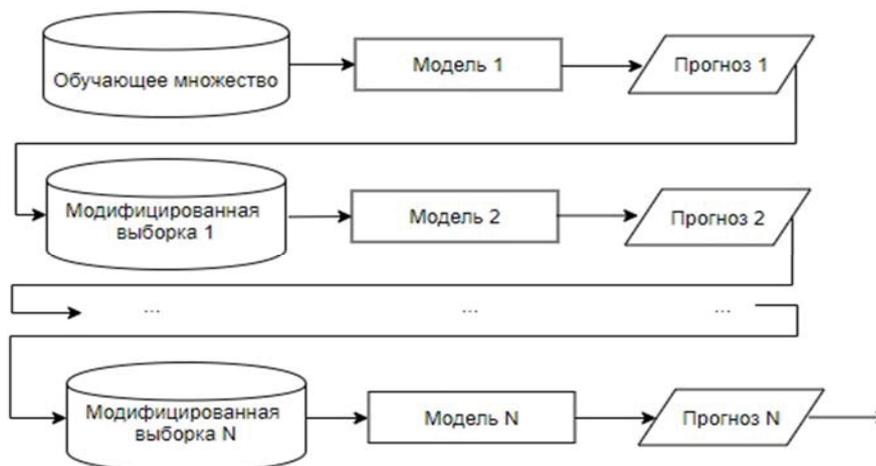

Рис. 2. Построение ансамблей методом бустинга
Fig. 2. Concept Diagram of Boosting

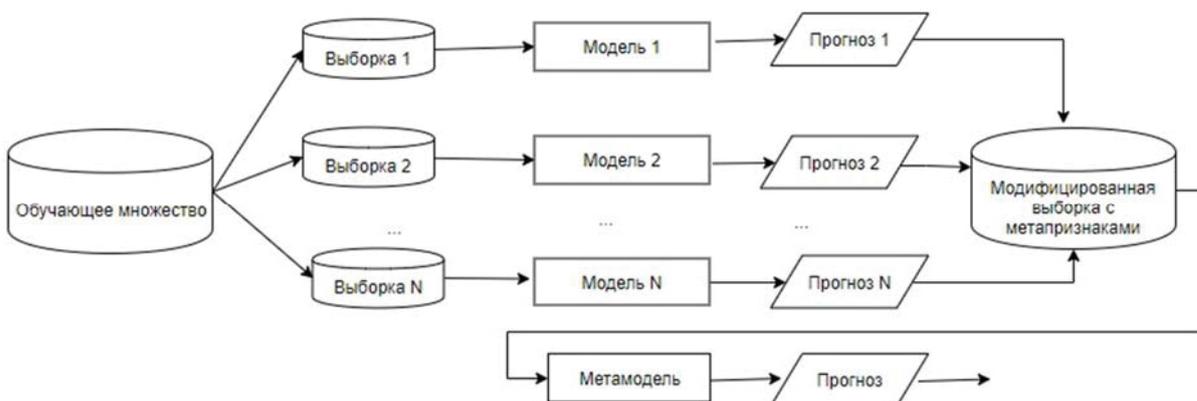

Рис. 3. Построение ансамблей методом стекинга
Fig. 3. Concept Diagram of Stacking

Базовый уровень часто состоит из алгоритмов разного типа, и поэтому стековые ансамбли часто неоднородны.

Простейшая схема стекинга – блендинг (blending). В этом случае обучающую выборку делят на две части. На первой обучают базовые алгоритмы. Результаты прогнозирования с помощью базовых алгоритмов можно рассматривать как новый признак (метапризнак). На метапризнаках второй части обучения настраивают метаалгоритм. Затем запускают его на метапризнаках тестового набора и получают окончательный прогноз. Блендинг и стекинг являются похожими подходами, основанными на обучении первого слоя моделей и использовании их выходов для

обучения второго уровня моделей. При этом можно использовать любое количество слоев.

Для оценки моделей прогнозирования используются разные метрики качества, определяющие различие между полученным в результате применения модели значением и реальным значением. Пусть имеется выборка $X = (X_1, \dots, X_n)$, на которой оценивается прогнозная модель M , $\hat{Y} = (\hat{Y}_1, \dots, \hat{Y}_n)$, где $\hat{Y}_i = M(X_i)$, $i = 1, \dots, n$ – вектор прогнозов, $Y = (Y_1, \dots, Y_n)$ – вектор наблюдаемых значений прогнозируемой переменной, Y_{\max} – максимальное значение Y_i , Y_{\min} – минимальное значение Y_i , \bar{Y} – среднее значение для Y_1, \dots, Y_n .

Расширенный набор функций ошибки представлен в табл. 1.

Таблица 1/ Table 1

Функции ошибки для оценки модели прогнозирования
Error Metrics for Forecasting Model Evaluation

Название	Формула	Краткое описание
Коэффициент детерминации (R^2)	$R^2 = 1 - \frac{\sum_{i=1}^n Y_i - \hat{Y}_i ^2}{\sum_{i=1}^n \bar{Y} - Y_i ^2}$	Доля дисперсии зависимой переменной, объясняемая рассматриваемой моделью
MSE (Mean Squared Error)	$MSE = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n (Y_i - \hat{Y}_i)^2$	Среднеквадратичная ошибка
RMSE (Root-Mean-Square Error)	$RMSE = \sqrt{\frac{1}{n} \sum_{i=1}^n (Y_i - \hat{Y}_i)^2}$	Квадратный корень из среднеквадратичной ошибки
NRMSE (Normalized Root-Mean-Square Error)	$NRMSE = \frac{RMSE}{Y_{\max} - Y_{\min}}$	Нормализованная RMSE
RAE (Relative Absolute Error)	$RAE = \frac{\sum_{i=1}^n Y_i - \hat{Y}_i }{\sum_{i=1}^n \bar{Y} - Y_i }$	Отношение суммы модулей отклонений к суммарной ошибке
RRSE (Root Relative Squared Error)	$RRSE = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (Y_i - \hat{Y}_i)^2}{\sum_{i=1}^n (Y_i - \bar{Y})^2}}$	Относительная среднеквадратичная ошибка
MAPE (Mean Absolute Percentage Error)	$MAPE = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \frac{ Y_i - \hat{Y}_i }{ Y_i }$	Средний процент отклонения
SMAPE (Symmetric Mean Absolute Percentage Error)	$SMAPE = \frac{2}{n} \sum_{i=1}^n \frac{ Y_i - \hat{Y}_i }{ Y_i + \hat{Y}_i }$	Симметричный средний процент отклонения

Всегда существует вероятность события, которое не может предсказать модель, создающая прогноз (событие «черного лебедя»). Ошибки, связанные с этими событиями, не являются ти-

пичными, которые рассмотренные функционалы ошибки пытаются измерить. Таким образом, существуют ограничения при использовании моделей для прогнозирования будущего.

Эмпирический анализ

Применение ансамблей моделей связано с проблемой подбора параметров как в процессе выбора типа ансамбля, так и при выборе и настройке параметров базовых алгоритмов [6]. Возникает необходимость использования дополнительных инструментальных средств для решения подобной задачи на основе минимизации функционалов ошибки.

Разработанное web-приложение на платформе Python реализует следующие функциональные возможности: загрузка файла с входными данными; выбор вида ансамблевой модели; задание параметров ансамбля; выбор метода прогнозирования; задание параметров для реализации методов прогнозирования; прогнозирование на основе выбранной модели, визуализация результатов прогнозирования на основе построенной модели.

Для выбранного метода анализируется точность прогноза при увеличении размера ансамбля. Для используемых методов рассчитываются ранги с учетом выбранных функций ошибки. В результате выбирается модель, имеющая наилучшие ранги по большому количеству различных функций ошибки, с учетом приоритета нормализованной RMSE.

С помощью данного приложения выполнено построение прогнозной модели для акций компа-

ний ООО «Яндекс» и Mail.ru Group. Для обучения и тестирования моделей использованы данные о цене акций компаний за период 2010–2018 гг. [7]. Для формирования обучающего множества применен метод скользящего окна. В качестве базовых методов использовались различные методы для решения задачи прогнозирования (метод опорных векторов, метод ближайшего соседа, деревья решений). С помощью разработанного приложения осуществлен подбор параметров алгоритмов и выбран лучший алгоритм на основе вычисленных значений функционалов ошибки.

При использовании сложных моделей необходимо оценить обобщающую способность используемых методов, для эмпирического измерения явления переобучения модели применяется скользящий контроль. Тестовые выборки для оценки моделей у каждого из ансамблей могут иметь различный размер, зависящий от предполагаемого преобразования исходной выборки данных.

В табл. 2 содержится сравнение функционалов ошибки для отдельного метода и построенных ансамблей моделей для прогнозирования цены акций ООО «Яндекс». В качестве базового алгоритма выбран метод опорных векторов (SVM).

Таблица 2/Table 2

Оценка ансамблей моделей для прогнозирования цены акций ООО «Яндекс»
Evaluation of Models Ensembling for Predicting Yandex LLC Share Price

Ансамблевая модель	R^2	MSE	RMSE	NRMSE	RAE	RRSE	MAPE	SMAPE
Бэггинг	0.847	5.330	2.309	0.111	0.308	0.443	0.051	0.050
Бустинг	0.842	6.951	2.637	0.139	0.309	0.491	0.052	0.05
Блендинг	0.939	2.709	1.646	0.070	0.170	0.278	0.032	0.032
Стекинг	0.917	2.572	1.604	0.074	0.230	0.333	0.029	0.028
SVM	0.830	6.172	2.484	0.116	0.236	0.437	0.041	0.038

Для указанного набора данных блендинг является предпочтительной моделью с учетом ранжированного сравнения ошибок. В данном случае при использовании блендинга тестовая выборка составляла 600 дней.

Для визуализации результатов прогнозирования приложение позволяет построить графики, обеспечивающие возможность пользователю в процессе оценки модели получить дополнительную информацию о качестве построенной модели. На рис. 4 представлены графики для сравнения результатов прогнозирования с помощью блендинга цены акций ООО «Яндекс» и значений из тестовой выборки.

В табл. 3 представлены вычисленные значения функционалов ошибки для построенных в приложении ансамблей моделей для акций компании Mail.ru Group.

Для этого набора данных применение стекинга позволяет построить более точную модель с учетом вычисленных значений ошибок. В данном ансамбле в качестве базовых алгоритмов использовались метод опорных векторов и метод ближайших соседей, в качестве метаалгоритма на втором этапе – метод ближайших соседей.

На рис. 5 представлены прогнозные значения, полученные в результате использования

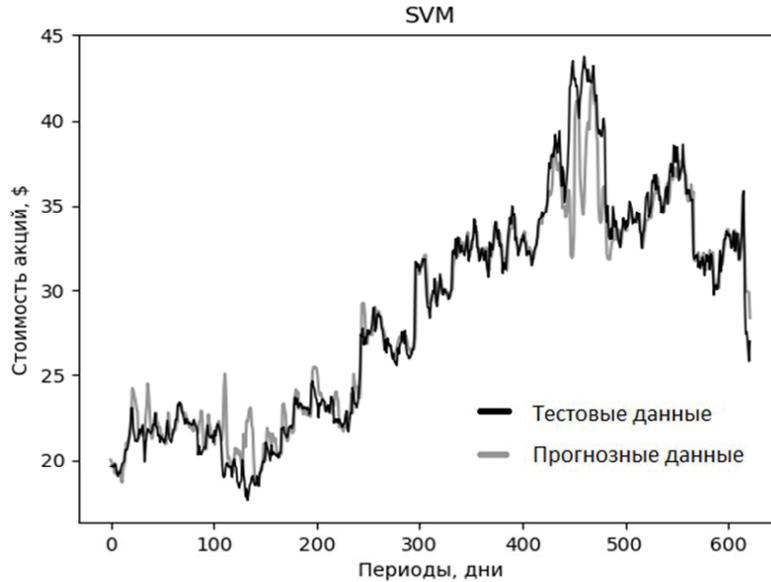

Рис. 4. Сравнение прогнозных и фактических цен акций ООО «Яндекс» методом блендинга на тестовой выборке

Fig. 4. Comparison of Forecast and Actual Yandex LLC Share Prices by Blending for the Test Sample

Таблица 3/Table 3

Оценка ансамблей моделей для прогнозирования цены акций Mail.ru Group
Evaluation of Models Ensembling for Predicting Mail.ru Group Share Price

Ансамблевая модель	R^2	MSE	RMSE	NRMSE	RAE	RRSE	MAPE	SMAPE
Бэггинг	0.411	6.694	2.587	0.174	0.665	0.709	0.079	0.084
Бустинг	0.803	6.351	2.52	0.165	0.571	0.671	0.073	0.078
Блендинг	0.945	1.819	1.349	0.072	0.160	0.259	0.026	0.026
Стекинг	0.906	1.311	1.145	0.081	0.252	0.352	0.023	0.022
SVM	0.841	1.326	1.152	0.057	0.156	0.214	0.026	0.026

Рис. 5. Сравнение прогнозных и фактических цен акций Mail.ru Group методом стекинга на тестовой выборке

Fig. 5. Comparison of Forecast and Actual Mail.ru Group Share Prices by Stacking for the Test Sample

стекинской ансамблевой модели, и фактические значения цены акций компании Mail.ru Group на тестовой выборке.

Применение ансамблей моделей может не превосходить по качеству прогноза отдельные алгоритмы. Результаты решения задачи прогнозирования для Mail.ru Group в случае применения индивидуального алгоритма SVM по некоторым оценкам (NRMSE, RAE, RRSE) более точные. В данном случае пользователю после рекомендаций о выборе лучшей модели предоставляется возможность дополнительного исследования параметров моделей и последующего тестирования.

Результаты

Применение ансамблей в процессе решения задачи прогнозирования позволяет повысить точность моделей по сравнению с индивидуальными алгоритмами. Использование подобных сложных моделей для нестационарных временных рядов может обеспечивать получение более качественного прогноза, что особенно важно в задачах анализа финансового рынка. Разработанное web-приложение позволяет построить разные ансамбли моделей с возможностью применения различных базовых методов. Приложение позволяет сравнить данные методы с применением расширенного

набора функционалов ошибки. Оно упрощает и облегчает для пользователей некоторые этапы построения ансамблей моделей, предоставляя интерфейс для реализации вычислительных экспериментов.

Список литературы

1. Чернышова Г. Ю. Применение гибридных моделей для решения задач прогнозирования // Саратовской области – 80 лет : история, опыт развития, перспективы роста : сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Саратов : ССЭИ РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. Ч. 2. С. 109–110.
2. Zhang Ch., Ma Yu. Ensemble Machine Learning. Methods and Applications. N. Y. : Springer Science Business Media, 2012. 331 p.
3. Seni G., Elder J. Ensemble Methods in Data Mining : Improving Accuracy Through Combining Predictions. San Rafael : Morgan & Claypool Publishers, 2010. 126 p.
4. Zhou Z. Ensemble Methods Foundations and Algorithms. Taylor & Francis Group, Chapman & Hall, 2012. 233 p.
5. Shalev-Shwartz S., Ben-David S. Understanding Machine Learning from Theory to Algorithms. Cambridge University Press, 2014. 449 p.
6. Sagi O., Rokach L. Ensemble learning : A survey. John Wiley and Sons, 2018. 18 p.
7. Yahoo Finance. URL: <https://finance.yahoo.com/> (дата обращения: 15.10.2018).

Образец для цитирования:

Чернышова Г. Ю., Самаркина Е. А. Методы интеллектуального анализа данных для прогнозирования финансовых временных рядов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 181–188. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-181-188>

Data Mining Methods for Financial Time Series Forecasting

G. Yu. Chernyshova, E. A. Samarkina

Galina Yu. Chernyshova, <https://orcid.org/0000-0002-6464-0408>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, galacherny@yandex.ru

Ekaterina A. Samarkina, <https://orcid.org/0000-0001-7377-8444>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, sea94@inbox.ru

Introduction. Data Mining algorithms enhancement leads to the solution of predictive analytics tasks in more efficient ways. The models ensembles are one of the actively developing areas, especially in those branches where predictive accuracy is more important than the interpretability of the model. **Theoretical analysis.** The forecasting problem requires careful study of the

data set and methods suitable for analysis. It includes the solution of such subtasks as the choice of a forecasting model, the analysis of the forecast accuracy. Models ensembles are used to combine the predictions of several basic models in order to reduce forecasting errors and increase the generalizing ability of the individual models. Conceptual schemes are presented for the basic ensemble methods (bagging, boosting, stacking, blending). **Empirical analysis.** The practical aspects of forecasting financial time series, implementation of several models ensemble for forecasting problems are explored in the article. **Results.** To build models ensembles, we developed an application with a web interface that provides the ability to evaluate models with different error metrics, choose a more accurate models ensemble. With the web application, users can select and configure models to form forecasting ensembles, test the resulting models, and visualize the results. Testing of the models ensemble for the analysis of share prices time series is presented.

Keywords: forecasting, financial time series, Data Mining, models ensembles.

References

1. Chernyshova G. Yu. Primenenie gibridnykh modelei dlia resheniya zadach prognozirovaniya [Application of Hybrid Models for Forecasting Problems Solving]. In: *Saratovskoi oblasti – 80 let: istoriya, opyt razvitiya, perspektivy rosta. Trudy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Saratov region – 80 years old: history, development experience, growth prospects. Proc. Int. sci. and pract. conf.: in 3 pt.]. Saratov, 2016, pt. 2, pp. 109–110 (in Russian).
2. Zhang Ch., Ma Yu. *Ensemble Machine Learning. Methods and Applications*. New York, Springer Science Business Media, 2012. 331 p.
3. Seni G., Elder J. *Ensemble Methods in Data Mining: Improving Accuracy Through Combining Predictions*. San Rafael, Morgan & Claypool Publishers, 2010. 126 p.
4. Zhou Z. *Ensemble Methods Foundations and Algorithms*. Taylor & Francis Group, Chapman & Hall, 2012. 233 p.
5. Shalev-Shwartz S., Ben-David S. *Understanding Machine Learning from Theory to Algorithms*. Cambridge University Press, 2014. 449 p.
6. Sagi O., Rokach L. *Ensemble learning: A survey*. John Wiley and Sons, 2018. 18 p.
7. *Yahoo Finance*. Available at: <https://finance.yahoo.com/> (accessed 18 December 2018).

Cite this article as:

Chernyshova G. Yu., Samarkina E. A. Data Mining Methods for Financial Time Series Forecasting. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 181–188 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-181-188>

УДК 330.43

О статистическом методе построения прогноза цены недвижимости по неоднородным данным

А. В. Харламов

Харламов Александр Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры основ математики и информатики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, harlamovav@info.sgu.ru

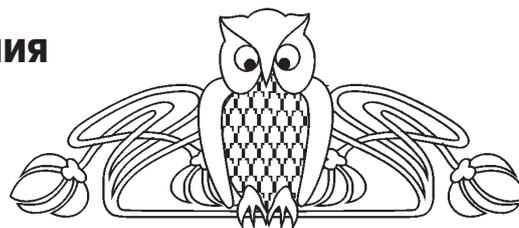
Введение. В статье рассмотрены вопросы построения прогнозов на рынке недвижимости по неоднородным данным. Установление «справедливой» цены жилья является актуальной задачей при назначении залога, в целях страхования, определения эффективности инвестпроектов и т.д. Для решения этой задачи применяют эконометрические модели ценообразования, специфицированные по всей обследуемой совокупности. В случае значительной неоднородности обследуемой совокупности получаемые по этим моделям прогнозы могут содержать существенные ошибки. **Теоретический анализ.** На сегодняшний день существуют разнообразные методы и модели анализа неоднородных, в том числе пространственно распределенных данных. Для преодоления неоднородности исходных данных применяют зонирование обследуемой совокупности или строят модели переменной структуры, что сопряжено с рядом проблем. Дается обзор подходов, реализующих эти методы, перечисляются их плюсы и минусы. Для повышения качества прогноза предложен новый метод построения зон однородности на основе результатов построения оценок глобальной модели. Описан соответствующий алгоритм вычисления поправочного локального коэффициента, позволяющего корректировать прогноз глобальной модели. **Эмпирический анализ.** Для демонстрации эффективности работы предложенного метода по эмпирическим данным регионального рынка недвижимости рассчитаны прогнозы стоимости жилья, дан анализ результатов прогнозирования. **Результаты.** Предложенный новый метод определения зон однородности по результатам прогнозов с помощью расчета поправочного локального позволяет избежать ряда проблем, возникающих при использовании других подходов, и представляет эффективный инструмент прогнозирования.

Ключевые слова: пространственное моделирование, неоднородные данные, геокодированные данные, модели переменной структуры, зонирование.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-189-193>

Введение

Как правило, многие статистические исследования социально-экономических явлений заканчиваются выводами о тенденциях в развитии этих явлений, т. е. представлением прогнозов. Причем достаточно часто прогнозирование является самостоятельной и порой единственной

задачей подобных исследований. Например, анализ рынка жилой недвижимости преследует практически единственную цель – уточнение «справедливой рыночной» цены квартиры для продажи, для определения залога или для целей страхования. Для решения данной задачи успешно применяются эконометрические модели [1].

Построение и оценка классических эконометрических моделей, таких как модель множественной линейной регрессии, требуют соблюдения достаточно жестких исходных предпосылок, таких как гомоскедастичность, независимость регрессоров, нормальное распределение ошибок. Что, как правило, выполняется при анализе однородных данных.

Применение классической модели регрессии для анализа процессов и явлений на пространственно неоднородных территориях может неверно описывать реальную ситуацию. Например, стоимость объектов недвижимости может сильно отличаться в разных районах города.

Поэтому для анализа неоднородных данных используют специальные методы и строят модели, учитывающие специфику данных.

Теоретический анализ

Исходные статистические данные считаются однородными, если все они зарегистрированы при одних и тех же значениях сопутствующих переменных, в противном случае – неоднородными.

Учет территориальной неоднородности может рассматриваться в контексте общей проблемы построения регрессионных моделей по неоднородным данным [1, 2]. Можно отметить два подхода решения проблемы неоднородности. Это выделение тем или иным образом однородных зон или построение моделей переменной структуры, учитывающих имеющиеся неоднородности. Иногда эти подходы совмещаются.

При анализе неоднородной совокупности исходные данные можно разделить на однородные зоны и провести моделирование в каждой из них. При этом однородные совокупности малых объемов не позволят оценить модель, что является существенным недостатком данного подхода. Поэтому для анализа неоднородных

данных применяют регрессионные модели переменной структуры [2]. Разнообразие этих моделей достаточно велико, и выбор модели определяется конкретной ситуацией. Например, принадлежность выделенным зонам можно определять, вводя соответствующие бинарные фиктивные переменные, которые отражают эти различия [3, 4].

Разделение обследуемой территории на зоны связано с задачей выбора размеров и границ зон. Различные решения данной задачи могут оказывать значительное влияние на результаты моделирования. Различают четкие и нечеткие границы. Обычно четкие границы определяются принадлежностью к административному району. Прогнозная модель в этом случае может быть специфицирована следующим образом:

$$y_{i \in M} = \alpha_{0M} + \alpha_{1M} x_{1i \in M} + \alpha_{2M} x_{2i \in M} + \dots + \alpha_{kM} x_{ki \in M} + \varepsilon_{i \in M},$$

где M – номер зоны. В результате получают отличающиеся между собой наборы оценок коэффициентов для каждой зоны. При эмпирическом определении зон произвольное определение границ может приводить к совершенно противоположным результатам в оценках коэффициентов и их ошибочной интерпретации [5]. Поэтому в процессе зонирования используют нечеткие границы. В этом случае оценивается модель вида

$$y_i = \alpha_0(u, v) + \alpha_1(u, v)x_{1i} + \alpha_2(u, v)x_{2i} + \dots + \alpha_k(u, v)x_{ki} + \varepsilon_i.$$

Пара (u, v) определяет местоположение центра зоны. Границы нечеткие, и каждый объект имеет возможность попасть в любую зону с той или иной вероятностью. При этом возникает задача вычисления оптимального размера зон.

Изменения структуры модели могут носить различный характер. Например, значения коэффициентов могут меняться скачкообразно на границах построенных интервалов, как в случае кусочно-линейных или сплайн моделей [1]. Такие модели называют моделями с переключениями, при их построении считают, что момент скачка зависит от значений какой-либо управляющей переменной или происходит в определенный момент времени, и фактор времени является косвенной объясняющей переменной.

Таким образом, кусочно-линейная регрессия может быть представлена в виде системы линейных моделей:

$$y_i^l = \alpha_0^l + \alpha_1^l x_{1i}^l + \dots + \alpha_n^l x_{ni}^l + \varepsilon_i^l, \quad l = \overline{1, r},$$

оцениваемых на каждом сегменте. В случае сплайн-моделей в систему добавляют условия на границах сегментов. Изменения коэффициентов могут иметь и эволюционный характер, обуслов-

ленный постоянными переменными во внешней среде [2]. Модель с эволюционно меняющимися коэффициентами имеет вид

$$y_t = \alpha_0(t) + \alpha_1(t)x_{1t} + \dots + \alpha_n(t)x_{nt} + \varepsilon_t,$$

где коэффициенты модели меняются во времени.

Построение оценок коэффициентов достаточно трудоемко и в общем случае практически невозможно, поэтому выдвигаются предположения о закономерностях их изменения. Например, предполагается, что они являются линейными функциями некоторого внешнего фактора [6]:

$$\alpha_i(t) = \beta_{i0} + \beta_{i1}z_t + u_{it},$$

где β_{i0}, β_{i1} – неизвестные коэффициенты; z_t – известные значения фактора в момент t ; u_{it} – ошибки аппроксимации.

После подстановки коэффициентов получают линейную модель вида

$$y_t = \alpha_0 + \alpha_1 x_{1t} + \dots + \alpha_n x_{nt} + \alpha_{n+1} x_{n+1,t} + \dots + \alpha_{2n+1} x_{2n+1,t} + \xi_t,$$

где $\alpha_0 = \beta_{00}, \alpha_1 = \beta_{10}, \dots, \alpha_n = \beta_{n0}, \alpha_{n+1} = \beta_{01}, \dots, \alpha_{2n+1} = \beta_{n1}, x_{n+1,t} = z_t, x_{n+2,t} = z_t x_{1t}, \dots, x_{2n+1,t} = z_t x_{nt}, \xi_t = \varepsilon_t + u_{0t} + x_{1t} u_{1t} + \dots + x_{nt} u_{nt}$.

В зависимости от свойств ошибок применяют тот или иной метод построения оценок.

Спецификация моделей переменной структуры в пространстве еще больше усугубляет описанные проблемы, так как изменению подвержены уже два параметра – координаты местоположения объектов.

Эти проблемы решаются при использовании метода географически взвешенной регрессии [3, 4], когда применяются методы оптимизации по величине зоны и числу объектов в ней.

Модель географически взвешенной регрессии имеет вид

$$y_i = \beta_0(u_i, v_i) + \sum_k \beta_k(u_i, v_i) \cdot x_{ik} + \varepsilon_i,$$

где (u_i, v_i) – координаты точки $i, i = \overline{1, n}$ и неизвестные коэффициенты зависят от координат. Оценки коэффициентов модели вычисляются в каждой точке, в которой проводились измерения, и также являются функциями координат. В целях выявления местных особенностей используются не все данные, а только «ближайшие соседи». Предполагается, что регрессионные модели для соседних объектов схожи, но могут варьироваться по территории, степень близости объектов учитывается с помощью весов. Матрица весовых коэффициентов вычисляется для местоположения каждого объекта.

Классическую (глобальную) модель можно рассматривать как частный случай географического подхода для ситуации, когда оценки

коэффициентов не меняются при изменении местоположения и остаются постоянными на всей территории.

Вычислительные процедуры при данном подходе достаточно громоздки, теряется наглядность и возможна ситуация, когда оптимальные размеры «скользящей зоны» практически соизмеримы с обследуемой областью, что полностью сглаживает эффект применения этого метода.

Рассмотрим другой подход решения перечисленных проблем при прогнозировании по неоднородным данным [7]. Предлагается использовать классическую модель множественной линейной регрессии, специфицированную по всей обследуемой совокупности, а однородные зоны определять относительно точки (объекта) прогноза. Такой подход позволит избежать многих сформулированных выше проблем, в частности проблемы спецификации модели по малой выборке.

Единая (глобальная) модель, специфицированная по всей обследуемой совокупности, усредняет прогнозируемые значения, сглаживая специфические особенности местности, как, впрочем, и все модели переменной структуры. Такие модели не могут определять экстремальные территориальные особенности, существенно влияющие на цену объекта. Предлагаемый подход лишен этого недостатка и позволяет выявлять подобные ситуации.

Приведем следующий алгоритм построения прогноза с помощью выделения зон однородности и определения на их основе локальных коэффициентов ($K_{\text{лок}}$) коррекции прогноза.

1. Строится классическая модель множественной линейной регрессии по всей обследуемой территории. При этом используются геокодированные данные.

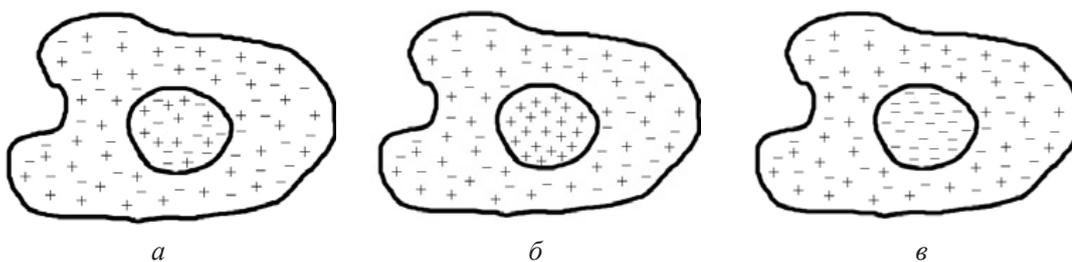
2. Выбирается объект прогнозирования и определяется его местоположение на обследуемой территории.

3. Вокруг объекта определяются «ближайшие соседи», участвовавшие в построении модели, и анализируются модельные «остатки» этих соседних объектов. Число ближайших соседей можно определять из условия пространственной однородности анализируемых остатков.

4. Возможны несколько вариантов значений остатков в выделенной зоне (рисунок): а) остатки внутри зоны имеют однородный характер, как и по всей территории, и вычисление локального коэффициента не повысит точности прогноза; б) остатки внутри зоны имеют преимущественно положительные значения, и необходимо применять повышающий локальный коэффициент; в) остатки внутри зоны имеют преимущественно отрицательное значение, и необходимо применять понижающий локальный коэффициент.

5. Прогнозное значение, вычисленное по глобальной модели, умножается на локальный коэффициент.

Значение локального коэффициента можно рассчитывать, например, как отношение средней, возможно, взвешенной по «близости», стоимости «соседей» к среднему прогнозу, полученному по модели для этих «соседей».

Варианты однородности остатков в зоне
Variants of Homogeneity of Residues in the Zone

Эмпирический анализ

Апробация предложенного метода прогнозирования была проведена на рынке однокомнатных квартир г. Саратова (исходные данные

являются выборкой с сайта <https://kvadrat64.ru/>, полученной в январе 2019 г.). Глобальная модель множественной линейной регрессии имеет вид

$$y = 2928 + 41,3x_1 + 64,1x_2 + 21,4x_3 - 81,2x_4 - 72,1x_5 - 463,1x_6 - 102,2x_7 + 42,3x_8 + 175,4x_9 + 56,1x_{10} - 48,3x_{11} - 99,1x_{12} + 176,2x_{13} - 298,3x_{14}$$

Здесь y – цена квартиры, тыс. руб.; x_1 – жилая площадь, m^2 ; x_2 – площадь кухни, m^2 ; x_3 – дополнительная площадь, m^2 ; x_4 – квартира расположена на первом этаже; x_5 – квартира расположена на последнем этаже; x_6 – дом малой этажности; x_7 – пятиэтажный дом; x_8 – дом выше девяти этажей; x_9 – кирпичный дом; x_{10} – монолитный дом; x_{11} – раздельный санузел; x_{12} – планировка гостиничного типа; x_{13} – планировка студия; x_{14} – логарифм расстояния до центра города, $\ln(m)$. Коэффициент детерминации $R^2 = 0,72$, все факторы статистически значимы на уровне 5%.

Для спецификации модели использовано 95% исходных данных. Из оставшихся 5% данных был выбран объект для расчета прогнозной цены. Прогноз, рассчитанный по модели, равен 1 867 534 руб. Визуально были выделены 18 «ближайших соседей» с положительными остатками (случай б). Значение локального коэффициента равно $K_{\text{лок}} = 1,118$. Исправленное прогнозное значение равно 2 087 903 руб., что всего на 2,9% ниже заявленной в объявлении стоимости квартиры, равной 2 150 000 руб.

Результаты

Предложенный метод прогнозирования цены жилой недвижимости по неоднородным исходным данным позволяет избежать ряда существенных проблем, возникающих при использовании известных подходов, связанных с зонированием обследуемой территории и построением моделей переменной структуры.

Так как модель оценивается по совокупности данных, то учитываются все ценообразующие факторы, потеря значимости которых возможна при локализации обследуемой территории.

Анализ остатков глобальной модели в зоне положения объекта прогнозирования позволяет учитывать специфические особенности вли-

яния территории на цену недвижимости, что, как правило, сглаживается в других случаях.

Апробация метода по эмпирическим данным позволила получить удовлетворительный результат по прогнозу.

Хотя еще некоторые вопросы не нашли окончательного ответа, например, критерий оптимального размера зоны однородности и число «ближайших соседей» или способ расчета локального коэффициента – по стоимости объектов или стоимости квадратного метра, тем не менее, данный метод можно считать некоторой техникой оценивания объектов жилой недвижимости, достаточно близкой к построению оценок по «аналогам», используемым в оценочной практике, но основанным на массовой оценке.

Список литературы

1. Эконометрика : учебник / под ред. В. С. Мхитаряна. М. : Проспект, 2009. 384 с.
2. Айвазян С. А., Мхитарян В. С. Прикладная статистика и основы эконометрики. М. : ЮНИТИ, 1998. 1000 с.
3. Fotheringham A. S., Brunsdon C., Charlton M. Geographically Varying Relationships. University of Newcastle, UK : John Wiley & Sons Ltd, 2002. 284 p.
4. Балаш О. С., Харламов А. В. Эконометрическое моделирование пространственных данных. Саратов : Научная книга, 2010. 112 с.
5. Appleton D. R., French J. M., Vanderpump M. P. Ignoring a Covariate : An Example of Simpson's Paradox // The American Statistician. 1996. Vol. 50, iss. 4. P. 340–341.
6. Anselin L. Spatial Externalities, Spatial Multipliers and Spatial Econometrics // International Regional Science Review. 2003. Vol. 26, iss. 2. P. 153–166.
7. Харламов А. В. Применение пространственного коэффициента при прогнозировании по геокодированным данным // Математическое и компьютерное моделирование в экономике, страховании и управлении рисками : материалы VII Междунар. молод. науч.-практ. конф. Саратов : Научная книга, 2018. С. 157–160.

Образец для цитирования:

Харламов А. В. О статистическом методе построения прогноза цены недвижимости по неоднородным данным // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 189–193. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-189-193>

The Statistical Method of Constructing a Forecast for the Real Estate Price Using Heterogeneous Data

A. V. Harlamov

Alexander V. Harlamov, <https://orcid.org/0000-0002-1709-6518>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, harlamovav@info.sgu.ru

Introduction. The article deals with the issues of constructing forecasts in the real estate market using heterogeneous data. Establishing a “fair” price of housing is an urgent task for collateral assigning, for insurance purposes, for determining the investment projects effectiveness, etc. To solve this problem, econometric pricing models are used, which are specified for the entire surveyed population. In case of significant heterogeneity of the surveyed population, the predictions obtained from these

models may contain significant errors. **Theoretical analysis.** Now, there is a variety of methods and models for the analysis of heterogeneous, spatially distributed data. Population zoning or a variable structure model is used to overcome data heterogeneity. It is connected with a number of problems. An overview of the approaches that implement these methods is given, their advantages and disadvantages are listed. A new method for constructing homogeneity zones, based on the results of the global model estimates building, is proposed to improve the forecast quality. The corresponding algorithm for calculating the local correction factor is described, which makes it possible to correct the global model forecast. **Empirical analysis.** To demonstrate the effectiveness of the proposed method in action, a forecast for the real estate price, based on the empirical data of the regional real estate market, was calculated, and an analysis of the forecast results was given. **Results.** The proposed new method for determining homogeneity zones based on the results of forecasts using the local correction calculation makes it possible to avoid a number of problems arising from the use of other approaches and represents an effective forecasting tool.

Keywords: spatial modeling, heterogeneous data, geocoded data, variable structure models, zoning.

References:

1. *Ekonometrika* [Econometrics. Ed. by V. S. Mkhitarian]. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 384 p. (in Russian).
2. Aivazian S. A., Mkhitarian V. S. *Prikladnaia statistika i osnovy ekonometriki* [Applied Statistics and the Basics of Econometrics]. Moscow, IuNITI Publ., 1998. 1000 p. (in Russian).
3. Fotheringham A. S., Brunson C., Charlton M. *Geographically Weighted Regression the Analysis of Spatially Varying Relationships*. University of Newcastle, UK, John Wiley & Sons Ltd, 2002. 284 p.
4. Balash O. S., Kharlamov A. V. *Ekonomtricheskoe modelirovanie prostranstvennykh dannykh* [Econometric Modeling of Spatial Data]. Saratov, Nauchnaia kniga Publ., 2010. 112 p. (in Russian).
5. Appleton D. R., French J. M., Vanderpump M. P. Ignoring a Covariate: An Example of Simpson's Paradox. *The American Statistician*, 1996, vol. 50, iss. 4, pp. 340–341.
6. Anselin L. Spatial Externalities, Spatial Multipliers and Spatial Econometrics. *International Regional Science Review*, 2003, vol. 26, iss. 2, pp. 153–166
7. Kharlamov A. V. Primenenie prostranstvennogo koefitsienta pri prognozirovanii po geokodirovannym dannym [Applying of Spatial Coefficient in Geocoded Data Forecast]. In: *Matematicheskoe i komp'iuternoe modelirovanie v ekonomike, strakhovanii i upravlenii riskami: materialy VII Mezhdunar. molod. nauch.-prakt. konf.* [Mathematical and Computer Modeling in Economics, Insurance and Risk Management: Proceedings of the VII Intern. young sci.-pract. conf.]. Saratov, Nauchnaia kniga Publ., 2018, pp.157–160 (in Russian).

Cite this article as:

Harlamov A. V. The Statistical Method of Constructing a Forecast for the Real Estate Price Using Heterogeneous Data. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 189–193 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-189-193>

ПРАВО

УДК 342.92

Заслуга как социально-правовое явление и понятие: определение, материальные и юридические признаки (Часть 1)

О. Ю. Кокурина

Кокурина Ольга Юрьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры сравнительной политологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, info@polit.msu

Введение. Статья посвящена рассмотрению природы и содержания понятия «заслуга» в наградном праве. **Обсуждение.** Предпринята попытка определить сущность заслуги, которая представляет собой совокупность признаков, на основе которой заслуга выступает как самостоятельное социально-правовое явление. Исследованы основные и дополнительные, социальные и юридические признаки заслуги, введено понятие мета-модели заслуженного поведения. Сформулировано определение заслуги, как предусмотренного законодательством общественно полезного деяния, выступающего основанием для применения позитивной санкции, содержанием которой является правовое поощрение (награждение государством). **Заключение.** Представлены характерные свойства и дано определение понятия «заслуга» в контексте единства правового и социального, формального и материального аспектов этого социально-правового явления наградного института. Отмечена перспективность дальнейшей теоретической разработки юридической конструкции «структура заслуги» как квалифицирующего инструмента наградного права.

Ключевые слова: заслуга, награда, наградное право, поощрение, признаки заслуги, структура заслуги.

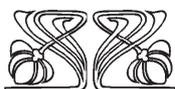
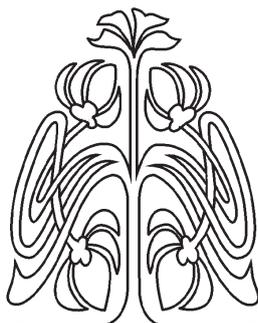
DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-194-199>

Введение

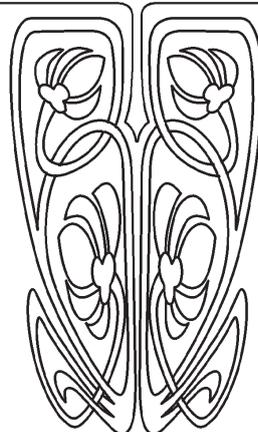
Понятие заслуги является одной из основных категорий наградного права, которое призвано изучать отклоняющееся в положительную сторону поведение людей – заслуженное поведение, т.е. проявление правомерного социально активного поведения людей в социальном мире. Для характеристики такого рода социально-правовых явлений в российском законодательстве употребляется термин «заслуга».

Исследователи проблем наградного права считают неудовлетворительным теоретический уровень изучения явления «заслуга». Следует признать, что единого подхода к его трактовке в научной литературе до сих пор не выработано. Хотя сам термин «заслуга» и словосочетания с ним наличествуют в правовых актах, в них отсутствует унифицированное законодательное определение этого понятия [1, с. 36; 2, с. 3–4; 3, с. 21]. В частности, в трудовом законодательстве Российской Федерации (Трудовом кодексе РФ, иных нормативных правовых актах, содержащих нормы трудового права), а также в «коллективных договорах, соглашениях и локальных нормативных актах, содержащих нормы трудового права, определения понятия “трудовая заслуга” не имеется» [4, с. 318].

Между тем теоретическая концепция заслуги, понимание ее сопряжения с правовым поощрением и наградой во многом предопределяют как основания, так и содержание институтов наградного права.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Исходя из концепции позитивных средств правового регулирования, можно предложить следующую общую схему, задающую место и роль заслуги в механизме действия наградного права:

- заслуга – конкретный правомерный поведенческий акт, социально значимая полезная деятельность (деяние) человека [5, с. 24; 6, с. 363];

- диспозиция поощрительной (наградной) нормы есть законодательное понятие (модель) заслуги;

- основанием позитивной ответственности и применения позитивной санкции является совершение лицом деяния, содержащего все признаки заслуги, предусмотренные поощрительной (наградной) нормой права;

- в случае совершения предусмотренной законодательством заслуги поощрительная (наградная) норма обеспечивает возможность применения определенной позитивной ответственности – позитивной санкции в форме того или иного правового поощрения или награды государства.

Насколько вышеприведенная схема верно отражает социальную реальность и насколько верно последняя изложена в тексте наградного законодательства? Если заслуга есть общественно полезное деяние, то вполне логичным будет вывод, что оно начинает существовать уже тогда, когда в жизни общества возникают случаи социально полезного поведения. Но, появившись, возникнув, они не всегда именовались и именуется заслугами. Те или иные полезные деяния приобретают статус «заслуги» только тогда, когда появляются юридические средства поощрения, когда в законе устанавливаются позитивные санкции, содержание которых – поощрения и награды за совершение заслуг. Так, может быть, явление заслуги начинает существовать только с момента создания поощрительной (наградной) нормы права?

По мере постановки новых вопросов становится ясной необходимость более детального анализа понятия и определения явления заслуги. Следует определиться с широко употребляемым в обиходном языке и в правоприменительной деятельности термином «заслуга» с учетом его устойчивости и однозначности как понятия юридической науки.

Как и всякое явление природы или социума, заслуга имеет свою сущность и характеризуется определенными признаками, представляющими существенные стороны данного явления. Поскольку законодательное определение понятия заслуги отсутствует, признаки этого правового явления могут быть выяснены на основе научного анализа.

Достаточно точно и полно понять явление мы можем только тогда, когда выявим его сущность.

Причем идеальное определение любого явления должно исходить из совокупности таких признаков, которые приносят достаточную ясность в понимание сущности явления.

Сущность заслуги представляет собой совокупность признаков, на основе которой заслуга выступает как самостоятельное социальное явление. В качестве существенных признаков заслуги учеными предлагались: социальная полезность, правомерность, добровольность, желательность, предусмотренность законодательством, поощряемость и некоторые другие характеристики.

Обсуждение

1. Социальный признак заслуги

Характеризуя заслугу, многие исследователи проблем наградного права отмечают ее социальное качество – высокую полезность, позитивную значимость для общества. Так, для О. М. Киселевой «общим фактическим основанием для применения любых поощрительных санкций выступает *социально полезное заслуженное поведение*» [7, с. 116]. А. В. Краснов отмечает, что заслуженное или, как он пишет, специально поощряемое поведение «отклоняется в положительную сторону, в сторону большей *социальной полезности, значимости*» [8, с. 160–161]. А. Ю. Соколов и О. А. Лакаев считают добровольное заслуженное поведение, направленное на достижение *полезного* для общества и государства результата, фактическим основанием для применения поощрительной санкции [9, с. 261]. Как *общественно полезный* поступок работника, характеризует трудовую заслугу Е. В. Типикина [10, с. 137].

Наличие общественной полезности, пользы – качественный признак заслуги. Он выражает материальную сущность заслуги и объясняет, почему то или иное деяние признается заслугой. Общественную полезность, социальную пользу можно считать материальным признаком заслуги, заслуженного поведения, определяющим их социальную сущность. То есть социальная сущность заслуги раскрывается в полезном для общества поведении.

Признак общественной полезности означает, что деяние принесло или приносит пользу позитивным общественным отношениям. Общественная полезность является объективным свойством заслуги. Заслуга приносит пользу общественным отношениям независимо от сознания и воли законодателя, потому что по своей внутренней сущности способствует и содействует позитивному развитию общества и государства, укрепляет основы существования социума. В этой связи важная задача законодателя состоит в том, чтобы правильно оценить условия жизни общества на данном этапе и принять решение об отнесении той или иной группы деяний к числу заслуг.

Заслугами являются деяния, полезные для личности, общества и государства. Общественная полезность заслуги раскрывается путем указания на социальные ценности, общественные отношения и объекты, которые следует укреплять и развивать. Например, согласно действующему Положению о государственных наградах РФ, общественно полезными признаются заслуги в сферах «государственного строительства, экономики, науки, культуры, искусства, просвещения», «укрепления законности», «охраны здоровья и жизни», «защиты прав и свобод граждан», «воспитания», «защиты Отечества и обеспечения безопасности государства» и др. [11].

Однако характеристика заслуги как общественно полезного деяния не исчерпывается только указанием ценностей, отношений и объектов, укреплению которых она содействует. Это лишь одна из существенных сторон характеристики общественной полезности.

Общественная полезность может зависеть от особенностей самого общественно полезного деяния – места, времени, способа, обстановки его совершения, – обстоятельств, существенно влияющих на степень общественной полезности этой заслуги. Например, медалью «За спасение погибавших» граждане награждаются за «спасение людей во время стихийных бедствий, на воде, под землей, при тушении пожаров и при других обстоятельствах, сопряженных с риском для жизни» [11]. Орденом «Родительская слава» награждаются родители, которые «воспитывают или воспитали семерых и более детей» [11].

При наступлении тех последствий, которые указаны в диспозиции (гипотезе) поощрительной (наградной) нормы, деяние, по мнению законодателя, будет иметь свойство общественной полезности (пользы). Характер этих последствий, позволяющих отнести деяние к числу заслуг, может быть описан по-разному. Иногда последствия четко определены: «проведение боевых операций по защите Отечества при нападении внешнего противника, завершившихся полным разгромом врага» (Статут ордена Святого Георгия) [11]. В других случаях характер последствий деяния служит основанием для выделения различных по своей общественной пользе заслуг. Например, «выдающиеся заслуги» выступают основанием для награждения орденом Святого апостола Андрея Первозванного; «особые личные заслуги» – для награждения орденом Александра Невского. «Подвиги и отличия» служат основанием для награждения знаком отличия Георгиевский Крест; «личное мужество и отвага» – медалью Суворова; «заслуги» – медалью Пушкина; «личные заслуги» – почетным званием «Заслуженный архитектор» [11].

Следует также отметить, что социальная характеристика личности также может оказывать влияние, но не на степень общественной полезности деяния, а лишь на индивидуализацию выбора варианта поощрения или награды за заслуженное поведение.

Хотя в наградном законодательстве не нашел формального отражения принцип высокой социальной значимости заслуги, в правоприменительной практике, как правило, не признаются заслугами правомерные действия, хотя формально и содержащие признаки какого-нибудь, предусмотренного наградным (поощрительным) законодательством деяния, но приносящие малозначимую пользу для общества. Общественная полезность таких деяний невелика и несущественна, а характер и степень принесения пользы личности, обществу, государству не дают оснований признать совершенное деяние заслугой, достойной награждения.

Раскрывая содержание характера общественной полезности деяний, следует отметить, что он определяется позитивными общественными ценностями, социальными отношениями, а также значимостью полученной общественной пользы. В зависимости от значимости, которую законодатель придает общественным ценностям и отношениям, законодательные модели заслуг расположены в статутах и положениях о государственных наградах не произвольно, а упорядоченно, в соответствии с их иерархией в государственной наградной системе.

Количественная сторона общественной полезности принимается во внимание, например, при характеристике заслуг, предусмотренных для одноименных государственных наград, или, в случае однотипных заслуг, с учетом иерархии соответствующих наград. Степень общественной полезности заслуги, являясь ее количественной характеристикой, способствует сравнительному анализу заслуг одного и того же вида, одного и того же характера. Иными словами, степень общественной полезности позволяет отграничивать друг от друга одинаковые по характеру общественной полезности заслуги. Например, награждение орденом «За заслуги перед Отечеством» по мере возрастания социальной значимости «особо выдающихся заслуг» «осуществляется последовательно от низшей степени к высшей» – от IV степени к I степени ордена [11].

От характера и степени общественной полезности зависит категория заслуги, которая принимается во внимание при ее квалификации как основания для награждения. Окончательное выражение характер и степень общественной полезности деяния находят в позитивной санкции, предусматривающей присуждение той или иной награды государства. Чем выше характер и

степень общественной полезности, тем более высокого ранга государственная награда выступает содержанием санкции наградной нормы.

В общественной полезности позитивных деяний можно выделить качественную и количественную сторону. При этом характер общественной полезности можно назвать качественной характеристикой заслуги, а степень – количественной. Согласно действующему Положению о государственных наградах, «вид награды определяется характером и степенью заслуг награждаемого» [11], которые должны соответствовать статутам и положениям о наградах. По сути, именно по характеру и степени общественной полезности заслуги отличаются друг от друга.

Качественная характеристика общественной полезности (характер общественной полезности) определяется направленностью заслуженного деяния на то или иное общественное отношение, социальный объект или общепризнанную ценность. Характер в одном из значений в русском языке определяется как отличительное свойство, особенность, качество чего-нибудь [12, с. 847]. Характер заслуги – это типовая характеристика социальной полезности определенных видов заслуг. Например, «исключительные заслуги, способствующие процветанию, величию и славе России», предусмотренные статутом ордена Святого апостола Андрея Первозванного, по своему характеру и замыслу несут более значимую общественную пользу, нежели, скажем, узкоспециализированные заслуги «в развитии топографо-геодезического и картографического производства» (Положение о почетном звании «Заслуженный работник геодезии и картографии Российской Федерации») [11].

В целом, общественная полезность выступает критерием, с помощью которого законодатель и правоприменитель дифференцируют правомерные социально активные деяния, по их характеру и степени, на заслуги конституционно-правового, административно-правового, муниципального и дисциплинарного уровня.

2. Юридический признак заслуги

Не всякое полезное деяние можно считать заслугой. То или иное человеческое поведение по мере происходящих в социальной жизни изменений может приобрести или, напротив, потерять свой общественно значимый характер.

Отсюда вполне обоснованно можно заключить, что общественная полезность сама по себе не полностью определяет существование явления заслуги, и потому его сущность не может быть сведена только к общественной пользе. Как же и когда общественно полезное деяние превращается в заслугу?

На этот вопрос в определенной степени отвечает другой необходимый признак заслуги, нормативный – предусмотренность в качестве заслуги той или иной модели позитивного деяния в наградном законодательстве. То есть юридическая природа понятия заслуги выражается в формальном (законодательном) обозначении в диспозициях поощрительных (наградных) норм определенных признаков деяния как заслуги – «нет заслуги без указания на нее в законодательстве» (по аналогии с принципом уголовного права – «нет преступления без указания на то в законе» [13, с. 23]).

Признание деяния заслугой не является произвольным. Из всей массы человеческих поступков законодатель призван выделить те, которые наиболее полезны для общества и государства на данной ступени исторического развития. Например, в 90-е гг. XX в. трудовые заслуги не были специально указаны в качестве оснований для присуждения государственных наград РФ лицам трудовых профессий. Определенное внимание государства к поощряемой трудовой деятельности проявилось в 2000-е гг. при учреждении новых государственных наград, таких как медали «За труды по сельскому хозяйству», «За развитие железных дорог», и установлении высшей степени отличия – звания «Герой труда Российской Федерации». В положениях об этих наградах государства в качестве оснований для их правоприменения предусмотрены признаки трудовых заслуг, связанные с высокими достижениями в труде, с так называемым «сверхисполнением» трудовых обязанностей.

Прерогативой законодателя является также разграничение в законе заслуг и обычного правомерного поведения, не представляющего желательной степени общественной пользы. Возможны также ситуации, когда в правосознании людей определенные деяния представляются общественно полезными, однако законодатель не признает их в качестве заслуги. Только с момента отнесения какой-либо группы деяний к заслуженным, издания соответствующего закона такого рода деяния могут считаться заслугами, а у государства появляется возможность стимулировать подобные деяния средствами позитивной ответственности.

Например, в связи с необходимостью стимулировать инновационные процессы в экономике страны такие деяния, как «крупный вклад в технический прогресс», «многолетняя плодотворная изобретательская деятельность», стали признаваться заслугами и юридическим основанием для присвоения заслуженному лицу установленного в 2012 г. почетного звания «Заслуженный изобретатель Российской Федерации» [14].

В свою очередь, лишь после отмены в установленном порядке наградной (поощрительной)

правовой нормы предусмотренное в ней то или иное деяние перестает быть заслугой.

Указанные процессы напрямую связаны с правотворчеством, проблемами обоснованности вводимых норм в сфере наградного права. Законодателю следует избегать как пробельности в наградном законодательстве – когда признаваемые значимыми для общества полезные деяния не находят своего нормативного закрепления, так и избыточности (перегруженности) наградного законодательства, при которой происходит дублирование одинаковых заслуг и могут возникать ненужные правовые коллизии. Такого рода правотворческие инициативы можно было бы именовать процессами премиализации и депремиализации (от лат. *premium* – премия, награда) – т.е. установления и, соответственно, устранения в законодательстве заслуг определенного вида и характера.

Заключение

Таким образом, предусмотренность позитивного деяния в нормах наградного права и его социально значимая полезность являются основными и взаимосвязанными признаками заслуги. Заслугой признается только такое деяние, которое предусмотрено наградным законодательством. В то же время законодатель устанавливает в качестве заслуги лишь деяния, обладающие значимым характером и степенью общественной полезности. Нормы наградного права предусматривают такие качество и степень общественной полезности, которые придают деянию характер наиболее желательного для общества поведения – заслуги. Только при совершении заслуги возможно применение самой высшей формы государственного поощрения – удостоверение субъекта государственной награды.

Согласно теоретическим воззрениям юридической науки, предусмотренность нормами наградного (поощрительного) права – закрепленность признаков позитивного деяния в наградном законодательстве, наличие внешней, словесно выраженной формы, определяющей существенные признаки заслуги, – следует считать формальным признаком заслуги. В свою очередь, общественная полезность – материальный признак заслуги, поскольку он призван ответить на вопрос, почему из всей массы возможных поступков законодатель закрепил в диспозициях норм наградного права именно те, которые указаны в наградном (поощрительном) законодательстве. Это сделано потому, что такие деяния общественно полезны.

В итоге рассмотрения основных признаков, характеризующих заслугу, можно сформулировать краткое предварительное определение этого правового явления с позиции его сущности:

Заслугой является полезное для личности, общества, государства деяние, предусмотренное наградной (поощрительной) нормой права.

Конечно, выделение только двух основных признаков заслуги – формального (нормативного) и материального – в определенной степени является условным. Исследователи наград и поощрений выделяют целый ряд иных признаков заслуги, одни из которых не носят самостоятельного характера в рамках наградного права, другие же могут служить дополняющими характерными чертами заслуженного поведения.

(Окончание в следующем выпуске)

Список литературы

1. Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. 148 с.
2. Малько А. В. Юридические поощрительные санкции // Атриум. Сер. «Юриспруденция». Вып. 6. Тольятти, 1996. С. 3–7.
3. Киселева О. М. Поощрение как метод правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 38 с.
4. Титкина Е. В. Поощрительные санкции в трудовом праве // Поощрительные санкции в праве : общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2016. С. 312–328.
5. Малько А. В. Заслуга как юридическая категория // Новая правовая мысль. 2004. № 1. С. 22–25.
6. Бахрах Д. Н. Административное право России. М., 2000. 640 с.
7. Киселева О. М. Виды поощрительных санкций // Поощрительные санкции в праве : общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2016. С. 92–132.
8. Краснов А. В. Правовые санкции в экономической сфере : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1999. 188 с.
9. Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Поощрительные санкции в административном праве // Поощрительные санкции в праве : общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2016. С. 261–276.
10. Титкина Е. В. Заслуга как основание для применения поощрения в сфере правового регулирования трудовых отношений // Теоретичні засади та практика реалізації правової політики : Міжнародна науково-практична конференція (м. Запоріжжя, 26.12.2013 р.). Запоріжжя, 2013. С. 135–139.
11. О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации : указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (ред. от 15.09.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 37, ст. 4643.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1970. 900 с.
13. Баумштейн А. Б. Концептуальные начала современного российского уголовного права. М., 2014. 168 с.
14. Об установлении почетного звания «Заслуженный изобретатель Российской Федерации» (вместе с «Положением о почетном звании “Заслуженный изобретатель Российской Федерации”») : указ Президента РФ от 24.10.2012 № 1436 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 44, ст. 5996.

Образец для цитирования:

Кокуркина О. Ю. Заслуга как социально-правовое явление и понятие: определение, материальные и юридические признаки (Часть 1) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 194–199. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-194-199>

Merit as a Social and Legal Phenomena and Concept: Definition, Material and Legal Attributes (Part 1)

O. Yu. Kokurina

Olga Yu. Kokurina, <https://orcid.org/0000-0001-9527-5848>, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia, info@polit.msu

Introduction. The article is devoted to the consideration of the nature and content of the concept of «merit» in premium law. **Discussion.** The author of the article has attempted to determine the essence of merit, which is a combination of attributes, on the basis of which merit acts as an independent socio-legal phenomenon. The main and additional social and legal features of merit were investigated, the concept of a meta-model of meritorious behavior was introduced. The definition of merit is formulated as a socially useful act provided for by law, which serves as the basis for applying a positive sanction, the content of which is legal encouraging (awarding by the state). **Conclusion.** The paper presents the characteristic properties and defines the notion of «merit» in the context of the unity of the legal and social, formal and material aspects of this socio-legal phenomenon of the premium institution. The perspective of further theoretical development of the legal «structure of merit» as a qualifying instrument of premium law is noted.

Keywords: attributes of merit, award, encouraging, merit, premium law, structure of merit.

References

1. Baranov V. M. *Pooschritel'nye normy sovetskogo sotsialisticheskogo prava* [Encouraging Norms of Soviet Socialist Law]. Saratov, 1978. 148 p. (in Russian).
2. Mal'ko A. V. Yuridicheskie pooschritel'nye sanktsii [Legal Encouraging Sanctions]. *Atrium. Ser. «Jurisprudence»*. Iss. 6. Tolyatti, 1996, pp. 3–7 (in Russian).
3. Kiseleva O. M. *Pooschrenie kak metod pravovogo regulirovaniya* [Encouragement as a Method of Legal Regulation]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2000. 38 p. (in Russian).
4. Tipikina E. V. Pooschritel'nye sanktsii v trudovom prave [Encouraging Sanctions in Labor Law]. In: *Pooschritel'nye sanktsii v prave: obshcheteoreticheskiy i otraslevoy aspekt* [Encouraging Sanctions in Law: General Theoretical and Sectoral Aspects. Ed. by N. I. Matuzov, A. V. Malko]. Moscow, 2016, pp. 312–328 (in Russian).
5. Mal'ko A.V. Zasluga kak yuridicheskaya kategoriya [Merit as a Legal Category]. *Novaya pravovaya mysl'* [New Legal Thought], 2004, no. 1, pp. 22–25 (in Russian).
6. Bakhrah D. N. *Administrativnoe pravo Rossii* [Administrative Law of Russia]. Moscow, 2000. 640 p. (in Russian).
7. Kiseleva O. M. Vidy pooschritel'nykh sanktsiy [Types of Encouraging Sanctions]. In: *Pooschritel'nye sanktsii v prave: obshcheteoreticheskiy i otraslevoy aspekt* [Encouraging Sanctions in Law: General Theoretical and Sectoral Aspects. Ed. by N. I. Matuzov, A. V. Malko]. Moscow, 2016, pp. 92–132 (in Russian).
8. Krasnov A. V. *Pravovye sanktsii v ekonomicheskoi sfere* [Legal Sanctions in the Economic Sphere]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Kazan, 1999. 188 p. (in Russian).
9. Sokolov A. Yu., Lakayev O. A. Pooschritel'nye sanktsii v administrativnom prave [Encouraging Sanctions in Administrative Law]. In: *Pooschritel'nye sanktsii v prave: obshcheteoreticheskiy i otraslevoy aspekt* [Encouraging Sanctions in Law: General Theoretical and Sectoral Aspects. Ed. by N. I. Matuzov, A. V. Malko]. Moscow, 2016, pp. 261–276 (in Russian).
10. Tipikina E. V. Zasluga kak osnovanie dlya primeneniya pooschreniya v sfere pravovogo regulirovaniya trudovykh otnosheniy [Merit as a Basis for Applying Encouragements in the Sphere of Legal Regulation of Labor Relations]. In: *Teoretichni zasady ta praktika realizatsii pravovoi politiki: Mizhnarodna naukovopraktichna konferentsiya* (m. Zaporizhzhya, 26.12.2013 r.). Zaporizhzhya, 2013, pp. 135–139 (in Russian).
11. On Measures to Improve the State Award System of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation of September 7, 2010 no. 1099 (an edition of September 15, 2018). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2010, no. 37, art. 4643 (in Russian).
12. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian Dictionary]. Moscow, 1970. 900 p. (in Russian).
13. Baumshteyn A. B. *Kontseptual'nye nachala sovremennoy rossiysskogo ugolovnoy prava* [Conceptual Origins of Modern Russian Criminal Law]. Moscow, 2014. 168 p. (in Russian).
14. On the Establishment of the Honorary Title “Honored Inventor of the Russian Federation” (Along with the “Regulations on the Honorary Title «Honored Inventor of the Russian Federation»”). Decree of the Russian President of 24.10.2012 no. 1436. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2012, no. 44, art. 5996 (in Russian).

Cite this article as:

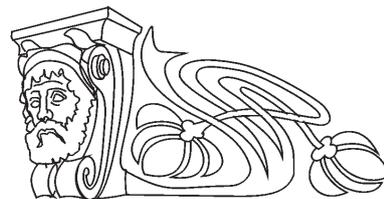
Kokurina O. Yu. Merit as a Social and Legal Phenomena and Concept: Definition, Material and Legal Attributes (Part 1). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 194–199 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-194-199>

УДК 34

Трансформация права под воздействием цифровых технологий: новые требования к подготовке юристов

Р. В. Амелин, С. Е. Чаннов

Амелин Роман Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ame-roman@yandex.ru

Чаннов Сергей Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов; профессор кафедры таможенного, административного и финансового права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sergeychannov@yandex.ru

Введение. В статье рассматривается как развитие технологий уже влияет и может повлиять в будущем на процессы правоприменения и правотворчества и каких изменений это потребует в подготовке юристов. **Теоретический анализ.** Уже в настоящее время использование современных цифровых технологий в сфере публичного управления влечет за собой возникновение ряда проблем, связанных с негибкостью машинного регулирования, а также неизбежными ошибками в функционировании этих технологий. При этом с юридической точки зрения имеется разрыв между нормативными актами и технологиями, которые опосредуют их применение. Авторы предполагают, что в перспективе этот разрыв может и должен быть преодолен, что повлечет переход к технологическому методу правового регулирования. Это, в свою очередь, потребует принципиально новых компетенций от юристов. **Эмпирический анализ.** На пути перехода к технологическому методу регулирования предстоит пройти несколько важных этапов трансформации права: 1) признание государством (государствами) криптовалют и/или иных ценностей, обладание которыми подтверждается исключительно записями в блокчейне; выработка правовых норм, регулирующих их обращение; 2) полная интеграция (или отражение) процессов, протекающих в реальном мире, с данными в информационных системах; 3) трансформация нормативных актов в электронную форму, придание им свойств самоисполнимости.

Результаты. Делается вывод о потенциальном переходе как правотворчества, так и правореализации преимущественно к электронной форме, что, в частности, потребует разработки юридически ориентированного языка программирования для записи правовых норм. Это, в свою очередь, объективно приведет к тому, что необходимыми компетенциями для выпускников юридических направлений и специальностей станут знание информационных технологий, их правового регулирования, а также основ программирования юридических документов.

Ключевые слова: цифровые технологии, трансформация права, смарт-контракты, информационные системы, языки программирования.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-200-204>

Введение

В последние годы в Российской Федерации все чаще на самых различных уровнях заходит речь о преимуществах цифровизации, необходимости построения цифровой экономики и т.п. Безусловно, цифровые технологии неизбежно меняют нашу жизнь, хотя и с оговорками, в лучшую сторону. В то же время тотальная цифровизация общества несет и определенные риски. О них обычно упоминается гораздо меньше, а если речь и заходит, то в основном в аспекте, который можно было бы назвать организационно-технологическим. Внимание в его рамках акцентируется на хакерских атаках, киберпреступности в целом, угрозах критической информационной инфраструктуры и т.п., т. е., по сути, речь идет об обеспечении информационной безопасности. Все это, безусловно, верно, однако нам хотелось бы обратить внимание на другой аспект рисков цифровизации, который можно обозначить как организационно-правовой.

Теоретический анализ

Уже при том уровне включения информационных технологий в общественные процессы и, в частности, в сферу государственного управления, который мы имеем в настоящее время, нередко возникают проблемы, обусловленные тем, что «машинное» управление (т. е. управление посредством информационных технологий и информационных систем) является гораздо более формализованным, чем используемое до их массового внедрения. Между тем жизнь многогранна и нередко входит в противоречие с заложенными алгоритмами управления. Пока эти алгоритмы (в форме административных процедур, административных регламентов и т.п.) осуществлялись преимущественно людьми, как правило, существовала возможность отступить от них, если это было обусловлено потребностями публичного управления, необходимостью должной реализации и защиты прав и свобод граждан. Использование современных цифровых технологий зачастую уже таких возможностей не дает.

Разумеется, в каждом конкретном случае можно говорить об ошибках, допущенных при создании информационных систем органов вла-

сти, и о том, что если функционал такой системы не соответствует требованиям законодательства, то это должно быть исправлено. Но необходимо понимать, что разработка любой более или менее сложной программы (а технологии, используемые в государственном управлении, становятся все сложнее) – это очень трудоемкий и, самое главное, многоэтапный процесс, в котором, как правило, задействовано много людей. И урегулировать на уровне закона, или подзаконного акта, или даже технического задания все случаи, выходящие за рамки обычных, очень затруднительно, а порой и невозможно.

Как известно, «исполнительно-распорядительная деятельность, как и всякая иная публично-властная деятельность, невозможна без определенного пространства свободного усмотрения должностных лиц (административное усмотрение)» [1, с. 79]. Современные цифровые технологии свободу этого усмотрения уменьшают. С одной стороны, это хорошо, поскольку любая возможность государственного чиновника действовать по усмотрению – это потенциальный коррупциогенный фактор. Однако в ряде случаев возможность действовать по усмотрению все же необходима – так как жизнь не всегда вписывается в жестко ограниченные рамки.

Не следует также забывать, что наука о тестировании программного обеспечения имеет в качестве одного из постулатов то, что ошибки в программном обеспечении можно выявить, но доказать их отсутствие невозможно. При этом статистика утверждает, что в среднем программа содержит одну ошибку на 1000 строк кода. Таким образом, ошибки в программном обеспечении – в определенном смысле неизбежность: можно уменьшить их количество, но исключить вообще нельзя. Соответственно, современные цифровые технологии, используемые в сфере публичного управления, могут содержать неочевидные, проявляющиеся в весьма специфических случаях, расхождения с правовыми документами, которые они автоматизируют.

Мы уже сталкиваемся с ситуациями, когда используемая в управлении технология напрямую влияет на осуществление прав граждан и организаций. При этом программный алгоритм *de-facto* становится выше закона, или, как писал американский исследователь Лоренс Лессиг еще в конце XX в., «технические коды в кибернетическом пространстве в некоторой степени стали заменять законы реального мира... Они позволяют более ловко и изворотливо регулировать и дисциплинировать участников и являются инструментом, способным благоприятно заменять другие способы регулирования» [2, с. 507–508].

В перспективе нельзя исключать, что при сохранении существующих тенденций правом, действительно, станет именно алгоритм (программный код). Собственно, в отдельных случаях это уже имеет место: к примеру, смарт-контракты – это правовые документы, которые изначально создаются в форме программ. Вполне вероятно, что при сохранении существующих темпов внедрения цифровых технологий в нашу жизнь вся сфера правотворчества будет осуществляться путем разработки и утверждения различных программ. Смарт-контракт – это самоисполнимый договор. Что мешает в потенциале появлению самоисполнимых нормативных актов в форме тех же государственных информационных систем (или более современных технологий, которые придут им на смену)? Таким образом может быть преодолен разрыв между нормативным актом, регулирующим конкретный круг общественных отношений, и технологией, которая обеспечивает его исполнение.

Уже сегодня законодатель часто не успевает за новыми технологиями и возникающими с их использованием общественными отношениями. Представляется, что на определенном этапе сама такая гонка может стать бессмысленной – и тогда уже можно будет не в теории, а на практике говорить о переходе к технологическому методу правового регулирования.

Помимо прочих последствий, подобное развитие событий потребует и коренного пересмотра подходов к подготовке специалистов в области юриспруденции. В настоящее время юрист (собственно, как и практически любой «беловоротничковый» специалист) должен в той или иной мере владеть навыками работы с компьютерной техникой. Появление смарт-контрактов требует от той части юристов, которая специализируется в соответствующей области, уже даже не просто понимания принципов блокчейн-технологий, а – желательно – умения читать алгоритмы программных кодов, т. е. знаний основ программирования. В противном случае такой юрист оказывается заложником специалиста в области программного обеспечения, который может случайно, в силу неверного понимания, а возможно, и с умыслом внести изменения в условия договора (смарт-контракта) таким образом, что результат его окажется весьма далек от ожидаемого заказчиком. Следовательно, юрист должен не просто максимально точно формулировать условия смарт-контрактов, но и иметь возможность созданный смарт-контракт «прочитать» и понять, как они реализованы.

Эмпирический анализ

Конечно, самоисполнимые нормативные акты, в отличие от смарт-контрактов, – это пока лишь отдаленная перспектива, и работа с ними (с точки зрения технологий) имеет свою специфику. Мир, в котором программный код займет существенную нишу в ряду иных источников права, может возникнуть уже завтра (так, например, полагают авторы книги «Blockchain and the Law» [3, р. 43]) или же через десятилетия. На этом пути предстоит пройти несколько важных этапов трансформации права, и они представляются нам вполне реальными.

1. Признание государством (государствами) криптовалют и/или иных ценностей, обладание которыми подтверждается исключительно записями в блокчейне, выработка правовых норм, регулирующих их обращение.

Хотя смарт-контракты уже существуют и могут даже использоваться для автоматизации исполнения некоторых договоров (самый «работающий» пример – покупка ICO-токенов за криптовалюту на условиях, установленных смарт-контрактом), правовое положение участников соответствующих правоотношений принципиально не отличается от правового положения людей, зашедших в казино. Эти люди покупают фишки, играют в различные игры, в процессе которых фишки несколько раз меняют владельцев, а потом на выходе из казино снова обменивают фишки на деньги. Право абсолютно индифферентно к процедурам обращения фишек внутри казино и едва ли когда-то будет регулировать правила техасского холдема. Игроки, конечно, могут рассчитывать на некоторую минимальную правовую защиту, если правила карточных игр будут постоянно меняться на ходу в пользу казино, но не более того. Криптовалютные отношения, в том числе смарт-контракты для права, сегодня такая же игра. Ее участники устанавливают между собой произвольные правила обмена «криптофишками», которые могут обмениваться на деньги на входе и выходе из системы. Правовые вопросы сводятся к тому, насколько может быть ограничен этот обмен и какие специфические последствия для налогообложения, отмывания преступных средств и защиты интересов инвесторов должны быть предусмотрены. Между тем, чтобы смарт-контракты могли быть полноценно признаны юридической формой договора, право должно признавать и регулировать отношения, которые осуществляются в рамках смарт-контракта (неважно, по аналогии с существующими отношениями «аналогового» мира или как-то иначе), в том числе если фактически смарт-контракт просто создает новые записи в каких-то блокчейнах.

2. Полная интеграция (или отражение) процессов, протекающих в реальном мире, с данными в информационных системах.

В настоящее время смарт-контракты могут полноценно использоваться лишь в правоотношениях условного класса «система-система», когда взаимные права и обязанности сторон договора сводятся к изменению записей в одной или нескольких информационных системах. Например, можно в автоматизированном режиме оплачивать криптовалютой электричество (расход которого автоматически фиксируется электронными счетчиками и отражается в информационной системе). Однако большинство договорных правоотношений реального мира не может быть автоматически отражено в информационных системах. Обязанности поставщика по договору поставки, автора по договору авторского заказа, исполнителя по договору оказания услуги и т.д. не фиксируются в блокчейне в момент их исполнения, да и качество исполнения не может быть оценено автоматически. В теории смарт-контрактов данный вопрос решается с помощью «оракулов» – устройств, технологий или институтов, предназначенных для фиксации в информационных системах данных о явлениях реального мира. По мере развития «интернета вещей», чипизации, идентифицирующих технологий можно ожидать появления довольно разнообразного множества «оракулов». Институализация правоотношений, завязанных на блокчейн, должна привести к тому, что в качестве «оракулов» будут выступать официальные органы, суды, нотариусы и т.д. Это постепенно приведет к тому, что подавляющее большинство гражданско-правовых отношений будет заключаться (и частично исполняться) в форме программного кода.

3. Направление, представленное первыми двумя тезисами, в своем развитии должно привести к тому, что и законодательство в целом начнет движение к электронной форме.

Как минимум на первом этапе получают развитие цифровые «библиотеки», которые будут служить базой для разработки цифровых смарт-контрактов. В них, разумеется, будут добавлены обязательные условия и требования, которые к определенным видам договоров предъявляет законодательство конкретной страны, а затем сфера «цифровизации» законодательства начнет неизбежно расширяться. Вполне вероятно, что первые законы, полностью разработанные в форме программного кода, будут регулировать поведение роботов и интеллектуальных программных агентов, дискуссия об ограниченной правосубъектности которых ведется юристами уже сегодня [4–6].

Для того чтобы закон, устанавливающий права и обязанности неограниченного круга субъектов, мог исполняться с той или иной степенью автоматизации, понадобится особая цифровая среда, тесно связанная с реальным миром (блокчейны и «оракулы» смарт-контрактов станут, видимо, первыми и базовыми элементами такой среды). Кроме того, понадобится юридически ориентированный язык программирования для записи правовых норм. Можно прогнозировать, что такие языки будут появляться по мере того, как смарт-контракты перестанут быть игрой увлеченных криптоанархистов и войдут в повседневную жизнь, следовательно, понадобится способ быстрого и относительно понятного непрограммисту для составления таких договоров. Видимо, эти языки станут предлагаться в разных вариациях разработчиками блокчейн-платформ, но в какой-то момент дойдут до этапа стандартизации, будут унифицированы и сведены к нескольким диалектам. Но даже если в конечном итоге появится способ автоматической трансляции текста закона, составленного на естественном языке (возможно, с соблюдением ряда формальных правил к словарю и структуре), в программный код, обязательными навыками, требуемыми от юриста-профессионала, будут: понимание этого программного кода, знание цифровой среды, в которой код будет исполняться, и понимание всех нестандартных ситуаций, возникающих в процессе автоматизированного исполнения права.

Результаты

В настоящее время трудно говорить о том, в какие сроки и насколько глубоко правовая реальность будет преобразована в описанном нами направлении. Однако представляется, что навыки интерпретации программного кода, работы с блокчейн-технологиями и смарт-контрактами, понимание принципов и механизмов функционирования роботизированных устройств и систем искусственного интеллекта нужны современному юристу уже сегодня. Студенты должны получать углубленные навыки работы с современными цифровыми технологиями, так или иначе связанными с юридической сферой, а также базу, необходимую для того, чтобы быть готовыми к изменениям завтрашнего дня.

Как представляется, для достижения необходимых результатов здесь можно идти двумя путями.

Первый – программы подготовки юристов в сфере высшего образования должны быть

дополнены блоками, связанными с изучением информационных технологий, их правового регулирования, а также основ программирования юридических документов. Разумеется, для формирования у выпускников необходимых компетенций объем этих дополнительных блоков должен быть значителен, что достаточно сложно реализовать без сокращения изучения дисциплин юридического цикла. Возможно, такая подготовка могла бы быть реализована лишь в рамках программ специалитета, предусматривающих более длительное, по сравнению с бакалавриатом, обучение.

Второй путь заключается в разработке и внедрении в вузах магистерских программ юридического профиля, ориентированных на подготовку юристов, специализирующихся на правовом сопровождении современных цифровых технологий. Данный путь видится в целом более перспективным, так как позволит дать действительно углубленные знания в указанных сферах тем юристам, которые будут специализироваться в соответствующих областях.

Благодарности

Исследование проведено в рамках поддержанного Благотворительным фондом В. Потанина грантового проекта (тема «Разработка и внедрение магистерской программы “Правовое обеспечение использования современных информационных технологий”» № ГСГК-66/18).

Список литературы

1. Краснов М. А., Талипина Э. В., Южаков В. Н. Коррупция и законодательство : анализ закона на коррупционность // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 77–88.
2. Lessig L. The Law of the Horse : What Cyberlaw Might Teach. URL: <https://cyber.harvard.edu/works/lessig/finalhls.pdf> (дата обращения: 17.02.2019).
3. De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law. The Rule of Code. L. : Harverd University Press, 2018. 312 p.
4. Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике : аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–172.
5. Незнамов А. В., Наумов В. Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. 2018. № 2. С. 69–89.
6. Карлаш Д. С. Право роботов : метафизические и социально-экономические аспекты // Право и бизнес. Приложение к журналу «Предпринимательское право». 2018. № 4. С. 9–14.

Образец для цитирования:

Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Трансформация права под воздействием цифровых технологий: новые требования к подготовке юристов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 200–204. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-200-204>

Transformation of Law under the Influence of Digital Technologies: New Requirements to Training of Lawyers

R. V. Amelin, S. E. Channov

Roman V. Amelin, <https://orcid.org/0000-0002-7054-5757>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ame-roman@yandex.ru

Sergey E. Channov, <https://orcid.org/0000-0002-3342-7487>, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25 Sobornaya St., Saratov 410031, Russia; Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, sergeychannov@yandex.ru

Introduction. The article looks at how development of technologies is influencing and might influence the processes of law enforcement and law-making in the future and what changes in legal training it will require. **Theoretical analysis.** Nowadays, the use of modern digital technologies in the sphere of public management involves emergence of a number of the problems connected with inflexibility of machine regulation and inevitable mistakes in functioning of these technologies. At the same time, from the legal point of view there is a gap between regulations and technologies which mediate their application. The authors assume that in the long term this gap can be and has to be overcome, which will entail transition to a technological method of legal regulation. It, in turn, will require essentially new competences from lawyers. **Empirical analysis.** On the way of transition to a technological method of regulation it is necessary to pass several important stages of transformation of law: 1. Recognition by the state (states) of cryptocurrencies and/or other values, possession of which is confirmed only by records in a blockchain, development of the precepts of law regulating their address; 2. Full integration (or reflection) of the processes in the real world with data in information systems; 3. Transformation of regulations in an electronic form, giving them the properties of self-feasibility. **Results.** The authors make the conclusion about potential transition of both law-making, and law realization mainly to an electronic form, which, in particular,

will require development of the legal focused programming language for recording precepts of law. It, in turn, will objectively lead to the fact that knowledge of information technologies, their legal regulation and fundamentals of programming of legal documents will become necessary competences for graduates of legal majors and specialties. **Keywords:** digital technologies, transformation of law, smart contracts, information systems, programming languages.

Acknowledgements: *The study was conducted within the grant project (the subject “Development and Deployment of the Master Program «Legal Support of Use of Modern Information Technologies»” No. GSGK-66/18) supported by Charity foundation of V. Potanin.*

References

1. Krasnov M. A., Talipina E. V., Yuzhakov V. N. Korruptsiya i zakonodatel'stvo: analiz zakona na korruptsiogennost' [Corruption and Legislation: The Analysis of the Law on a Corruption-Prone Activities]. *Zhurnal Rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2005, no. 2, pp. 77–88 (in Russian).
2. Lessig L. *The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach*. Available at: <https://cyber.harvard.edu/works/lessig/finalhls.pdf> (accessed 17 February 2019).
3. De Filippi P., Wright A. *Blockchain and the Law. The Rule of Code*. London, Harvard University Press, 2018. 312 p.
4. Arkhipov V. V., Naumov V. B. On Certain Issues of Theoretic Grounds for Development of Robotics Legislation: The Aspects of will and Legal Personality. *Zakon* [Law], 2017, no. 5, pp. 157–172 (in Russian).
5. Neznamov A. V., Naumov V. B. Regulation Strategy for Robotics and Cyberphysical Systems. *Zakon* [Law], 2018, no. 2, pp. 69–89 (in Russian).
6. Karlash D. S. The Right of Robots: Metaphysical and Socioeconomic Aspects. *Law and Business*, 2018, no. 4, pp. 9–14 (in Russian).

Cite this article as:

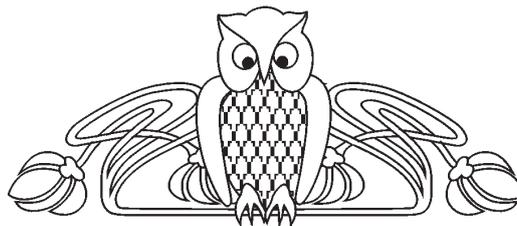
Amelin R. V., Channov S. E. Transformation of Law under the Influence of Digital Technologies: New Requirements to Training of Lawyers. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 200–204 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-200-204>

УДК 340

Анализ некоторых учений о праве в свете современности

Т. Г. Касаева

Касаева Тамара Георгиевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры антимонопольного регулирования и развития конкуренции на базе УФАС по Саратовской области, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tamara-kasaeva@mail.ru

Введение. Предметом исследования в статье является вопрос о сущности права в современной науке. Автор в своем исследовании опирается на анализ разнообразных политико-правовых учений о праве и государстве, выделяя естественно-правовую, историческую, нормативистскую, психологическую, социологическую, марксистско-ленинскую, реалистическую школы права. **Теоретический анализ.** Обосновывается возникновение той или иной школы права происходящими в конкретный исторический период политическими, экономическими и культурными изменениями. Анализ основных учений о праве и государстве со времен Античности и до наших дней проводится в рамках поиска универсального подхода к правопониманию. **Эмпирический анализ.** Предпринята попытка логического, системного изложения основных школ права через призму практической полезности и теоретической целостности. С этой позиции исследуется сущность права в рамках нахождения точек соприкосновения естественного и позитивного права. Основными выводами проведенного исследования являются критика сложившегося в науке плюрализма взглядов о сути права и обоснование единого подхода к сущности права в рамках современного нормативного правопонимания. **Результаты.** В рамках современного нормативного правопонимания, право – это совокупность общеобязательных, формально-определенных правил поведения (норм права), санкционированных государством и выражающих классовый и общечеловеческий характер; это один из самых демократически оправданных регуляторов общественных отношений.

Ключевые слова: сущность права, теории права и государства, широкое и нормативное правопонимание.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-205-209>

Введение

Любое определение права не может претендовать на истинность в последней инстанции, так как не в состоянии отобразить присущее ему многообразие свойств и характерных черт. Так ли это?! Ведь с позиций различных подходов и школ ученые всего мира из века в век пытаются дать наиболее емкое, на их взгляд, определение права. Наиболее примечательные трактовки права находят приложение и в современной политико-правовой мысли, вызывая острую полемику, где вопрос правопонимания по-прежнему является

камнем преткновения. Ведь поиск единого подхода к правопониманию, как и универсального понятия права в современных условиях, позволит резюмировать ценность всего того, что наработано российской и мировой наукой в области философии права. Право тесно связано с правосознанием, последнее лежит в основе идеи создания правового государства, главная задача которого – гармония между личностью, обществом и государством. Развитие правосознания населения, по нашему мнению, невозможно без поддержки со стороны государственной власти путем формирования общепризнанной правовой идеологии, которая зиждется на универсальном подходе к праву. В конце концов, именно теория должна задавать ориентиры практике.

Основная цель работы – анализ основных учений о праве и государстве со времен Античности и до наших дней в попытке найти универсальный подход к правопониманию.

Теоретический анализ

Теория естественного права, возникающая еще в Древней Греции и Риме, получила наибольшее развитие в XVII–XVIII вв. (период предтечи и свершения буржуазных революций). Ярчайшие представители: Г. Гроций, Б. Спиноза, Д. Локк, Вольтер, Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, А. Н. Радищев и многие другие. В основе естественно-правовой теории права лежит разделение на естественное и позитивное право. Естественное право неотделимо от человека, его природы и нравственности. Каждый человек с момента рождения обладает неотчуждаемыми правами на свободу, равенство, частную собственность и т.д. Позитивное (положительное) право – это совокупность признанных со стороны государства неотчуждаемых прав, облачаемых в форму закона. Справедливости ради стоит заметить, что подобное разделение права отражало политическую и экономическую ситуацию в регионе, где господствовали абсолютизм и тирания. Законы, издаваемые такой властью, зачастую были несправедливыми и поддерживали произвол со стороны власти имущих. По мнению представителей естественной школы права, позитивное право, не отражающее идеалов естественного, должно быть замещено на то, которое такие идеалы будет отражать, – и это основная

задача любого политического союза на все времена. В свете современности основные положения теории естественного права находят как поклонников, так и противников. Например, профессор М. И. Байтин полагал, что естественное право – это, скорее всего, нравственные, общечеловеческие, гуманные идеи, принципы и пожелания, лежащие в основе морали и правосознания, нежели право в юридическом смысле [1, с. 26].

В первой трети XIX в. на территории, ныне принадлежащей Германии, сложилась историческая школа права [2–4], представители которой придерживались точки зрения исключительного права немецкого народа, отрицая возможность существования единого права для всех народов. Исключительность опиралась, прежде всего, на исторически сложившийся «народный дух», который и проявлялся в праве. Право, подобно языку, саморазвивается мирно, без борьбы, пролагая себе путь лишь силой убеждения. Следовательно, право опирается не на закон, а на обычай. Следуя велениям обычая, обществу нельзя роптать на существующую несправедливость, таким образом, можно оправдать все, вплоть до рабовладения. Однако несомненным плюсом исторической школы права является вопрос о преемственности права предшествующих эпох.

На смену исторической школе права в Германии приходит реалистическое учение о праве и государстве, оказавшее впоследствии существенное влияние на современное правопонимание. Его создатель Р. Иеринг [5–8] полагал, что право – это обеспечение силой государственного принуждения жизненных условий общества (совокупность материальных и духовных интересов). Реалистическая теория права как никакая другая отражала исторические изменения, происходящие в рамках объединительной политики Отто фон Бисмарка (1815–1898). Право, по Иерингу, представляет собой совокупность действующих в государстве принудительных норм; следовательно, единственный источник права – государство. Право в объективном смысле – «законный порядок жизни», в субъективном смысле – превращение абстрактного правила в конкретное правомочие лица. Отношения субъективного и объективного права подобно «кровообращению: кровь от сердца течет и к сердцу возвращается. В обоих направлениях право встречает сопротивление, в обоих направлениях оно должно преодолевать его, т.е. путем борьбы завоевывать и защищать свое существование» [7, с. 16, 47]. Борьба за право неминуема, так как в право вложен интерес. В общем и целом, аргументированно разделяя право на объективное и субъективное, Иеринг привнес много нового в

политико-правовую мысль будущего. Его идеи нашли горячий отклик у ученых-правоведов России еще со времен Российской империи и по сей день, о чем свидетельствуют труды Н. М. Коркунова, Ю. С. Гамбарова, С. А. Муромцева, В. И. Ленина, П. И. Стучки, Р. А. Ромашова и др. Немаловажным представляется и тот факт, что существенное влияние реалистическая теория права оказала на социологическую и марксистско-ленинскую теории права.

В основе нормативистской теории, которая получила наибольшее развитие в трудах Г. Кельзена [9, 10], лежит «чистое» учение о праве. Право как «мир должного» противопоставляется «миру сущего», тем самым право существует изолированно от общества. Источником права служит некая «суверенная» норма, которая в дальнейшем определяет иерархическую пирамиду, где каждая нижестоящая норма опирается на вышестоящую. Совокупность норм «абстрактного долженствования» и есть право, а государство – это лишь организация правопорядка. «Чистую» теорию права в научной литературе принято называть «узконормативной» [11, с. 104].

Психологическая теория права, возникшая в дореволюционной России, тесно связана с именем ее идейного вдохновителя – Л. И. Петражицкого, который подразделял право на позитивное (официально признанное со стороны государства) и интуитивное, истоки которого коренятся в психике людей и проявляются в каждодневных отношениях посредством эмоций. Эмоции бывают двух видов: а) императивные, выражающиеся в одностороннем переживании лица совершить или воздержаться от совершения определенных действий независимо от воли и желаний третьих лиц, например, помочь пожилому человеку донести до дома тяжелые сумки или уступить место в очереди женщине с маленьким ребенком (морально-нравственные нормы); б) императивно-атрибутивные, выражающиеся во взаимосвязи прав одних и обязанностей других, например заказчика и исполнителя, кредитора и должника и т. д. (правовые нормы). Иными словами, из двухсторонних императивно-атрибутивных эмоций и складывается «психическое» право. Последнее, по нашему мнению, представляется более правосознанием, нежели правом. Особенностью психологической теории права является смещение ориентира происхождения права с условий жизни общества и государства в сферу непознанной психики человека. В целом, стоит отметить, что бесценный вклад в теорию права внес Л. И. Петражицкий, предложив концепцию о субъективных правах и юридических обязанностях.

Социологическая теория права на сегодня имеет преобладающее значение в западной политико-правовой мысли и уходит корнями в школу «свободного» права. Ее представители [12–15] полагали, что в основе права лежит философия прагматизма. Понятие «право» достаточно широко и включает в себя: судебные решения, обычаи, правосознание, административные акты и, собственно, на последнем месте – нормы права. У одних сторонников социологической теории «живое право» творит судья, у других – всякий, кто наделен властными полномочиями. Симптоматично, что социологическое учение о праве в различных его течениях (бихевиоризм, солидаризм, инструментализм и т. д.) нашло отклик в период промышленного капитализма в США в первой половине XX в., когда право оценивалось с точки зрения его практического применения (пользы), следовательно, юристы должны были не ограничиваться юриспруденцией понятий (законы), а руководствоваться правом в «действии». Несмотря на тесную взаимосвязь права и существующей действительности, социологическая теория права, на наш взгляд, обладала и обладает одним существенным недостатком – возможностью оправдывать произвол со стороны судебной и административной власти.

Все вышеуказанные теории права так или иначе основывались на философском идеализме, в отличие от марксистско-ленинского учения о праве, которое зиждется на материалистической философии. Ее основоположники К. Маркс и Ф. Энгельс считали право элементом надстройки над экономическим базисом общества, ведь материальный достаток и уровень жизни господствующего класса напрямую влияют на формирование права [16, с. 443], и государство в связи с этим, следуя словам В. И. Ленина, не что иное, как аппарат, способный принуждать к соблюдению норм права [17, с. 94]. Справедливости ради стоит заметить, что эти слова, как и многие другие, В. И. Ленин позаимствовал из трудов Р. Иеринга «Цель в праве» и «Борьба за право» [7, 8], что в последнее время признают многие видные ученые. Например, профессор М. И. Байтин пишет: «В частности, В. И. Ленин, который, по общему правилу, не ссылаясь на использованные источники, сформулировал некоторые свои выводы о праве, по нашему убеждению, под явным влиянием соответствующих заключений Иеринга» [1, с. 32]. Марксистско-ленинская теория права была своего рода ответом эпохе и способствовала укоренению в сознании миллионов людей, строивших коммунизм, материалистической трактовки понятий «право» и «государство», суть которых – в классово-волевом характере.

Эмпирический анализ

В целом, необходимо отметить, что Россия – страна «крайностей», желание сломать все до основания и на обломках старого построить что-то новое никогда не доводило до добра. Так, по нашему мнению, кажутся несправедливыми призывы некоторых российских ученых вычеркнуть все достижения марксистско-ленинского учения о праве и государстве из современной политико-правовой мысли. Но стоит признать, что классовый характер права в рамках данной теории не соответствует мейнстриму привнесения в право общечеловеческого, внеклассового начала.

Проанализировав вышеперечисленные школы права в рамках поставленного вопроса о сущности права, можно проследить тесную взаимосвязь появления той или иной теории права с существующими экономическими, политическими реалиями жизни общества. Безусловно, существует гораздо больше точек зрения на сущность права, чем было рассмотрено выше. Однако на сегодняшний момент, по нашему мнению, их все можно разделить на два основных направления развития политико-правовой мысли: широкое, впитавшее наиболее жизнеспособные идеи естественно-правовой, социологической, психологической и исторической школ права, и нормативное, вобравшее лучшее из реалистической, марксистско-ленинской и нормативистской теорий права. Широкое правопонимание [18, с. 29–30; 19, с. 342–343; 20, с. 17, 20; 21, с. 2, 65, 77–78; 22, с. 223; 23, с. 10; 24, с. 41] существовало и в советский период господства марксистско-ленинской идеологии, однако его бурное развитие началось уже после развала СССР, когда научное сообщество заговорило о наличии множества независимых друг от друга точек зрения, претендующих на истинность, в связи с этим сторонники широкого правопонимания стали включать в определение права не только нормы права, но и различные правовые явления (правоотношения, правосознание, способы применения норм права, правопорядок, судебную практику и т. д.), зачастую противопоставляя право и закон. Отсутствие единого подхода к правопониманию, как справедливо отмечает В. В. Лучков [25], и плюралистическое воззрение на сущность права [26] ведут к разпредмечиванию права, облегчая задачу манипулирования субъектами права, что на данном этапе развития российского общества и в рамках претворения конституционной идеи правового государства в нашей стране губительно. Истина может быть в одном лице, как и источник права – государство.

Результаты

Анализируя различные политико-правовые учения, можно логически выявить отсутствие явного лидера, который поставил бы под свои знамена большинство ученых теоретиков права. Все ныне существующие новейшие «школы» права в России компилируют основные положения, наработанные политико-правовой мыслью прежних лет, не привнося, по нашему убеждению, ничего подлинно «нового». Безусловно, в праве важна преемственность. В связи с этим представляет заслуженный интерес современное нормативное правопонимание, которое дает однозначное определение, пусть и не лишённое недостатков, но все-таки позволяющее найти грани соприкосновения. Право – это совокупность общеобязательных, формально-определённых правил поведения (норм права), санкционированных государством и выражающих классовый и общечеловеческий характер; это один из самых демократически оправданных регуляторов общественных отношений. Закон не должен противопоставляться праву, так как является его внешним выражением. Именно при соблюдении таких условий правоприменение будет руководствоваться в своей повседневной деятельности принципом законности, который представляет собой исполнение закона всеми, в том числе и самим государством в лице его органов и должностных лиц. Такое самоограничение правом власти возможно тогда, когда общество (в том числе теоретики права) будет придерживаться единого подхода к сущности права.

Список литературы

1. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М., 2005. 544 с.
2. Пухта Г. Ф. История римского права. М., 1864. 586 с.
3. Энциклопедия права. Ярославль, 1872. 99 с.
4. Савиньи Ф. К. Обязательственное право : пер. с нем. М., 1876. 620 с.
5. Иеринг Р. фон. Дух римского права на различных ступенях его развития: пер. с 3-го испр. нем. изд. Ч. 1. СПб., 1875. 520 с.
6. Юридическая техника / пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. СПб., 1905. 106 с.
7. Иеринг Р. фон. Борьба за право. СПб., 1872. 78 с.
8. Иеринг Р. фон. Цель в праве. СПб., 1881. 346 с.
9. Кельзен Г. Чистое учение о праве : сб. переводов. Вып. 1. М., 1987. 195 с.
10. Кельзен Г. Чистое учение о праве : сб. переводов. Вып. 2. М., 1988. 213 с.
11. Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. 298 с.
12. Pound R. Interpretation of Legal History. Cambridge (Mass), 1946. 591 p.
13. Pound R. An Introduction to the Philosophy of Law. New Haven, 1961. 186 p.
14. Frank J. Law and the Modern Mind. Princeton, 1949. 262 p.
15. Llewellyn K. A Realistic Jurisprudence – the Next Step // Columbia Law Review. 1930. Vol. 30, № 4. P. 62–94.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. : в 50 т. Т. 4. М., 1974. 646 с.
17. Ленин В. И. ППС : в 54 т. Т. 33. СПб., 1960. 462 с.
18. Нерсесянц В. С. Право : многообразие определений и единство понятий // Сов. государство и право. 1983. № 10. С. 26–35.
19. Нерсесянц В. С. Право и закон. Из истории правовых учений. М., 1983. 366 с.
20. Нерсесянц В. С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М., 1996. 158 с.
21. Лившиц Р. З. Теория права : учебник. М., 1994. 224 с.
22. Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М., 1977. 226 с.
23. Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. 420 с.
24. Тененбаум В. О. О сущности права // Правоведение. 1980. № 1. С. 35–42.
25. Лучков В. В. О некоторых аспектах дискуссии о современном правопонимании // Вектор науки ТГУ. Сер. Юридические науки. 2010. № 1. С. 42–44.
26. Сорокин В. В. О плюралистическом понимании права // Юридическое образование и наука. 2007. № 3. С. 41–43.

Образец для цитирования:

Касаева Т. Г. Анализ некоторых учений о праве в свете современности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 205–209. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-205-209>

The Analysis of Some Doctrines of Law in the Light of the Present

T. G. Kasaeva

Tamara G. Kasaeva, <https://orcid.org/0000-0003-1611-1453>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tamara-kasaeva@mail.ru

Introduction. The object of the research in the article is the question of essence of law in modern science. The author in the research is guided by the analysis of various political and legal doctrines of law and state, allocating natural and legal, historical, normativity, psychological, sociological, Marxist-Leninist, realistic schools of law. **Theoretical analysis.** Emergence of this or that school of law is proved by political, economic and cultural changes taking place during a particular historical period. The

analysis of the main doctrines of law and state since antiquity to the present day is carried out in search of a universal approach to the understanding of law. **Empirical analysis.** An attempt of logical, system description of the main schools of law from the perspective of practical usefulness and theoretical integrity is made. From this point of view, the essence of law within finding of a common ground of absolute and positive law is investigated. The main conclusions of the research are criticism of pluralism of views of the essence of law which developed in science and justification of the uniform approach to the essence of law within modern standard understanding of law. **Results.** Within modern standard understanding of law, law is a set of obligatory, formal and certain rules of conduct (rules of law) authorized by the state and expressing class and universal character; it is one of the most democratically justified regulators of the public relations.

Keywords: essence of law, theory of law and state, broad and standard understanding of law.

References

1. Bajtin M. I. *Suschnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov)* [The essence of law (Modern standard understanding of law on the verge of two centuries). 2nd ed. add.]. Moscow, 2005. 544 p. (in Russian).
2. Pukhta G. F. *Istoriya rimskogo prava* [History of Roman Law]. Moscow, 1864. 586 p. (in Russian).
3. *Entsiklopediya prava* [The Encyclopedia of Law]. Yaroslavl, 1872. 99 p. (in Russian).
4. Savin' I F. K. *Obiazatel'stvennoe pravo* [Liability Law]. Moscow, 1876. 620 p. (in Russian).
5. Iering R. fon. *Dukh rimskogo prava na razlichnykh stupeniakh ego razvitiya* [Spirit of Roman Law at Various Steps of Its Development. Translated from the 3rd ed. Pt. 1.]. St. Petersburg, 1875. 520 p. (in Russian).
6. *Juridicheskaja tekhnika* [Legal Equipment]. St. Petersburg, 1905. 106 p. (in Russian).
7. Iering R. fon. *Bor'ba za pravo* [The Struggle for Law]. St. Petersburg, 1872. 78 p. (in Russian).
8. Iering R. fon. *Tsel' v prave* [Law as a Means to an End]. St. Petersburg, 1881. 346 p. (in Russian).
9. Kel'zen G. *Chistoe uchenie o prave* [Pure Theory of Law]. Collection of translations. Issue 1. Moscow, 1987. 195 p. (in Russian).
10. Kel'zen G. *Chistoe uchenie o prave* [Pure Theory of Law]. Collection of translations. Issue 2. Moscow, 1988. 213 p. (in Russian).
11. Javich L. S. *Obschaia teoriya prava* [The General Theory of Law]. Moscow, 1976. 298 p. (in Russian).
12. Pound R. *Interpretation of Legal History*. Cambridge (Mass), 1946. 591 p.
13. Pound R. *An Introduction to the Philosophy of Law*. New Haven, 1961. 186 p.
14. Frank J. *Law and the Modern Mind*. Princeton, 1949. 262 p.
15. Llewellyn K. A Realistic Jurisprudence – the Next Step. *Columbia Law Review*, 1930, vol. 30, no. 4, pp. 62–94.
16. Marks K., Engel's F. *Sobranie sochineniy* [Collected Works: in 50 vols.]. Vol. 4. Moscow, 1974. 646 p. (in Russian).
17. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works: in 54 vols.]. Vol. 33. St. Petersburg, 1960. 486 p. (in Russian).
18. Nersesjanc V. S. Pravo: mnogoobrazie opredeleniy i edinstvo poniatij [Law: Variety of Definitions and Unity of Concepts]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1983, no. 10, pp. 26–35 (in Russian).
19. Nersesjanc V. S. *Pravo i zakon. Iz istorii pravovykh ucheniy* [Law and act of Law. From History of Legal Doctrines]. Moscow, 1983. 366 p. (in Russian).
20. Nersesjanc V. S. *Pravo – matematika svobody. Opyt proshlogo i perspektivy* [Law – Mathematics of Freedom. Experience of the Past and Prospects]. Moscow, 1996. 158 p. (in Russian).
21. Livshic R. Z. *Teoriya prava* [Theory of Law]. Moscow, 1994. 224 p. (in Russian).
22. Mal'cev G. V. *Sotsial'naya spravedlivost' i pravo* [Social Justice and Law]. Moscow, 1977. 226 p. (in Russian).
23. Mal'cev G. V. *Ponimanie prava. Podkhody i problemy* [Understanding of Law. Approaches and Problems]. Moscow, 1999. 420 p. (in Russian).
24. Tenenbaum V. O. O suschnosti prava [About Essence of Law]. *Pravovedenie*, 1980, no. 1, pp. 35–42 (in Russian).
25. Luchkov V. V. O nekotorykh aspektakh diskussii o sovremennom pravoponimanii [About Some Aspects of a Discussion about Modern Understanding of Law]. *Vektor nauki TGU. Ser. Juridicheskie nauki* [Vector of Science of the Tolyatti State University. Ser. Jurisprudence], 2010, no. 1, pp. 42–44 (in Russian).
26. Sorokin V. V. O pluralisticheskom ponimanii prava [About Pluralistic Understanding of Law]. *Juridicheskoe obrazovanie i nauka* [Legal Education and Science], 2007, no. 3, pp. 41–43 (in Russian).

Cite this article as:

Kasaeva T. G. The Analysis of Some Doctrines of Law in the Light of the Present. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 205–209 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-205-209>

УДК 342.76

Конституционное регулирование ограничения избирательных прав граждан Российской Федерации

А. А. Подмарев

Подмарев Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, podmarev2004@mail.ru

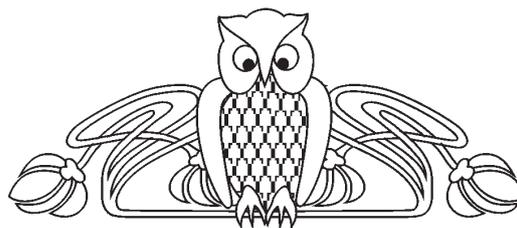
Введение. Выборы являются одной из базовых ценностей демократии; они обеспечивают гражданам возможность принять участие в управлении делами государства. **Теоретический анализ.** Конституция России 1993 г. в ст. 32 закрепляет избирательные права российских граждан – право избирать (активное избирательное право) и право быть избранным (пассивное избирательное право) в органы государственной власти и органы местного самоуправления. В этой же статье Конституция РФ устанавливает ограничения избирательных прав российских граждан. **Эмпирический анализ.** Конституция России, во-первых, устанавливает единые ограничения для активного и пассивного избирательного права (не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также находящиеся в местах лишения свободы по приговору суда); во-вторых, отдельно предусматривает ограничения только пассивного избирательного права (возрастной ценз, ценз постоянного проживания, запрет баллотироваться на должность в третий раз подряд – для кандидата в Президенты РФ; возрастной ценз – для кандидата в депутаты Государственной Думы); в-третьих, закрепляет общие условия ограничения всех прав и свобод человека и гражданина, в соответствии с которыми в федеральных законах устанавливаются дополнительные ограничения избирательных прав. **Результаты.** Делается вывод о том, что: 1) Конституция РФ 1993 г. сама ограничивает активное избирательное право и пассивное избирательное право российских граждан; 2) на основе ч. 3 ст. 55 в федеральных законах установлен широкий круг дополнительных (по отношению к конституционным) ограничений избирательных прав.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, выборы, избирательные права граждан, ограничения избирательных прав.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-210-215>

Введение

Статья 3 Конституции РФ 1993 г. характеризует свободные выборы как одну из форм высшего непосредственного выражения власти народа [1]. Выборы – один из базовых, постоянных, наиболее зримых признаков демократического государства. Выборы в России – способ формирования гражданами органов федеральной, региональной и муниципальной власти. Участвуя в выборах, российские граждане имеют воз-

можность оказывать прямое влияние на состав представительных и частично исполнительных органов публичной власти.

Теоретический анализ

Конкретизируя положение о свободных выборах как высшем непосредственном выражении власти народа, Конституция РФ в ст. 32 закрепляет избирательные права российских граждан – право избирать (активное избирательное право) и право быть избранным (пассивное избирательное право).

Активное избирательное право позволяет гражданам самостоятельно формировать институты публичной власти различного территориального уровня, делая выбор между кандидатами или между партиями.

Использование пассивного избирательного права дает гражданам возможность выставлять свою кандидатуру на конкурентных выборах, а затем осуществлять власть от имени народа и в его интересах в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов РФ, органах местного самоуправления; представлять в органах власти интересы различных социальных, профессиональных, возрастных, территориальных коллективов; трансформировать интересы и пожелания избирателей в положения нормативных правовых актов и в управленческие решения. Конституционный Суд РФ указывает, что пассивное избирательное право является одним из основных политических прав граждан и неотъемлемым элементом их конституционно-правового статуса в демократическом обществе [2].

В целом, обладание избирательными правами, их использование позволяет гражданам идентифицировать себя как неотъемлемую часть государства, его механизма, и сделать реальными положения 3-й статьи Конституции РФ о народовласти. Определяя значение избирательных прав, Конституционный Суд РФ констатирует, что в избирательных правах воплощается как личный интерес конкретного гражданина в принятии непосредственного участия в управлении делами государства, так и публичный интерес,

реализующийся в объективных итогах выборов и формировании на этой основе самостоятельных и независимых органов публичной власти [3]. Для большинства граждан участие в выборах, реализация конституционных избирательных прав – единственный способ почувствовать, осознать свою сопричастность к государственному управлению.

Право избирать и право быть кандидатом в любом современном государстве, где проводятся выборы, принадлежит не всем гражданам этого государства. В конституциях государств закрепляются определенные ограничения избирательных прав, которые в отечественном и зарубежном конституционном праве принято называть избирательными цензами или избирательными квалификациями. Такими цензами могут являться: дееспособность, отсутствие иного гражданства, длительность состояния в гражданстве своего государства, минимальный возраст для занятия определенной должности, максимальный возраст для кандидата, проживание на определенной территории в течение определенного времени, владение государственным языком, определенный уровень образования, определенное вероисповедание, обязательное прохождение военной службы по призыву, ненахождение в местах лишения свободы, отсутствие судимости. Также граждане могут быть лишены избирательных прав в качестве меры юридической ответственности за совершение преступлений. В Пакистане кандидат в депутаты парламента должен обладать хорошим характером, быть дальновидным, справедливым, нерасточительным, честным, ответственным. Избирательные цензы, в частности, предусмотрены конституциями Пакистана 1973 г. (ст. 62), Турции 1982 г. (ст. 67), Болгарии 1991 г. (ст. 42), Румынии 1991 г. (ст. 34), Таджикистана 1994 г. (ст. 27, 49), Казахстана 1995 г. (ст. 33), Азербайджана 1995 г. (ст. 56), Армении 1995 г. (ст. 27), Польши 1997 г. (ст. 62), Кыргызстана 2010 г. (ст. 62, 70). Избирательные цензы также могут быть установлены законами и международными договорами. Международно-правовые ограничения избирательных прав дополняют национальные избирательные цензы. Например, Конвенция ООН против коррупции 2003 г. разрешает государствам лишать коррупционеров на определенный срок права занимать публичную должность. основополагающее значение для избирательного законодательства и практики его реализации имеют конституционные ограничения избирательных прав.

Конституция России в ст. 32, 81 и 97 устанавливает ограничения активного и пассивного избирательного права [1]. Конституционное

регулирование ограничения избирательных прав граждан имеет базовое, основополагающее, исходное значение.

Эмпирический анализ

Часть 3 ст. 32 Конституции РФ гласит: «... не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда» [1]. Таким образом, Основной закон исключает из механизма народовластия две категории граждан – недееспособных и содержащихся в местах лишения свободы. Это конституционное положение воспроизводится во всех федеральных избирательных законах.

Недееспособным гражданином может признать суд, если гражданин вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими (ст. 29 ГК РФ, ст. 261 ГПК РФ). Решение этого вопроса относится к компетенции районного суда общей юрисдикции.

К местам лишения свободы, с нахождением в которых Конституция связывает ограничение избирательных прав, относятся: исправительные колонии (колонии-поселения, исправительные колонии общего режима, исправительные колонии строгого режима, исправительные колонии особого режима), воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения, в некоторых случаях – следственные изоляторы (ст. 74 УИК РФ). Относительно ограничения избирательных прав граждан, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, Конституционный Суд РФ указывает: «... нормативное предписание, согласно которому не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, введено в российскую правовую систему непосредственно Конституцией РФ... Формулировка “не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда” с лингвистической (грамматической) точки зрения представляет собой императивный запрет, со всей определенностью означающий, что избирательных прав не имеют без каких бы то ни было изъятий все осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы» [4].

В ст. 81 и 97 Основного закона закрепляются ограничения пассивного избирательного права граждан, претендующих на занятие путем выборов определенных государственных должностей. Президентом РФ может быть избран гражданин РФ не моложе 35 лет, постоянно проживающий в РФ не менее 10 лет; одно и то же лицо не мо-

жет занимать должность Президента РФ более двух сроков подряд (ст. 81). Депутатом Государственной Думы может быть избран гражданин РФ, достигший 21 года и имеющий право участвовать в выборах (ч. 1 ст. 97). Эти, введенные самой Конституцией, ограничения пассивного избирательного права предопределены тем, что лица, претендующие на указанные должности, должны иметь определенный жизненный и профессиональный опыт, быть способны понимать проблемы, стоящие перед государством, знать, как устроено и функционирует государство, иметь представление о значении права как необходимого средства регулирования общественных отношений. Конституционный Суд РФ поясняет: «Конституция РФ... позволяет предъявлять к претендентам на замещение выборных должностей специальные требования, проистекающие из конституционно-правового статуса лиц, замещающих соответствующие должности» [5].

Являются ли ограничения избирательных прав, предусмотренные ст. 32, 81, 97 Конституцией РФ, исчерпывающими? Может ли федеральный законодатель расширять круг ограничений активного и пассивного избирательного права, т.е. устанавливать дополнительные ограничения?

Для ответа на эти вопросы необходимо обратиться к ч. 3 ст. 55 Основного закона России и к решениям Конституционного Суда РФ.

Часть 3 ст. 55 Конституции РФ закрепляет общие условия (принципы) ограничения всех прав и свобод личности; она позволяет ограничивать федеральным законом права и свободы индивида, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Этими конституционными требованиями должен руководствоваться федеральный законодатель при установлении в федеральных законах ограничений отдельных прав и свобод человека и гражданина, независимо от их отраслевой принадлежности.

Требования ч. 3 ст. 55 действуют и в отношении избирательных прав, что неоднократно подтверждал Конституционный Суд РФ. Суд сформулировал принципиальную правовую позицию – и активное избирательное право, и пассивное избирательное право не являются абсолютными и могут быть подвергнуты ограничениям при соблюдении указанных в Конституции РФ критериев [5]. Эти критерии и есть требования к ограничениям, закрепленные в ч. 3 ст. 55. «Государство, – постановил Конституционный Суд РФ в 2009 г., – в лице федерального законодателя

может и, по сути, должно определять порядок и условия реализации гражданами РФ активного и пассивного избирательного права...» [6]. В 2016 г. Суд дал более развернутое обоснование возможности вводить дополнительные ограничения избирательных прав. Рассматривая дело о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России», Конституционный Суд решил: «... в силу статей 17 (ч. 3) и 55 (ч. 3) Конституции РФ федеральный законодатель правомочен... предусмотреть... ограничительные условия осуществления избирательных прав – в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Такого рода условия (ограничения) могут быть также продиктованы необходимостью обеспечения формирования легитимных органов народного представительства, поддержания публичного правопорядка и минимизации рисков криминализации избирательных отношений» [4]. Иными словами, по смыслу этого и других решений Конституционного Суда, дополнительные ограничения избирательных прав возможны и в некоторых случаях необходимы, но они должны способствовать достижению определенных целей.

Более чем двадцатилетняя практика законодательной регламентации избирательных прав показывает, что федеральный законодатель неоднократно вводил дополнительные (по отношению к конституционным) ограничения избирательных прав (в первую очередь, речь идет о пассивном избирательном праве). Круг этих дополнительных ограничений постоянно расширялся, охватывая все новые основания и, как следствие, все новые группы граждан. Самые значительные дополнения, касающиеся запрета быть избранным, были внесены в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ [7] в феврале 2014 г.

В настоящее время ст. 4 указанного Закона закрепляет ограничения пассивного избирательного права (выражающиеся в запрете быть избранным), обусловленные следующими причинами: наличие гражданства или вида на жительство иностранного государства; наличие неснятой или непогашенной судимости за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений; наличие неснятой или непогашенной судимости за совершение преступлений

экстремистской направленности; привлечение к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 и 20.29 КоАП РФ; наличие в действиях кандидата признаков экстремистской деятельности; возраст кандидата для занятия определенной выборной должности. Кроме этого, не имеют права быть избранными граждане, осужденные к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, – до истечения 10 лет со дня снятия или погашения судимости; а граждане, осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, – до истечения 15 лет со дня снятия или погашения судимости. Как мы видим, перечень дополнительных ограничений пассивного избирательного права, установленный данным Законом, действующий в настоящее время, является достаточно широким.

Предполагается, что все дополнительные ограничения избирательных прав, вводимые федеральным законодателем, соответствуют Конституции РФ, пока Конституционный Суд РФ не установил обратное.

Иногда эти дополнительные ограничения оспариваются в Конституционном Суде России. Например, в 2007 г. Конституционный Суд по жалобе гражданина рассматривал дело о конституционности законодательной нормы о том, что не имеют права быть избранными граждане РФ, имеющие гражданство иностранного государства. Конституционный Суд решил, что данная норма не может рассматриваться как нарушающая конституционные права и свободы гражданина, и отказал в принятии этой жалобы к рассмотрению [8].

Результаты

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что Конституция РФ 1993 г. сама ограничивает активное избирательное право и пассивное избирательное право российских граждан. Но эти ограничения не являются исчерпывающими. На основе ч. 3 ст. 55 в федеральных избирательных законах установлен широкий круг дополнительных (по отношению к конституционным) ограничений избирательных прав российских граждан. Введение дополнительных ограничений избирательных прав не противоречит Конституции России.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. По делу о проверке конституционности части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства РФ в связи с жалобой граждан И. Л. Трунова и М. В. Юревича : постановление Конституционного Суда РФ от 13.04.2017 № 11-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 17, ст. 2655.
3. По делу о проверке конституционности ряда положений пунктов 17 и 18 статьи 71 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и частей 3 и 4 статьи 89 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» в связи с жалобой гражданина Н. В. Гончарова : постановление Конституционного Суда РФ от 16.12.2014 № 33-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 52, ст. 7785 (ч. 1).
4. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции РФ : постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 17, ст. 2480.
5. По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова : постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013. № 20-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 43, ст. 5622.
6. По делу о проверке конституционности пункта 32 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», подпункта «к» пункта 2 статьи 21 Федерального закона «О политических партиях», части 3 статьи 30 Закона Краснодарского края «О выборах депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края» и части первой статьи 259 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина В. З. Измайлова : постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2009 № 16-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 47, ст. 5709.

7. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253.
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» : определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 797-О-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 52, ст. 6533.

Образец для цитирования:

Подмарев А. А. Конституционное регулирование ограничения избирательных прав граждан Российской Федерации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 210–215. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-210-215>

Constitutional Regulation of Restriction of Electoral Rights of Citizens of the Russian Federation

A. A. Podmarev

Alexander A. Podmarev, <https://orcid.org/0000-0003-3518-2521>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, podmarev2004@mail.ru

Introduction. Elections are one of the basic values of democracy; they provide citizens with the opportunity to participate in the administration of state affairs. **Theoretical analysis.** The Constitution of Russia of 1993 in article 32 enshrines the electoral rights of Russian citizens – the right to elect (active suffrage) and the right to be elected (passive electoral right) to state and local government bodies. In the same article, the Constitution of the Russian Federation establishes restrictions on the electoral rights of Russian citizens. **Empirical analysis.** The Constitution of Russia, firstly, establishes uniform restrictions for active and passive electoral rights (citizens who are recognized as incompetent by a court and who are imprisoned by a court sentence do not have the right to elect and be elected); secondly, it provides for restrictions only on passive suffrage (age limit, permanent residence requirement, prohibition to run for the third time in a row - for a candidate for the President of the Russian Federation; age limit - for a candidate for deputy of the State Duma); thirdly, it establishes the general conditions for the restriction of all rights and freedoms of a person and citizen, in accordance with which federal laws establish additional restrictions on electoral rights. **Results.** It is concluded that: 1) the 1993 Constitution of the Russian Federation itself restricts the active electoral right and the passive electoral right of Russian citizens; 2) on the basis of part 3 of article 55, federal laws establish a wide range of additional (with respect to the constitutional) restrictions on voting rights.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, elections, citizens' electoral rights, restrictions of an electoral rights.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended of 30.12.2008 no. 6-FKZ, of 30.12.2008 no. 7-FKZ, of 05.02.2014 no. 2-FKZ, of 21.07.2014 no. 11-FKZ). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398 (in Russian).
2. On the case about the verification of constitutionality of Part 2 of Article 40, Parts 10 and 11 of Article 42 of the Federal Law “On the Election of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation”, paragraphs 2 and 3 of Part 1 of Article 128 and Part 10 of Article 239 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation citizens I. L. Trunova and M. V. Yurevich. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 13, 2017 no. 11-P. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2017, no. 17, art. 2655 (in Russian).
3. On the case of checking the constitutionality of a number of provisions of paragraphs 17 and 18 of Article 71 of the Federal Law “On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation” and parts 3 and 4 of Article 89 of the Federal Law “On the Election of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation” connection with the complaint of citizen N. V. Goncharova. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 16, 2014 no. 33-P. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 52, art. 7785 (pt. I) (in Russian).
4. In the case of resolving the issue of the possibility of pursuing, in accordance with the Constitution of the Russian Federation, the decision of the European Court of Human Rights of July 4, 2013 in the case of “Anchugov and Gladkov v. Russia” in connection with a request from the Ministry of Justice of the Russian Federation: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 19, 2016 no. 12-P. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2016, no. 17, art. 2480 (in Russian).
5. In the case of verification of the constitutionality of subparagraph “a” of clause 3.2 of Article 4 of the Federal Law “On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation”, part one of Article 10 and part six of Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens G. B. Egorova, A. L. Kazakova, I. Yu. Kravtsova, A. V. Kupriyanov,

- A. S. Latypova and V. Yu. Sinkova. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 10, 2013 no. 20-P. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2013, no. 43, art. 5622 (in Russian).
6. On the case of verification of the constitutionality of clause 32 of Article 38 of the Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in the Referendum of Citizens of the Russian Federation", subparagraph "k" of clause 2 of Article 21 of the Federal Law "On political parties", the part 3 of Article 30 of Law of the Krasnodar Territory "On the election of deputies of the Legislative Assembly of the Krasnodar Territory" and the part 1 of Article 259 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V. Z. Izmaylova. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation Krasnodar Territory of November 9, 2009 no. 16-P. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2009, no. 47, art. 5709 (in Russian).
7. On the main guarantees of electoral rights and the right to participate in the referendum of citizens of the Russian Federation. Federal Law of June 12, 2002 no. 67-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 24, art. 2253 (in Russian).
8. On refusal to accept for consideration of the complaint of a citizen of Kara-Murza Vladimir Vladimirovich on violation of his constitutional rights by the provision of clause 3.1 of Article 4 of the Federal Law "On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation". Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 4, 2007 no. 797-OO. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2007, no. 52, art. 6533 (in Russian).

Cite this article as:

Podmarev A. A. Constitutional Regulation of Restriction of Electoral Rights of Citizens of the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 210–215 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-210-215>

УДК 342.41

Конституционное регулирование экономических отношений в зарубежных странах: история и современность

Е. М. Якимова

Якимова Екатерина Михайловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности, Байкальский государственный университет, Иркутск, yakimova_katerin@mail.ru

Введение. Традиционно конституционное регулирование рассматривается как воздействие посредством норм конституции на наиболее фундаментальные основы жизни общества. Выделение общих черт конституционного регулирования, «поколений конституций» не снимает вопроса о наличии в конституциях различных периодов общих и особенных черт в определении принципов функционирования разных систем, в том числе экономических отношений. **Теоретический анализ.** Формулирование конституционных положений об основах экономической системы государства зависит не столько от времени создания конституции, сколько от избранной руководством страны экономической политики. **Эмпирический анализ.** Оценка положений основных законов различных зарубежных стран показала, что уже в конституциях «первого поколения», несмотря на несистемность регулирования экономических отношений, можно выделить три составляющих конституционного регулирования рассматриваемых отношений: с позиции правового статуса личности, с позиции организации публичной власти и с позиции территориального устройства государства. Конституции «второго поколения» значительно расширили сферу конституционного регулирования общественных отношений, в том числе и в экономической сфере, хотя системность формулирования основ экономической системы в рассматриваемый период отсутствовала. В современных конституциях данный вопрос регламентирован с высокой долей унификации: чаще всего подобные нормы содержатся в главах об общей характеристике государства, правах и свободах человека и гражданина, в некоторых конституциях экономическим отношениям в целом или частным вопросам посвящена отдельная глава. **Результаты.** Схожесть базовых принципов конституционного закрепления экономических отношений не означает наличия единой модели регулирования, что обусловлено как традициями конституционного строительства отдельного государства, так и расстановкой политических сил в момент разработки проекта конституции. Особенно ярко обозначенный вывод проявляется при анализе конституционного регулирования принципов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: экономические отношения, конституция, конституционное регулирование, экономическая система, предпринимательская деятельность.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-216-223>

Введение

Экономическая основа общества и государства нуждается в правовом регулировании,

поскольку производственные отношения, отношения по распределению полученных благ не могут оставаться вне правового контура, что доказывает опыт первых формальных конституций. Конституционное регулирование указанных отношений придает им особый статус. Начиная с момента принятия формальных конституций вопрос о необходимом объеме правового регулирования экономических отношений решался по-разному, оценка положений конституций различных периодов позволяет выявить общие тенденции конституционного регулирования данных отношений.

Теоретический анализ

Конституционно-правовое регулирование общественных отношений, в том числе и экономических, зависит содержательно от особенностей правовой системы конкретного государства, однако по форме оно в большей степени ориентируется на традиции той правовой семьи, к которой относится государство [1, с. 220; 2, с. 40]. Например, для романо-германской правовой семьи характерно то, что традиционно «легальными признаются лишь два вида источников права: нормативный правовой акт и нормативный договор, что свидетельствует об ограниченности средств воздействия на важнейший пласт общественных отношений, коими являются конституционные» [3, с. 219]. Вместе с тем англо-саксонская правовая семья признает источниками конституционного права также конституционный обычай (конституционные соглашения), судебный прецедент и, в некоторых случаях, юридическую доктрину. Основными источниками конституционного права в мусульманской правовой семье выступают также религиозные нормы и юридическая (религиозная) доктрина, хотя важное регулятивное воздействие оказывает и конституция как нормативно-правовой акт.

Анализ конституций различных эпох позволяет проследить эволюцию правового регулирования экономических отношений и выявить как общие закономерности, так и особенности установления основ экономической системы на различных этапах конституционного развития разных государств. Эволюцию конституцион-

ного регулирования экономической системы можно проследить с момента принятия первых формальных конституций. Несмотря на то что о наличии конституционно-правового регулирования можно говорить и в более ранние периоды существования государства, однако именно конституционное регулирование позволяет системно посмотреть на композицию правового пространства государства.

Эмпирический анализ

Конституция Соединенных Штатов Америки 17 сентября 1787 г. в своем первоначальном варианте норм об экономических правах и свободах не содержала, хотя регламентировала, отдельные конституционные принципы экономической системы. Например, ст. I закрепляет за Конгрессом США статус ведущего регулятора экономической системы, кроме того, в ст. V Конгрессу США предоставляются полномочия по распоряжению «принадлежащей Соединенным Штатам территории или иной собственностью» [4, с. 39].

В дальнейшем поправкой V Конституция США была дополнена положением, согласно которому ни одно лицо не должно лишаться «собственности без должной правовой процедуры; частная собственность не должна изыматься для общественных нужд без справедливого вознаграждения» [4, с. 41], поправкой XI данная гарантия распространялась и на действия властей субъектов федерации, что устанавливает элементы универсальности прав и свобод [5].

В Конституции Речи Посполитой от 3 мая 1791 г. не содержится положений об общегосударственной экономической системе, однако говорится об особом статусе шляхетского сословия, в том числе и в экономических отношениях, в частности, право «земельной и движимой собственности», а также гарантии защиты этих прав. Все свободы, вольности, исключительные права и приоритеты в частной и общественной жизни, о полномочиях Палаты послов Сейма по установлению налогов, предложения о которых, переданные королем для рассмотрения воеводствам, землям и поветам и приходящие в виде инструкций в палату, должны рассматриваться, наряду с иными общими законами в первую очередь (гл. IV). Также устанавливается, что Сейм принимает постановления о временных сборах, мере стоимости монеты, об открытии общественных займов, жаловании шляхетства и прочих наградах по случаю, о распределении общественных, обычных и чрезвычайных расходов. Причем в гл. VII указанные права Сейма коррелируют с запретом для исполнительной власти, в частности, вводить под каким бы то ни было названием

налоги и сборы, производить государственные займы, изменять произведенное Сеймом распределение государственных доходов.

Особый интерес имеют договорная Конституция Франции 1791 г. и дарованная Конституционная Хартия (*Charte constitutionnelle*) 1814 г., «ставшие образцами для остальных государств» [6, с. 76].

Конституция Франции 3 сентября 1791 г. устанавливает общие положения экономической системы общества, систему государственного управления, которая отражала не только реальности времени принятия Конституции, но и дальнейшее функционирование государственной системы [7]. Например, определение основ экономической системы осуществляется в указанной Конституции через предоставление прав и свобод человека и гражданина. Так, установлено, что «Конституция обеспечивает неприкосновенность собственности и справедливое предварительное возмещение, если установленная законом общественная необходимость потребует имущественных жертв. Конституция гарантирует действительность произведенного отчуждения имущества или могущего последовать в порядке, установленном законом» [8] (Раздел I «Основные положения, обеспеченные Конституцией»). Главой третьей «Об осуществлении законодательной власти» раздела третьего «О государственных властях» закреплены следующие полномочия представительного органа в экономической сфере: определение государственных расходов; установление государственных налогов, определение их природы, размеров, продолжительности и порядка взимания; раскладку прямых налогов между департаментами королевства, наблюдение за употреблением всех государственных доходов и требование по ним отчетности; определение пробы, веса, чекана и наименования монет; издание постановлений о порядке заведования национальными имуществами и об их отчуждении. Королю же, согласно положениям главы четвертой «Об осуществлении исполнительной власти» раздела третьего «О государственных властях», как главе исполнительной власти передается полномочие по контролю за изготовлением монет и назначению должностных лиц, на которых возлагается осуществление такого надзора в главной монетной комиссии и на монетных дворах. Вопросы территориального управления, в том числе в экономической сфере, также нашли отражение в тексте рассматриваемой Конституции. Так, согласно положениям Отдела II главы четвертой «Об осуществлении исполнительной власти», «существенными обязанностями органов управления (администраторов) являются

раскладка прямых налогов и наблюдение за поступлениями всех видов обложения и государственных доходов в пределах их ведения. Власть законодательная определяет правила и порядок осуществления их обязанностей как по предметам, изложенным выше, так и по всем прочим частям внутреннего управления». В Конституции Франции 1791 г. вопросам налогообложения посвящен пятый раздел, в котором подтверждались указанные выше положения о разграничении компетенции законодательной и исполнительной власти в указанной сфере.

Французское конституционное строительство конца XIX в. базируется не только на Конституции Франции от 3 сентября 1791 г., но и на Декларации прав человека и гражданина, принятой Национальным Собранием 26 августа 1789 г. [8]. В данном документе, являющемся в настоящее время частью Конституции Французской Республики 1958 г., закреплены основные экономические права личности, такие как право собственности (п.п. 2, 17), право устанавливать государственное обложение (п. 14).

Конституция Норвегии 17 мая 1814 г. [9] (ныне действующая), как и многие основные законы стран, в которых конституцией установлена ограниченная монархия, в большей степени ориентирована на правовую регламентацию общих принципов ограничения власти монарха, разделение властей, однако некоторые конституционные положения относятся к экономической системе в целом и предпринимательской деятельности в частности. Например, в § 17 главы В «Об исполнительной власти, короле и королевской фамилии» обозначено, что «Король может издавать и отменять постановления, касающиеся торговли, таможен, экономики, а также полиции, однако они не должны противоречить Конституции и установленным Стортингом законам», в § 18 за Королем закреплено право взимания налогов, установленных парламентом, в полномочия Стортинга, помимо прочего, входят установление налогов и иных сборов, предоставление займов за счет государственного кредита, государственный финансовый контроль, ассигнование средств, необходимых для государственных расходов, в том числе Королю по цивильному листу. Кроме того, в § 101 главы Е «Общие постановления» закреплена свобода предпринимательства установлением, что «впредь никто не имеет права устанавливать ограничения свободы торговли и промышленности». Такой формулировки, четко относящейся к конституционному регулированию предпринимательской деятельности, проанализированные выше конституционные акты не содержали.

Таким образом, первые формальные конституции регламентировали ряд вопросов, связанных с экономической системой общества. В обозначенной группе конституций так называемые общие положения не выделялись, основные принципы экономической системы систематизированы не были. Можно выделить три сферы конституционного регулирования экономических отношений в первых формальных конституциях:

1) правовой статус человека и гражданина: закрепление права собственности и гарантии его защиты (ее неприкосновенность и возмездность изъятия);

2) организация публичной власти: закрепление за законодательным органом права на денежную эмиссию, установление налогов и иных аналогичных платежей, распоряжение доходами государства, закрепление некоторых полномочий главы государства и исполнительной власти в рассматриваемой сфере (например, осуществлять сбор налогов и сборов);

3) взаимодействие центральной власти и территорий: закрепление за центральной властью исключительных прав, прежде всего права на денежную эмиссию, конституционных запретов для территориальных органов власти.

Анализ первых конституций показал, что, в отличие от экономических отношений в целом, в чистом виде сферу предпринимательской деятельности конституционные нормы не затрагивали (за исключением Конституции Норвегии 1814 г.). Вместе с тем опосредованно через регламентацию отношений в сфере собственности конституционными нормами создавалась основа для формирования и развития предпринимательских отношений, обеспечения экономической безопасности государства и общества [10].

Конституции так называемого второго поколения обычно характеризуются исследователями как развернутые и этатистские, хотя многие из них сохранили в целом схожую с конституциями «первого поколения» структуру и логику изложения (например, Политическая Конституция Республики Чили (промульгирована 18 сентября 1925 г.), Конституционная хартия Чехословацкой Республики от 29 февраля 1920 г., Конституция Польской Республики от 17 марта 1921 г. с изменениями по закону 2 августа 1926 г.).

Содержание конституций «второго поколения» претерпело изменения, что отразилось и на экономическом наполнении конституций.

В частности, Конституция Мексики от 5 февраля 1917 г. [11] является одной из самых развернутых не только среди основных законов, принятых в первой половине XX в., но и среди

всех ныне действующих конституций. Экономическим отношениям посвящен значительный объем конституционных положений: запрещаются рабство (ст. 2), конфискация имущества, не связанная с судебным решением (ст. 22); закреплена первичность государственной собственности на землю и природные ресурсы, возможность их передачи в частную собственность (причем мексиканцам и мексиканским корпорациям; иностранные корпорации могут получить такую возможность лишь при признании себя мексиканцами с точки зрения отказа от помощи своих правительств для разрешения экономических споров с Мексикой), установлена возможность введения ограничений на частную собственность в связи с общественными интересами, закреплены объекты исключительно государственной собственности, установлены основные принципы организации и деятельности государственных или частных учреждений, акционерных торговых объединений, банков (ст. 27); проводится разграничение компетенции федерации и штатов (ст. 27, 28); основания ограничения экономической деятельности в чрезвычайных ситуациях (ст. 29).

Отметим, что, несмотря на подробное регулирование экономической деятельности, в Конституции Мексики экономический блок вопросов регламентирован хаотично, в ней не определены базовые принципы управления государством. Данный недостаток компенсируется подробнейшим регулированием частных вопросов, которые в совокупности и составляют экономическую систему общества.

Конституция Республики Перу (промульгирована 9 апреля 1933 г.) [12] также детально регламентирует экономические отношения. В частности, в гл. I «Национальные и социальные гарантии» ч. II «Конституционные гарантии» обозначены общие принципы налогообложения (ст. 8), построения и исполнения бюджета страны (ст. 9, 10), функционирования денежной системы (ст. 12, 14, 15), установлены гарантии платежей по государственным долгам (ст. 11), признается свобода объединений и договоров, однако «условия ее осуществления регулируются законом» (ст. 27), признается свобода торговой и промышленной деятельности с учетом конституционных ограничений (ст. 40, 41), установлен запрет промышленных и торговых монополий, а также спекулятивная скупка товаров (ст. 16), неприкосновенность частной собственности (ст. 29), однако установлены ограничения ее пользования и владения (ст. 31, 33, 35–38), а также гарантии сохранения и распространения средней и мелкой земельной собственности (ст. 47). Вместе с тем

государство устанавливает на конституционном уровне положения, которые в современных конституциях считаются избыточными с точки зрения именно конституционного регулирования. Например, согласно ст. 28, «закон определяет наивысший процент по денежным займам, все противоречащие этому соглашения не имеют силы, лица, нарушающие положения настоящей статьи, подлежат наказанию». Кроме того, согласно ст. 39, «тарифы за проезд и за провоз грузов устанавливаются и взимаются только в государственной валюте без каких-либо исключений», что является ярким примером точечного конституционного регулирования, что было свойственно для конституций рассматриваемого периода. Помимо этого, в Конституции определены исключительные полномочия законодательного органа – Конгресса – в экономической сфере: вводить новые и отменять ранее введенные налоги; утверждать бюджет, одобрять или отказывать в одобрении общего отчета Республики, ежегодно представляемого исполнительной властью, и утверждать бюджеты департаментских советов; уполномочивать исполнительную власть на получение через Государственное казначейство займов и указывать средства для их погашения; устанавливать таможенные тарифы; признавать государственный долг и указывать средства для его консолидации и погашения; определять пробу, вес, тип и достоинство монеты, а также систему мер и весов; выдавать премии населенным пунктам, корпорациям или отдельным лицам за выдающиеся услуги, оказанные Республике (ст. 123).

Конституции, принятые после Второй мировой войны, можно признать в большей или меньшей степени унифицированными с точки зрения структуры и содержания, поскольку, например, нормы о правах и свободах человека и гражданина, в том числе в экономической сфере, корреспондировались во многих конституциях с положениями Всеобщей декларации прав и свобод человека и гражданина, ратифицированной 12 декабря 1948 г., а в дальнейшем – с положениями Международных пактов 1966 г.

Среди современных конституций можно выделить несколько групп. Представляется целесообразным выделить модели конституционного регулирования экономических отношений с точки зрения непосредственного закрепления свободы предпринимательской деятельности и прав на занятие предпринимательской деятельностью, поскольку в конституциях, принятых после Второй мировой войны, чаще всего этот вопрос так или иначе решается, речь не идет только об экономической системе в целом.

Во-первых, конституции вообще могут обходить данный вопрос стороной. Причиной этому может являться действие в стране конституции более раннего «поколения», как, например, в США.

Во-вторых, можно выделить конституции, в которых закреплена свобода предпринимательской деятельности и связанные с этим права, хотя стоит указать, что данная свобода не признается абсолютной.

В частности, в гл. VII «Экономические права» Конституции Венесуэлы от 30 декабря 1999 г. [13] содержится стандартный перечень экономических прав и свобод, в том числе право собственности (ст. 115), свобода посвятить себя экономической деятельности по своему усмотрению (ст. 112), защита конкуренции (ст. 113), запрет необоснованной конфискации (ст. 116), право на объединение для ведения совместной экономической деятельности (ст. 118). Кроме того, устанавливается, что «государство поощряет частную инициативу <...> без ущерба для его возможности устанавливать способы планирования, рационализации, регулировать экономику и содействовать всестороннему развитию страны» (ст. 112).

Конституция Индии 26 ноября 1949 г. [14] разработана с учетом мировой практики конституционного строительства, что обусловило закрепление в ней для всех граждан право практиковать любую профессию или иметь любое занятие, вести любую торговлю или какую-либо другую предпринимательскую деятельность (ст. 19).

Статья 38 Конституции Испанского королевства от 27 декабря 1978 г. гласит, что «признается свобода предпринимательства в рамках рыночной экономики» [15].

Конституция Таиланда от 24 августа 2007 г. [16] содержит ст. 43, в которой установлено, что «лицо обладает свободой участвовать в любом предприятии или сфере труда, равно как в добросовестной и свободной конкуренции. Ограничение таких свобод согласно параграфу один может быть произведено только на основании закона». Согласно ст. 83 указанной Конституции, «государство должно поощрять и содействовать реализации обоснованной экономической политики», в том числе, как установлено в ст. 84, поощрением предпринимателей использовать заслуги, этику и принцип корпоративного управления в осуществлении предпринимательской деятельности.

Согласно ст. К Конституции / Основного закона Венгрии от 25 апреля 2011 г. [17], экономика базируется «на работе по созданию стоимости и

свободе предпринимательской деятельности». Вместе с тем установлено, что «Венгрия должна обеспечить условия для справедливой экономической конкуренции, будет действовать против злоупотребления экономической властью и будет защищать права потребителей».

Хартия основных прав и свобод, являющаяся составной частью Конституции Чешской Республики от 16 декабря 1992 г. [18], в ст. 26 гл. 4 «Экономические, социальные и культурные права» определяет, что «каждый имеет право на свободный выбор профессии и подготовку к ней, а также право заниматься предпринимательской и иной хозяйственной деятельностью. Законом могут быть установлены условия и ограничения осуществления определенных профессий или видов деятельности».

В-третьих, ряд конституций содержат запрет на предпринимательскую деятельность как на свободную деятельность индивида и коллектива и устанавливают значительные ограничения свободы экономической деятельности.

В частности, в Конституции Корейской Народной Демократической Республики от 27 декабря 1972 г. [19] обозначено, что государству принадлежит ключевая роль в определении направлений экономического развития страны. Так, указано, что именно государство улучшает руководство и управление страной, открыто указывается тренд на постепенное превращение кооперативной собственности в собственность общенародную (государственную) (ст. 23). Вместе с тем в ст. 37 установлено, что «государство поощряет совместное и кооперативное предпринимательство учреждений, предприятий, организаций нашей страны и юридических или частных лиц зарубежных стран».

Результаты

Обобщая содержание конституций зарубежных стран, можно выделить несколько моделей конституционного регулирования экономических отношений. Во-первых, с точки зрения точности такой регламентации можно выделить конституции, в которых экономическим отношениям или некоторым группам таких отношений посвящена отдельная глава, и конституции без таких глав. Во-вторых, с точки зрения установления приоритета интересов различных экономических субъектов можно все основные законы условно поделить на устанавливающие свободу хозяйственной деятельности с ограничением в пользу общества и закрепляющими ведущую роль государства в процессе производства, распределения продуктов и услуг. Также можно сгруппировать конституции по типичности

положений, относящихся к правовому регулированию экономической системы общества.

Столь значительное различие в конституционном регулировании экономических отношений обусловлено как особенностями самого государственного устройства, традициями конституционного регулирования, так и балансом политических сил на момент принятия конституции. Конституционное регулирование экономических отношений может быть более или менее подробным, что зависит как от принадлежности конституции к тому или иному «поколению», так и от самой идеологии конституционного строительства, реализованной в той или иной конституции.

Важной составляющей конституционного регулирования экономической системы является установление принципов предпринимательской деятельности. Единого подхода к конституционной регламентации данного вопроса не выработано, однако в зависимости от содержательного наполнения конституций с позиции закрепления основ предпринимательской деятельности можно выделить несколько моделей: отсутствие в конституции норм подобного содержания; закрепление свободы предпринимательской деятельности; установление запрета на осуществление предпринимательской деятельности.

Список литературы

1. Чуксина В. В., Бондаренко О. В. Права человека в контексте политико-правовой турбулентности // Изв. Байкал. гос. ун-та. 2017. Т. 27, № 2. С. 218–230. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).218-230
2. Бахташрова Е. А. Опыт оценки эффективности государственного управления за рубежом и перспективы его применения в России // Публичное управление и территориальное развитие : новые тенденции и перспективы : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во БГУ, 2015. С. 39–51.
3. Пугачев А. Н. Источники конституционного права в зарубежных странах (сравнительный анализ) // Актуальные проблемы сравнительного правоведения : теория и практика : сб. науч. ст. Витебск : Изд-во ВГУ им. П. М. Машерова, 2017. С. 218–222.
4. Соединенные Штаты Америки : Конституция и законодательство / под ред. О. А. Жидкова. М. : Прогресс ; Универс, 1993. 766 с.
5. Чуксина В. В. Глобализация, права человека и обязанности государства // Изв. Иркут. гос. экон. акад. (БГУЭП). 2010. № 6. С. 55–60.
6. Медушевский А. Н. Конституционная монархия в Европе, Японии и России (сравнительное исследование конституционных актов) // ОНС : Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 71–88.
7. Метелева Е. Р. Реформы в системе публичного управления в России : цели, направления, результаты // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7, № 3. С. 19. DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(3).19
8. Конституция Франции 1791 г. // Документы истории Великой Французской революции : в 2 т. / отв. ред. А. В. Адо. М. : Изд-во Моск. ун-та, Т. 1. 1990. С. 116–141.
9. Конституция Норвежского королевства от 17 мая 1814 г. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=142&attempt=1> (дата обращения: 15.01.2019).
10. Кочеткова И. В., Устинов А. Н. Проблемы обеспечения экономической безопасности в Российской Федерации // Обеспечение национальной безопасности России в современном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. С. 216–221.
11. Конституция Мексики от 5 февраля 1917 г. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=51> (дата обращения: 15.01.2019).
12. Конституция Республики Перу (промульгирована 9 апреля 1933 г.). URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=534> (дата обращения: 15.01.2019).
13. Constitución vigente de Venezuela de 1999 con la Enmienda № 1 de fecha 15 de febrero de 2009 // Gaceta Oficial Extraordinario. 1999. № 5. 908.
14. Конституция Индии от 26.11.1949 // Конституции государств Азии : в 3 т. Т. 2 : Средняя Азия и Индостан / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма, 2010. С. 169–448.
15. Конституция Испании от 27.11.1978 // Конституции государств Европы : в 3 т. Т. 2 / под ред. Л. А. Окунькова. М. : Норма, 2011. С. 50–94.
16. Конституция Королевства Таиланд от 24.08.2007 // Конституции государств Азии : в 3 т. Т. 3 : Дальний Восток / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма, 2010. С. 789–912.
17. Конституция / Основной закон Венгрии от 25.04.2011 // Конституции государств Европы : в 3 т. Т. 1 / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М. : Норма, 2001. С. 523–564.
18. Конституция Чешской Республики от 16.12.1992 // Конституции государств Европы : в 3 т. Т. 3 / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М. : Норма, 2001. С. 491–530.
19. Конституция Корейской Народной Демократической Республики от 27.12.1972 // Конституции государств Азии : в 3 т. Т. 3 : Дальний Восток / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма, 2010. С. 259–296.

Образец для цитирования:

Якимова Е. М. Конституционное регулирование экономических отношений в зарубежных странах: история и современность // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 216–223. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-216-223>

Constitutional Regulation of Economic Relations in Foreign Countries: History and Modernity

E. M. Yakimova

Ekaterina M. Yakimova, <https://orcid.org/0000-0002-2951-4131>, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk 664003, Russia, yakimova_katerin@mail.ru

Introduction. The constitutional regulation is considered as an impact of a constitution on the most essential aspects of life in society. Singling out common features of the constitutional regulation, “generations of constitutions” does not resolve an issue of existence of the common and special features in formulation of the principles of functioning of various systems, including economic relations, in constitutions of various periods. **Theoretical analysis.** Stipulation of the constitutional regulations on the bases of the economic system of the state depends to a lesser extent on the time of creation of the constitution. When determining economic bases, leaders of states rely mostly on economic policies. **Empirical analysis.** Assessment of provisions of constitutions of various foreign countries showed that three components of the constitutional regulation of the relations under consideration can be found in the constitutions of “the first generation”. Such models can be singled out from the position of legal status of a personality, from the position of organization of public power and from the position of a territorial structure of a state. The constitutions of “the second generation” considerably broadened the sphere of the constitutional regulation of public relations including the economic sphere. In modern constitutions economic relations are regulated with a high degree of unification. **Results.** The similarity of the basic principles of the constitutional consolidation of economic relations does not mean existence of a uniform model of the constitutional regulation of the economic relations. The lack of the uniform model is caused by traditions of the constitutional legislation of a particular state, arrangement of political forces at the time of development of the draft constitution.

Keywords: economic relations, constitution, constitutional regulation, economic system, business activity.

References

1. Chuksina V. V., Bondarenko O. V. Human Rights in the Context of Political and Legal Turbulence]. *Bulletin of Baikal State University*, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 218–230 (in Russian). DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).218-230
2. Bahtairova E. A. Experience of Efficiency Assessment of Public Administration Abroad and Prospects of its Implementation in Russia. In: *Publichnoe upravlenie i territorial'noe razvitie: novye tendentsii i perspektivy* [Public Management and Territorial Development: New Trends and Prospects. Collected papers]. Irkutsk, BGU Publ., pp. 39–51 (in Russian).
3. Pugachev A. N. Istochniki konstitutsionnogo prava v zarubezhnykh stranakh (sravnitel'nyi analiz) [Sources of Constitutional Law in Foreign Countries (Comparative Analysis)]. In: *Aktual'nye problemy sravnitel'nogo pravovedeniia: teoriia i praktika* [Current Problems of Comparative Jurisprudence: Theory and Practice. Collected of sci. art.]. Vitebsk, VGU imeni P. M. Masherova Publ., 2017, pp. 218–222 (in Russian).
4. *Soedinennye Shtaty Ameriki: Konstitutsiya i zakonodatel'stvo* [United States of America: Constitution and Legislation]. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1993. 766 p. (in Russian).
5. Chuksina V. V. Globalization, Human Rights and State Duties. *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 2010, no. 6, pp. 55–60 (in Russian).
6. Medushevsky A. N. Konstitutsionnaia monarkhiya v Evrope, Yaponii i Rossii [Constitutional Monarchy in Europe, Japan and Russia (A Comparative Research of the Constitutional Acts)]. *Social Sciences and Contemporary World*, 1994, no. 6, pp. 71–88 (in Russian).
7. Meteleva E. R. Reforms in Russian Public Administration System: Objectives, Directions. *Baikal Research Journal*, 2016, vol. 7, no. 3, pp. 19–19 (in Russian). DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(3).19
8. Konstitutsiya Frantsii 1791 g. [Constitution of France 1791]. In: *Dokumenty istorii Velikoi Frantsuzskoi revoliutsii: v 2 t. T. 1* [Documents of History of the Great French Revolution: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Moscow University Publ., 1990, pp. 116–141 (in Russian).
9. *Konstitutsiya Norvezhskogo korolevstva ot 17 maya 1814 g.* (Constitution of the Kingdom of Norway of May 17, 1814). Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=142&attempt=1> (accessed 15 January 2019) (in Russian).
10. Kochetkova I. V., Ustinov A. N. Problems of Providing Economic Security in the Russian Federation. In: *Obespechenie natsional'noi bezopasnosti Rossii v sovremennom mire* [Ensuring National Security of Russia in the Modern World. Materials Int. sci. and pract. conf.]. Irkutsk, BGU Publ., 2016, pp. 216–221 (in Russian).
11. *Konstitutsiya Meksiki ot 5 fevralia 1917 g.* (Constitution of Mexico of February 5, 1917). Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=51> (accessed 15 January 2019) (in Russian).
12. *Konstitutsiya Respubliki Peru (promuil'girovana 9 apreliia 1933 g.)* (Constitution of the Republic of Peru of April 9, 1933). Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=534> (accessed 15 January 2019) (in Russian).
13. Constitución vigente de Venezuela de 1999 con la Enmienda no. 1 de fecha 15 de febrero de 2009. *Gaceta Oficial Extraordinario*, 1999, no. 5.908.
14. Konstitutsiya Indii ot 26.11.1949 [Constitution of India of 26.11.1949]. In: *Konstitutsii gosudarstv Azii: v 3 t. T. 2. Srednyaya Aziya i Indostan* [Constitutions of Asian States: in 3 vols. Vol. 2]. Moscow, Norma Publ., 2010, pp. 169–448 (in Russian).
15. Konstitutsiya Ispanii ot 27.11.1978 [Constitution of Spain of 27.11.1978]. In: *Konstitutsii gosudarstv Evropy: v 3 t. T. 2* [Constitutions of the States of Europe: in 3 vols. Vol. 2]. Moscow, Norma Publ., 2001, pp. 50–94 (in Russian).

16. Konstitutsiya Korolevstva Tailand ot 24.08.2009 [Constitution of the Kingdom of Thailand of 24.08.2007]. In: *Konstitutsii gosudarstv Azii: v 3 t. T. 3. Dal'niy Vostok* [Constitutions of Asian States: in 3 vols. Vol. 3. Far East]. Moscow, Norma Publ., 2010, pp. 789–912 (in Russian).
17. Konstitutsiya / Osnovnoi zakon Vengrii ot 25.04.2011 [Constitution of Hungary of 25.04.2011]. In: *Konstitutsii gosudarstv Evropy: v 3 t. T. 1* [Constitutions of the States of Europe: in 3 vols. Vol. 1]. Moscow, Norma Publ., 2001, pp. 523–564 (in Russian).
18. Konstitutsiya Cheshskoi Respubliki ot 16.12.1992 [Constitution of Czech Republic 16.12.1992]. In: *Konstitutsii gosudarstv Evropy: v 3 t. T. 3* [Constitutions of the States of Europe: in 3 vols. Vol. 3]. Moscow, Norma Publ., 2001, pp. 491–530 (in Russian).
19. Konstitutsiy Koreiskoi Narodnoi Demokraticheskoi Respubliki ot 27.12.1972 [Constitution of the Democratic People's Republic of Korea of 27.12.1972]. In: *Konstitutsii gosudarstv Azii: v 3 t. T. 3. Dal'niy Vostok* [Constitutions of Asian States: in 3 vols. Vol. 3. Far East]. Moscow, Norma Publ., 2010, pp. 259–296 (in Russian).

Cite this article as:

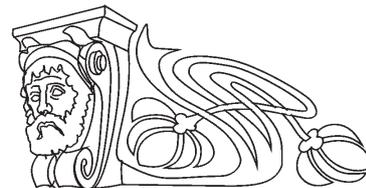
Yakimova E. M. Constitutional Regulation of Economic Relations in Foreign Countries: History and Modernity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 216–223 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-216-223>

УДК 342.9

Правовое регулирование установления административной ответственности субъектами Российской Федерации

С. А. Овсянников

Овсянников Сергей Александрович, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой таможенного, административного и финансового права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tafp_jurid@info.sgu.ru

Введение. Административная ответственность, традиционно находящаяся в центре внимания административно-правовой науки, в современных условиях выступает универсальным механизмом, защищающим правопорядок и общественные отношения в самых разнообразных сферах общественной и государственной жизни. **Обсуждение.** Законы об административной ответственности являются неотъемлемой частью законодательства субъекта Российской Федерации, обеспечивая реализацию тех правил, которые устанавливаются на региональном уровне. Проблема разграничения полномочий Российской Федерации и субъектов Федерации в сфере установления административной ответственности остается дискуссионной, поскольку среди ученых до сих пор нет единого мнения по данному вопросу. **Результаты.** На современном этапе развития регионального законодательства об административной ответственности оно не лишено ряда проблем, требующих разрешения, к которым, в свою очередь, относится разрозненность законодательства об административной ответственности субъектов Российской Федерации. Перспективы развития региональных законов об административной ответственности видятся в том, что правоприменительная практика будет способствовать трансформации ряда их норм в нормы КоАП РФ при его обновлении.

Ключевые слова: административная ответственность, разграничение полномочий, региональное законодательство, деликтное законодательство, муниципальное образование.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-224-228>

Введение

Административная ответственность прежде всего правовое явление. Ее основания, система и виды административных наказаний, порядок их применения, процессуальные формы реализации закреплены в законодательстве. Необходимость столь высокого уровня регулирования обусловлена приоритетом в современном обществе прав и свобод человека и гражданина, который должен соблюдаться в любом виде государственно-правовой практики, в том числе связанной с применением мер принуждения. Действующее административно-деликтное законодательство состоит из Кодекса РФ об административных

правонарушениях (КоАП РФ) и законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Обсуждение

В соответствии со ст. 72 Конституции РФ административное и административно-процессуальное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов [1].

Административная ответственность в соответствии с конституционными установлениями и ч. 1 ст. 1.1 КоАП РФ имеет также двухуровневую систему. Так, пп. 39 п. 2 ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [2] предусмотрено, что к полномочиям органов государственной власти субъекта Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета), относится решение вопросов установления административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъекта РФ, нормативных правовых актов органов местного самоуправления.

По смыслу ч. 1 ст. 1.1, ч. 3 ст. 3.2, п. 4 ч. 2 ст. 22.1, ч. 2 ст. 28.2 и ч. 6 ст. 28.3 КоАП РФ в каждом субъекте Российской Федерации должен быть принят единый закон об административной ответственности, но не тематический, в который при необходимости могут быть внесены изменения и дополнения. Это важно с точки зрения придания ему стабильности и единства, необходимых для его знания, соблюдения и применения.

Принятие субъектами Российской Федерации собственных нормативно-правовых актов об административной ответственности обусловлено необходимостью регулирования специфических общественных отношений, возникающих в том или ином регионе.

Следует отметить, что разграничение полномочий Российской Федерации и ее субъектов в

области установления административной ответственности не получило однозначной оценки в административно-правовой науке, оно являлось и является предметом неоднократных рассмотрений в Конституционном Суде РФ и дискуссий среди ученых-административистов. По мнению А. В. Кирина, сегодня требуется дополнительное уточнение названных важнейших положений административно-деликтного законодательства о разграничении предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов в области установления административной ответственности [3].

Рассуждая о разграничении компетенции по установлению административной ответственности между центром и регионами, нельзя не отметить обоснованную позицию А. П. Шергина, согласно которой «в КоАП РФ нарушен основной конституционный императив – ограничение прав и свобод человека и гражданина возможно только на основании федерального закона, что подрывает единство правового статуса гражданина, ибо самая широкая сфера государственного принуждения поставлена в зависимость от места пребывания человека» [4, с. 41]. Схожей позиции придерживается большинство специалистов в области административного права.

Вместе с тем, как справедливо замечает А. С. Дугенец, «без должных оснований и видимых причин в начале 90-х годов субъектам Российской Федерации были предоставлены широкие полномочия по административно-деликтному нормотворчеству» [5, с. 135].

Таким образом, федеральным законодательством предусмотрена возможность осуществления субъектами РФ собственного правового регулирования общественных отношений в сфере административной ответственности.

В настоящее время во всех субъектах Российской Федерации приняты нормативные правовые акты, устанавливающие административную ответственность, в виде законов об административных правонарушениях (например, Закон «Об административных правонарушениях на территории Саратовской области» [6]) либо в виде кодифицированного нормативного правового акта (например, Кодекс Республики Татарстан об административных правонарушениях [7]).

При этом по общему правилу законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации имеют прямое действие, т.е. могут применяться на территории муниципального образования непосредственно, в том числе в случаях, если в данном муниципальном образовании аналогичных правил не установлено.

Структурно каждый закон субъекта Федерации об административной ответственности строится в большей или меньшей степени типично: присутствуют общие положения; особенная часть; органы и должностные лица, правомочные рассматривать дела об административных правонарушениях; подведомственность дел об административных правонарушениях; особенная часть. При этом отдельные субъекты Российской Федерации в собственных законах придерживаются структуры и иерархической нумерации статей КоАП РФ.

Однако известный ученый-административист М. Я. Масленников отмечает нецелесообразность повторения КоАП РФ в рамках региональных законов по названию и содержанию во избежание юридических коллизий. В первую очередь местные законы должны быть адресованы населению, т.е. представлять собой в значительной мере профилактирующий фактор. Ученый обосновывает необходимость в общих положениях (частях) региональных законов вынести в отдельную статью основные положения КоАП РФ, касающиеся понятий «административное правонарушение», «потерпевший», «защитник», «свидетель», «экспертиза», «постановление», «определение» и т.д. [8, с. 167].

Все без исключения законодательные органы субъектов Российской Федерации в региональных законах об административной ответственности используют право определения подведомственности дел территориальным органам и должностным лицам. Что касается административно-процессуальных вопросов, то можно заметить, что в большинстве своем законодательные органы субъектов Федерации их не затрагивают, обходят. Но в некоторых комплексных региональных законах наблюдаются завуалированные, а иногда и явные вторжения в сферу, подпадающую под действие норм глав 24–32 КоАП РФ.

Законы об административных правонарушениях субъектов Российской Федерации связаны с общими положениями административного законодательства и сосредоточены больше на принципах закона, признаках правонарушения, субъектах ответственности и прочих позициях. При этом применение региональных законов невозможно без общих положений, определяемых законодательством федеральным.

Законодательство субъектов Российской Федерации выполняет, прежде всего, охранительную функцию, связанную с защитой прав и свобод граждан, оно направлено на защиту от нарушений обязательных правил и норм, уста-

новленных нормативными правовыми актами субъекта Федерации и муниципальными нормативными правовыми актами. Предусматривая административную ответственность за конкретные действия (бездействие), органы государственной власти субъекта РФ обеспечивают защиту публичных интересов субъекта Российской Федерации и муниципальных образований.

Однако, как справедливо отмечается в научной литературе, «региональное административно-деликтное законодательство является одним из наиболее проблемных (если не самым проблемным) с точки зрения соответствия федеральному закону. Практически в любом региональном административно-деликтном законе можно встретить нормы, устанавливающие составы административных правонарушений, которые объективно противоречат федеральному законодательству» [9, с. 48].

Региональные законы устанавливают административную ответственность по вопросам, не имеющим федерального значения, в том числе за нарушения правил и норм, предусмотренных законами и иными нормативными правовыми актами органов государственной власти субъектов РФ, муниципальными правовыми актами.

Федеральный законодатель, наделяя субъекты Российской Федерации правом принятия норм об административной ответственности за нарушение регионального законодательства, установил ограничения такого регулирования пределами действия не только КоАП РФ, но и федерального отраслевого законодательства, которым установлены объективные критерии, условия и пределы правового регулирования той или иной сферы общественных отношений. В связи с этим региональные законодательные органы испытывают трудности при формулировании правовых норм. К примеру, для многих субъектов Российской Федерации оказалось сложным правильно сформулировать нормы, предусматривающие административную ответственность за нарушение правил благоустройства территории населенных пунктов, утвержденных органами местного самоуправления, не затрагивая при этом федеральных полномочий. В соответствии с федеральным законодательством субъекты РФ вправе установить административную ответственность за нарушение нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Однако на практике в большинстве случаев региональные нормы об административной ответственности Верховным Судом РФ признаны недействующими по причине вторжения регионального законодателя в компетенцию Российской Федерации.

Среди имеющихся проблем развития законодательства об административной ответственности на уровне субъектов Российской Федерации М. А. Лапина выделяет разрастание административно-юрисдикционного законодательства без единой концептуальной линии его развития [10, с. 850]. При этом зачастую в законах субъектов Федерации об административных правонарушениях просто дублируются соответствующие нормы КоАП РФ.

Анализ регионального законодательства об административных правонарушениях позволил выделить характерную особенность, заключающуюся в отсутствии единого подхода к вопросу регулирования административной ответственности на уровне субъектов Российской Федерации.

Результаты

Подводя итог, следует отметить, что в целях развития административной ответственности в субъектах Российской Федерации необходимо выработать долгосрочную стратегическую государственную политику.

Формирование унифицированных правовых норм об административной ответственности на федеральном и региональном уровнях позволит обеспечить более полную государственную статистическую отчетность по делам об административных правонарушениях, а также даст возможность для формирования эффективной правоприменительной практики по наиболее сложным категориям дел, связанным с нарушением общественного порядка.

Совершенствование нормативно-правовой регламентации и процессуально-правового регулирования административной ответственности возможно и вполне реально с учетом как положительного, так и отрицательного опыта, накапливаемого при применении КоАП РФ и региональных законов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон от 6.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42, ст. 5005 ; 2019. № 12, ст. 1226.

3. Кирин А. В., Побежимова Н. И. Новой редакции КоАП РФ нужна новая Общая часть // Административное право и процесс. 2014. № 12. С. 7–13.
4. Шергин А. П. Актуальные проблемы административно-деликтного права // Административное право и процесс. 2004. № 1. С. 39–42.
5. Дугенец А. С. Административная ответственность в российском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 373 с.
6. Об административных правонарушениях на территории Саратовской области : Закон Саратовской области от 29.07.2009 № 104-ЗСО (ред. от 05.02.2019) // Собр. законодательства Саратовской области. 2009. № 17 ; 2019. № 1.
7. Кодекс Республики Татарстан об административных правонарушениях от 19.12.2006 № 80-ЗРТ (ред. от 9.06.2014) // Республика Татарстан. 2006. № 256 ; 2014. № 85.
8. Масленников М. Я. Федеральное и региональное законодательство об административной ответственности : проблемы легитимности и перспективы развития // Масленников М. Я. Административный процесс : теория и практика / отв. ред. А. С. Дугенец. М., 2008. 364 с.
9. Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Проблемы законодательного регулирования административной ответственности за нарушения правил благоустройства // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2014. № 4 (99). С. 47–51.
10. Лапина М. А. Концептуальные вопросы развития административно-юрисдикционного законодательства в области финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг // Административное и муниципальное право. 2014. № 8 (80). С. 843–856. DOI: 10.7256/1999-2807.2014.8.12396

Образец для цитирования:

Овсянников С. А. Правовое регулирование установления административной ответственности субъектами Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 224–228. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-224-228>

Legal Regulation of Establishment of Administrative Responsibility by Territorial Subjects of the Russian Federation

S. A. Ovsyannikov

Sergey A. Ovsyannikov, <https://orcid.org/0000-0002-3064-9500>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tafp_jurid@info.sgu.ru

Introduction. The administrative responsibility, which is traditionally in the center of attention of administrative and legal science in modern conditions, acts as the universal mechanism protecting law and order and the public relations in various spheres of public and state life. **Discussion.** Laws on administrative responsibility are an integral part of the legislation of a territorial subject of the Russian Federation and provide implementation of those rules which are established at the regional level. The problem of differentiation of powers of the Russian Federation and territorial subjects of the federation in the sphere of establishment of administrative responsibility remains debatable as there is still no consensus on the matter among scientists. **Results.** At its present stage of development, the regional legislation on administrative responsibility is not deprived of a number of the problems that have to be solved. One of these issues is a lack of uniformity of the legislation on administrative responsibility of territorial subjects of the Russian Federation. The prospects of development of regional laws on administrative responsibility are likely to be connected with the fact that law-enforcement practice will promote transformation of a number of their norms into standards of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences at its updating.

Keywords: administrative responsibility, differentiation of powers, regional legislation, tort legislation, municipality.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended of 30.12.2008 no. 6-FKZ, of 30.12.2008 no. 7-FKZ, of 05.02.2014 no. 2-FKZ, of 21.07.2014 no. 11-FKZ). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398 (in Russian).
2. About the general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of the government of territorial subjects of the Russian Federation: Federal law of 6.10.1999 no. 184-FZ (an edition of 18.03.2019). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1999, no. 42, art. 5005; 2019, no. 12, art. 1226 (in Russian).
3. Kirin A.V., Pobezhimova N. I. Novoi redaktsii KoAP RF nuzhna novaia Obshaia chast' [The New Variant of the Code of Administrative Law Violations Needs the "General Part"]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative Law and Process], 2014, no. 12, pp. 7–13 (in Russian).
4. Shergin A. P. Aktual'nye problemy administrativno-delikt-nogo prava [Current Problems of Administrative Law of Torts]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative Law and Process], 2004, no. 1, pp. 39–42 (in Russian).
5. Dugeneц A. S. *Administrativnaia otvetstvennost' v rossiyskom prave* [Administrative Responsibility in Russian Law]. Diss. Dr. Sci. (Jur). Moscow, 2005. 373 p. (in Russian).
6. About administrative offenses in the territory of the Saratov region. Law of the Saratov region of 29.07.2009 no. 104-ZSO (an edition of 05.02.2019). *Sobranie zakonodatel'stva Saratovskoi oblasti* [Collection of Laws of the

- Saratov region], 2009, no. 17; 2019, no. 1 (in Russian).
7. The Code of the Republic of Tatarstan about administrative offenses of 19.12.2006 no. 80-ZRT (an edition of 9.06.2014). *Respublika Tatarstan* [The Republic of Tatarstan], 2006, no. 256; 2014, no. 85 (in Russian).
 8. Maslennikov M. Ya. Federal'noe i regional'noe zakonodatel'stvo ob administrativnoi otvetstvennosti: problemy legitimnosti i perspektivy razvitiya [Federal and Regional Legislation on Administrative Responsibility: Problems of Legitimacy and Prospect of Development]. In: Maslennikov M. Ya. *Administrativnyi process: teoriya i praktika* [Administrative Process: Theory and Practice. Ed. A. S. Dugenets]. Moscow, 2008. 364 p. (in Russian).
 9. Sokolov A. Yu., Lakayev O. A. Problems of the Legislative Regulation of Administrative Responsibility for Infringements of Rules of an Accomplishment. *Saratov State Law Academy Bulletin*, 2014, no. 4 (99), pp. 47–51 (in Russian).
 10. Lapina M. A. Kontseptual'nye voprosy razvitiya administrativno-yurisdiktsionnogo zakonodatel'stva v oblasti finansov, nalogov i sborov, strakhovaniya, rynka tsennykh bumag [Conceptual Issues of Development of the Administrative and Jurisdictional Legislation in the Field of Finance, Taxes and Fees, Insurance, Securities Market]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* [Administrative and Municipal Law], 2014, no. 8 (80), pp. 843–856 (in Russian). DOI: 10.7256/1999-2807.2014.8.12396

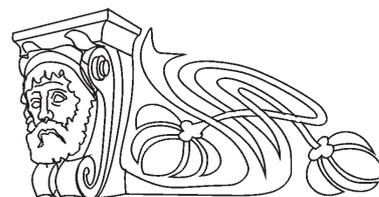
Cite this article as:

Ovsyannikov S. A. Legal Regulation of Establishment of Administrative Responsibility by Territorial Subjects of the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 224–228 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-224-228>

УДК 342.41

К вопросу о закреплении принципов избирательного права в Конституции Российской Федерации

Д. А. Кондращенко

Кондращенко Дарья Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, dariakr2004@mail.ru

Введение. В статье рассматривается правовая регламентация универсальных принципов избирательного права Российской Федерации: принципа всеобщего избирательного права, принципа равного избирательного права, принципа прямого избирательного права и принципа тайного голосования. **Теоретический анализ.** Указанные принципы полноценно регламентированы федеральным законодательством, однако действующий Основной закон Российской Федерации закрепляет их лишь в отношении выборов Президента Российской Федерации. В статье также анализируются правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и международные избирательные стандарты. **Результаты.** Автором сформулированы предложения по закреплению универсальных принципов избирательного права в Конституции Российской Федерации в случае ее возможного дальнейшего пересмотра.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, институт выборов, избирательное законодательство, принципы избирательного права.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-229-233>

Введение

Институт выборов в Российской Федерации занимает особое место в системе современного народовластия. Так, в соответствии с п. 3 ст. 3 Конституции Российской Федерации референдум и свободные выборы являются высшим непосредственным выражением власти народа [1]. Высокая значимость института выборов в демократическом государстве подчеркивается его основной функцией – формированием органов государственной власти и местного самоуправления, которые, в свою очередь, оказывают влияние на функционирование других элементов государственного механизма. В связи с этим вопросы избирательного права также не теряют своей актуальности.

Избирательное законодательство регулярно изменяется, что обусловлено динамичностью электоральных процессов в стране. Особое значение для процесса организации и проведения выборов имеют принципы избирательного права, которые служат основным ориентиром правового

регулирования электоральных отношений, и от степени их соблюдения зависит стабильность института выборов в Российской Федерации.

Теоретический анализ

В правовой литературе выделяют два понятия – «принципы избирательной системы» и «принципы избирательного права». С. А. Авакьян под принципами избирательной системы понимает основополагающие начала, на которых она строится, организуются и проводятся выборы депутатов представительных органов и выборных должностных лиц государственной власти и местного самоуправления [2, с. 177]. По мнению Г. Н. Комковой, под конституционными принципами избирательного права понимаются «основные начала демократизма, имеющие определяющее значение для института выборов, выражающие сущность народовластия в государстве» [3, с. 163]. Таким образом, принципы избирательной системы и принципы избирательного права выступают минимальными обязательными требованиями для демократичности выборов в Российской Федерации.

Анализируя принципы избирательного права Российской Федерации, следует отметить, что единой верной и исчерпывающей их классификации не существует, так как каждая из них выделяет принципы в зависимости от различных оснований. В рамках настоящего исследования обратим внимание на универсальные (классические) принципы субъективного избирательного права, а именно: принцип всеобщего избирательного права, принцип равного избирательного права, принцип прямого избирательного права и принцип тайного голосования.

Правовую основу указанных принципов составляет ст. 81 Конституции Российской Федерации, которая гласит: «Президент Российской Федерации избирается сроком на шесть лет гражданами Российской Федерации на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании». Однако важно отметить, что исследуемый «минимум» принципов закреплён лишь в отношении выборов Президента Российской Федерации. В отношении выборов всех других органов власти в Кон-

ституции отсутствуют положения о принципах избирательного права и процесса, а существуют лишь отсылки к федеральному законодательству. Так, п. 2 ст. 96 Конституции РФ гласит: «Порядок формирования Совета Федерации и порядок выборов депутатов Государственной Думы устанавливаются федеральными законами».

Обращаясь к федеральному законодательству, следует выделить Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», в ст. 3 которого закреплены принципы проведения в Российской Федерации выборов и референдума [4]. Важно отметить, что данный Закон закрепляет как универсальные принципы избирательного права, так и новые: принцип свободы и добровольности участия в выборах, принцип открытости и гласности выборов, принцип подлинности результатов выборов и др. Указанный Закон также содержит полноценную регламентацию каждого из универсальных принципов: ст. 4 посвящена всеобщему избирательному праву и праву на участие в референдуме, ст. 5 – равному избирательному праву и праву на участие в референдуме, ст. 6 – прямому избирательному праву и праву на прямое волеизъявление на референдуме, ст. 7 – тайному голосованию.

Универсальные принципы избирательного права также закреплены в других федеральных законах: «О выборах Президента Российской Федерации» [5], «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [6], «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [7], «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» [8]. Таким образом, принципы избирательного права, являющиеся обязательными требованиями для выборов в любой орган государственной власти и на любом уровне, закреплены в соответствующих федеральных законах.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в целом принципы избирательного права регламентированы федеральным законодательством, однако по-прежнему остаются вопросы в отношении закрепления указанных принципов в Конституции Российской Федерации.

Определенную ясность в этот вопрос внес Конституционный Суд Российской Федерации, в постановлении которого отмечено следующее: «По смыслу статей 1, 2, 3, 17, 19, 60 и 81 Конституции Российской Федерации – выражены

общие принципы, лежащие в основе реализации конституционного права гражданина Российской Федерации избирать и быть избранным на подлинно свободных выборах. Соответственно, и образуемые в Российской Федерации путем свободных выборов органы народного представительства должны формироваться на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании» [9, с. 293].

Характерной чертой Конституций СССР было наличие в них отдельной главы «Избирательная система», которая закрепляла на уровне Основного закона страны принципы избирательного права. Важно отметить, что в действующей Конституции Российской Федерации наблюдается существенное сужение круга конституционных норм, регулирующих электоральные отношения, так как полностью убрана глава, посвященная избирательной системе.

Также важно отметить, что, согласно Конституции Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Таким образом, правовое регулирование избирательных прав и свобод российских граждан должно осуществляться в соответствии не только с внутривнутригосударственным законодательством, но и с международными стандартами в области избирательного права, касающегося различных правоотношений в сфере выборов, в том числе и избирательного процесса. По нашему мнению, указанная норма закрепления верховенства международных избирательных стандартов над внутривнутригосударственными в некоторой степени компенсирует отсутствие полноценного закрепления принципов избирательного права в Конституции, так как практически во всех международно-правовых актах, регулирующих электоральные отношения, закреплены универсальные избирательные принципы. Важнейшими универсальными международными документами являются Всеобщая декларация прав человека, утвержденная Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. [10], и Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый в 1966 г. [11].

Однако в связи с низким уровнем правовой культуры граждан в Российской Федерации и высоким уровнем их скептического отношения к честности выборов нельзя рассчитывать в полной мере на знание международных избирательных

стандартов и практики Конституционного суда Российской Федерации. Исходя из этого, целесообразным представляется закрепление универсальных принципов избирательного права именно в Конституции Российской Федерации. Речь не идет о регламентации всех принципов избирательного права и процесса, их слишком много и большинство из них содержится в федеральных законах. Однако минимум, включающий в себя универсальные принципы, необходимо закрепить в отношении не только выборов Президента Российской Федерации, но и всех других видов выборов.

Представляется интересным мнение А. Хорошевой о том, что отход от модели советских конституций (наличие отдельной главы, посвященной избирательной системе, в которой закреплялись в том числе принципы избирательного права) был обусловлен тем, что на момент разработки и принятия Конституции очертания новой избирательной системы были еще слишком зыбкими и неопределенными, поэтому принципы избирательного права было нецелесообразно закреплять в столь фундаментальном нормативном правовом акте, обладающем довольно жестким порядком внесения в него изменений, как Конституция. Вместе с тем в настоящее время систему основных принципов избирательного права России можно признать стабильной и устоявшейся, что обуславливает возможность их закрепления в Конституции [12, с. 17].

Результаты

В правовой литературе встречается несколько вариантов предложений по закреплению принципов избирательного права в Конституции Российской Федерации:

- 1) создание главы «Избирательная система»;
- 2) закрепление принципов избирательного права в отношении выборов в конкретные органы государственной власти.

По нашему мнению, возвращение отдельной главы «Избирательная система» в действующую Конституцию РФ нелогично, так как в настоящее время в Российской Федерации применяется и мажоритарная и пропорциональная избирательные системы для выборов в разные органы государственной власти. Так, в 2007–2011 гг. выборы в Государственную Думу проходили по пропорциональной системе. С 2016 г. половина депутатов Госдумы РФ избирается по одномандатным округам по мажоритарной системе, а вторая половина – по единому избирательному округу по пропорциональной системе с барьером в 5%. Помимо этого, в соответствии с российским избирательным законодательством

на выборах Президента РФ применяется мажоритарная система абсолютного большинства.

Что же касается варианта закрепления принципов избирательного права в отношении выборов в конкретные органы государственной власти, то такая регламентация приведет к дублированию одинаковых правовых положений в нескольких статьях Конституции Российской Федерации, что, в свою очередь, является также нерациональным.

Представляется целесообразным в случае возможного дальнейшего пересмотра Конституции закрепить универсальные принципы избирательного права в ст. 32 Конституции Российской Федерации, посвященной избирательным правам граждан, и дополнить ее пп. 2.1. изложив его в следующей редакции: «Граждане Российской Федерации имеют право на участие в выборах органов государственной власти и органов местного самоуправления на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании». При этом схожее положение, закрепляющее принципы избирательного права в отношении выборов Президента Российской Федерации, необходимо ликвидировать и исключить из ст. 96 Конституции Российской Федерации слова «на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании». Таким образом, принципы всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании получают свое закрепление для всех выборов, предусмотренных как Основным законом Российской Федерации, так и другими законодательными актами, что будет способствовать неизменности общих начал проведения выборов.

Важно отметить, что значение конституционного оформления принципов избирательного права действительно велико, так как Конституция РФ по своему характеру является основанием для всех других законов, которые в свою очередь должны строго согласовываться с конституционными принципами. Более того, принципы избирательного права не только выступают определяющими параметрами избирательного законодательства, но и призваны служить критерием его оценки. Так как выборы являются одной из фундаментальных основ политической системы страны, особенно остро ощущается необходимость закрепления принципов организации выборов и участия в них граждан именно на конституционном уровне. Отсутствие правового закрепления принципа всеобщего избирательного права, принципа равного избирательного права, принципа прямого избирательного права и принципа тайного голосования в Конституции

Российской Федерации в качестве универсальных принципов позволяет сомневаться в их применении ко всем избирательным процессам в стране. Следовательно, избиратели не могут быть уверены в честности результатов таких выборов.

Универсальные принципы избирательного права являются исходными параметрами электро-ральных отношений, соблюдение которых делает выборы в Российской Федерации действительно процессом народного волеизъявления. В связи с этим с целью повышения доверия граждан к институту выборов необходимо закрепить их в Конституции РФ не только в отношении выборов Президента Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. Авакьян С. А. Конституционное право России : Учебный курс : в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. Т. 2. М., 2014. 912 с.
3. Комкова Г. Н., Колесников Е. В., Липчанская М. А. Конституционное право Российской Федерации : учебник для акад. бакалавриата. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2019. 369 с.
4. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253 ; 2018. № 53 (ч. I), ст. 8476.
5. О выборах Президента Российской Федерации : федер. закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 11.12.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 2, ст. 171 ; 2018. № 51, ст. 7861.
6. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 8, ст. 740 ; 2018. № 53 (ч. I), ст. 8454.
7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 06.02.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822 ; 2019. № 6, ст. 461.
8. Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления : федер. закон от 26.11.1996 № 138-ФЗ (ред. от 04.06.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 49, ст. 5497 ; 2014. № 23, ст. 2931.
9. Несмеянова С. Э. Судебная практика Конституционного Суда РФ с комментариями. М., 2015. 480 с.
10. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Рос. газ. 1995. № 67.
11. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
12. Хорошева А. Система принципов российского избирательного права : понятие и нормативное закрепление // Журнал о выборах. 2010. № 6. С. 17–22.

Образец для цитирования:

Кондращенко Д. А. К вопросу о закреплении принципов избирательного права в Конституции Российской Федерации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 229–233. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-229-233>

Consolidation of the Principles of Electoral Law in the Constitution of the Russian Federation

D. A. Kondraschenko

Daria A. Kondraschenko, <https://orcid.org/0000-0002-6478-839X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, dariakr2004@mail.ru

Introduction. The article deals with the legal regulation of the universal principles of the electoral law of the Russian Federation: the principle of universal suffrage, the principle of equal suffrage, the principle of direct suffrage and the principle of secret ballot.

Theoretical analysis. These principles are fully regulated by the federal legislation. However, the current Constitution of the Russian Federation consolidates them only in respect of the election of the

President of the Russian Federation. The article also analyzes the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation and international electoral standards. **Results.** The author formulated proposals on the consolidation of the universal principles of electoral law in the Constitution of the Russian Federation in case of a possible further revision.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, institution of elections, electoral legislation, principles of electoral law.

References

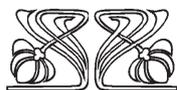
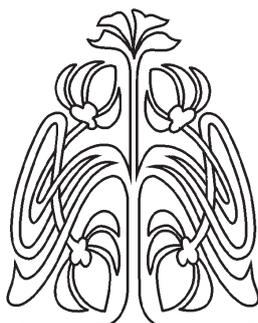
1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended of 30.12.2008 no. 6-FKZ, of 30.12.2008 no. 7-FKZ, of 05.02.2014 no. 2-FKZ, of 21.07.2014 no. 11-FKZ)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398 (in Russian).

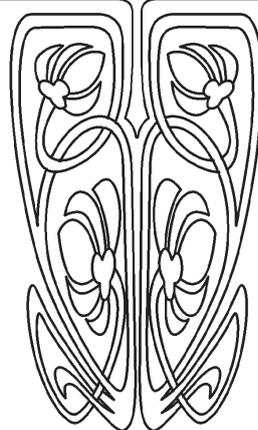
2. Avakyan S.A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii: Uchebnyi kurs*. [Constitutional law of Russia: The training course: in 2 vols. 5th ed., rev. and add.]. Vol. 2. Moscow, 2014. 912 p. (in Russian).
3. Komkova G. N., Kolesnikov E. V., Lipchanskaja M. A. *Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional law of the Russian Federation. 5th ed., rev. and add.]. Moscow, 2019. 369 p. (in Russian).
4. On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in the referendum of the citizens of the Russian Federation. Federal Law of 12.06.2002 no. 67-FZ (an edition of 27.12.2018). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 24, art. 2253; 2018, no. 53 (pt. 1), art. 8476 (in Russian).
5. On elections of President of the Russian Federation. Federal law of 10.01.2003 no. 19-FZ (an edition of 11.12.2018). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2003, no. 2, art. 171; 2018, no. 51, art. 7861 (in Russian).
6. On the Election of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Federal law of 22.02.2014 no. 20-FZ (an edition of 27.12.2018). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 8, art. 740; 2018, no. 53 (pt. 1), art. 8454 (in Russian).
7. On general principles of organization of local self-government in the Russian Federation. Federal law of 06.10.2003 no. 131-FZ (an edition of 06.02.2019). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2003, no. 40, art. 3822; 2019, no. 6, art. 461 (in Russian).
8. On ensuring the constitutional rights of citizens of the Russian Federation to elect and be elected to bodies of local self-government. Federal law of 26.11.1996 no. 138-FZ (an edition of 04.06.2014). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1996, no. 49, art. 5497; 2014, no. 23, art. 2931 (in Russian).
9. Nesmeyanova S. E. *Sudebnaia praktika Konstitutsionnogo Suda RF s kommentariyami* [Judicial Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation with Comments]. Moscow, 2015. 480 p. (in Russian).
10. The Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948). *Rossiiskaia gazeta* [Russian Newspaper], 1995, no. 67 (in Russian).
11. The International Covenant on Civil and Political Rights (adopted by the UN General Assembly on 16.12.1966). *Biulleten' Verhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court], 1994, no. 12 (in Russian).
12. Khorosheva A. Sistema printsipov rossiiskogo izbiratel'nogo prava: poniatie i normativnoe zakreplenie [The System of Principles of the Russian Electoral Law: the Concept and Normative Consolidation]. *Zhurnal o vyborah* [Journal on Elections], 2010, no. 6, pp. 17–22 (in Russian).

Cite this article as:

Kondraschenko D. A. Consolidation of the Principles of Electoral Law in the Constitution of the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 229–233 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-2-229-233>

ПОДПИСКА

Подписка на II полугодие 2019 года

Индекс издания в объединенном каталоге
«Пресса России» 36012, раздел 30
«Научно-технические издания.
Известия РАН. Известия вузов»

Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес издательства:

410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7 (845-2) 51-45-49, 52-26-89
Факс: +7 (845-2) 27-85-29
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,
СГУ имени Н. Г. Чернышевского,
экономический факультет
Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-38
E-mail: sgu-eup@rambler.ru
Website: <http://eup.sgu.ru>